ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

[illegible]

ГОДЪ VIII—1870.

КНИЖКА XII.

ТОМЪ IV.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи Штаба Виленскаго Военнаго Округа.

1870.

Дозволено Ценсурою 8-го Декабря 1870 г. Вильна.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ“

ВЪ БУДУЩЕМЪ 1871 ГОДУ.
(ДЕВЯТОМЪ).

Я принялъ на себя изданіе „Вѣстника западной Россіи“ въ самую трудную для него эпоху. Вызванное личнымъ сознаніемъ долга и настояніями людей русскихъ, его продолженіе потребовало отъ меня различныхъ самопожертвованій, помогшихъ мнѣ пережить кризисъ Вѣстника настолько успѣшно, насколько то было возможно въ его недугѣ: прежніе его сотрудники сочувственно откликнулись на мой призывъ, журналъ, позволяю себѣ думать, сдѣлался содержательнѣе и скоро войдетъ въ свои нормальные сроки,—надѣюсь, при помощи Божіей и содѣйствіи добрыхъ людей, поднять его уровень далеко выше.

„Вѣстникъ западной Россіи“ будетъ издаваться по прежней своей программѣ, именно:

Отдѣлъ I.

Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіеся въ разныхъ архивахъ и библіотекахъ акты, относящіеся къ церковной, гражданской и народобытовой исторіи западной Россіи, съ переводомъ

на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ,—съ изъясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій тѣхъ документовъ, которые писаны на древнемъ русскомъ языкѣ, и съ прибавленіемъ необходимыхъ примѣчаній.

Отдѣлъ II.

Очерки и разсказы изъ событій прошедшаго быта и нравовъ,—научныя изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ той же исторической сферѣ,—біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ западной Россіи,—свѣдѣнія о церквахъ, монастыряхъ, учрежденіяхъ и мѣстахъ, имѣющихъ историческое значеніе, и описанія мѣстностей съ историческими воспоминаніями. Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и статьи по части отечественной археологіи.

Отдѣлъ III.

Критика сочиненій и статей, относящихся къ западной Россіи и заслуживающихъ вниманіе нападокъ на Вѣстникъ,—опроверженіе вымысловъ и клеветъ на Россію и православіе, распространяемыхъ печатно недругами нашего отечества,—обличеніе ихъ во всякомъ искаженіи фактовъ, вообще полемика со всѣмъ, что направлено къ нарушенію благосостоянія и цѣлости нашей вѣры и народности.

Отдѣлъ IV.

Повѣсти, разсказы, очерки, описанія и изслѣдованія разныхъ сторонъ настоящаго быта западной Россіи, въ связи съ ея прошедшею исторіей,—свѣдѣнія о заграничныхъ славянскихъ племенахъ вообще и въ особенности о племенахъ, принадлежавшихъ прежде къ Россіи, о русской грамотности и распространеніи ея въ областяхъ западной Россіи, новыя государственныя постановленія и мѣстныя административныя распоряженія, касающіяся сихъ областей,—извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ разныхъ извѣстій, касающихся западной Россіи,—библіографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ предметомъ эти области,—некрологи и разныя мелкія статьи (въ стихахъ и прозѣ), не подходящія подъ

рубрику первыхъ трехъ отдѣловъ. Корреспонденціи, объявленія и проч.

„ВѢСТНИКЪ"

будетъ выходить съ января мѣсяца книжками, около 12 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ДЛЯ ВИЛЬНЫ—у книгопродавца *А. Г. Сыркина,* на Большой улицѣ, домъ Учебнаго Округа.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ—у коммиссіонера «Вѣстника», книгопродавца *А. Ѳ. Базунова,* на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной.

ВЪ МОСКВѢ—у книгопродавца *И. Г. Соловьева,* на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

Иногородные благоволятъ адресоваться прямо и *исключительно* въ редакцію «Вѣстника Западной Россіи», въ Вильнѣ.

ГОДОВАЯ ЦѢНА ИЗДАНІЮ:

Въ *Вильнѣ* 6 р., съ доставкою на домъ 7 р., съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи 8 рублей. Для сельскаго духовенства и волостныхъ правленій годовой экземпляръ „Вѣстника" уступается за 6 р. съ пересылкою. Принимается подписка и на полгода, но только *съ непремѣннымъ* условіемъ высылки денегъ въ маѣ и на 2-е полугодіе. Адресы прошу писать какъ можно разборчивѣе.

Для избавленія меня отъ рисковой затраты капитала, прошу покорнѣйше желающихъ выписывать мое изданіе *ускорить подпискою.*

Редакторъ-издатель **И. Эремичъ.**

IV.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ВИЛЕНСКАГО ВѢСТНИКА"

въ 1871 году.

Большинство читателей „Виленскаго Вѣстника", какъ мѣстные жители, близко знакомы со всѣми требованіями и условіями общественной жизни сѣверо-западнаго края и потому ясно понимаютъ характеръ и содержаніе нашей газеты, вытекающіе изъ суммы всѣхъ этихъ условій. Для такихъ читателей мы не имѣли бы надобности излагать программу, или говорить о дѣйствительномъ значеніи „Виленскаго Вѣстника"; притомъ, редакція, составившаяся въ февралѣ мѣсяцѣ настоящаго года, имѣла случай объявить программу, которой намѣрена была слѣдовать, и затѣмъ, въ срединѣ года, представила своимъ читателямъ отчетъ о достигнутыхъ ею результатахъ. Но, обращаясь къ меньшинству читателей, разсѣянныхъ по всѣмъ внутреннимъ губерніямъ, и къ нашей читающей публикѣ вообще, считаемъ долгомъ опредѣлить содержаніе и направленіе „Виленскаго Вѣстника".

Программа нашего изданія допускаетъ всѣ элементы обыкновенныхъ политическихъ газетъ и, подъ вліяніемъ дѣйствительныхъ требованій жизни, „Виленскій Вѣстникъ" сдѣлался газетою политическою, въ обще-принятомъ смыслѣ.

Группируя всѣ статьи, помѣщенныя, въ теченіи настоящаго года, по принятымъ въ нашей газетѣ рубрикамъ, получимъ, какъ выводъ, что программа „Виленскаго Вѣстника" слѣдующая:

Отдѣлъ офиціальный: Дѣйствія правительства, правительственныя распоряженія.

Отдѣлъ мѣстный: Дѣйствія и распоряженія высшей мѣстной власти сѣверо-западнаго края, мѣстныя событія, происшествія, заявленія, свѣдѣнія о ходѣ народнаго образованія и вообще учебной дѣятельности въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ; корреспонденціи изъ разныхъ мѣстностей западныхъ губерній; этнографическія и историческія описанія и изслѣдованія разныхъ мѣстностей, въ предѣлахъ западныхъ губерній.

Отдѣлъ внутреннихъ извѣстій: Извѣстія о всѣхъ событіяхъ и явленіяхъ по всѣмъ отраслямъ общественной и эко-

номической жизни внутреннихъ губерній; корреспонденціи изъ разныхъ мѣстностей Россіи.

Отдѣлъ политическій: Политическія обозрѣнія, политическія статьи и заграничныя корреспонденціи, выписки изъ иностранныхъ газетъ и политическія телеграммы, получаемыя непосредственно по телеграфу.

Фельетонъ: Оригинальныя и переводныя бельлетристическія статьи; повѣсти и разсказы; статьи библіографическія, историческія и научныя.

Такое содержаніе газеты, какъ мы сказали уже, опредѣлилось естественнымъ образомъ изъ дѣйствительной потребности мѣстныхъ жителей. Въ виду необходимости для нашихъ читателей знать все, на что они имѣютъ право разсчитывать, получая газету, то есть, получать своевременно самыя полныя свѣдѣнія о всѣхъ явленіяхъ жизни своего русскаго отечества и всего политическаго міра, по скольку это исполняется газетами, мы должны были сдѣлать „Виленскій Вѣстникъ" газетою болѣе обще-русскою, чѣмъ мѣстною, хотя потребность въ выраженіи мѣстныхъ вопросовъ принуждаетъ иногда удѣлять имъ значительное мѣсто.

По такой же причинѣ мы придали самое широкое развитіе отдѣлу политическихъ извѣстій, въ которомъ, благодаря географическому положенію Вильны, мы сообщаемъ всѣ извѣстія за два или на три дня прежде, чѣмъ столичныя газеты. По большей части, мы успѣваемъ сообщить подробное извѣстіе въ то самое время, какъ въ столичныхъ газетахъ появляются только краткія телеграммы о данномъ событіи. Сверхъ того, „Виленскій Вѣстникъ" получаетъ политическія телеграммы отъ разныхъ агентствъ, въ такомъ количествѣ, въ какомъ не получаетъ ни одна провинціальная газета. Понятно, что развитіе политическаго отдѣла вызвано современными событіями; но при перемѣнѣ обстоятельствъ первенствующее мѣсто можетъ перейти къ другимъ отдѣламъ, вполнѣ согласно съ настроеніемъ и требованіемъ общества. Изъ этого объясненія читатели могутъ судить, что мы вовсе не представляемъ невозможныхъ въ исполненіи, одностороннихъ програмъ, не навязываемъ имъ невѣдомыхъ и несущественныхъ цѣлей, а просто обѣщаемъ политическую газету въ общепринятомъ смыслѣ, которая усердно слу-

дитъ обществу, стараясь всѣми силами доставлять, съ возможною скоростію, всякія извѣстія и свѣдѣнія и радушно открываетъ столбцы для всѣхъ законныхъ заявлений.

Думаемъ, что, при такихъ условіяхъ, „Виленскій Вѣстникъ“ можетъ быть удобенъ, какъ газета, во всѣхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества, ибо вездѣ извѣстія его придутъ одновременно съ извѣстіями столичныхъ газетъ.

Мы считаемъ неудобнымъ касаться здѣсь политическаго характера „Виленскаго Вѣстника“; въ теченіи настоящаго года, характеръ этотъ рѣзко опредѣлился, ибо вѣрно знаемъ, что ни разу не сбились съ пути, указаннаго нашими убѣжденіями. Въ заключеніе скажемъ, что въ текущемъ году „Виленскій Вѣстникъ“ переживалъ трудный кризисъ; но усиліями редакціи положеніе его упрочилось, и „Виленскій Вѣстникъ“ вступаетъ въ новый годъ съ такими средствами, которыя позволяютъ въ полной мѣрѣ исполнить всѣ обязанности и задачи политической газеты обширнаго сѣверо-западнаго края.

„Виленскій Вѣстникъ“ будетъ выходить въ слѣдующемъ 1871 году по той же программѣ, какъ и теперь, три раза въ недѣлю, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	без пересылки и доставки.	съ пересылкою и доставкою.
На годъ.	8 руб.	10 р. [1]).
— полгода.	4 —	5 — [2]).
— три мѣсяца.	2 — 40 к.	3 — [3]).
— одинъ мѣсяцъ „	80 к.	1 — [4]).

Подписка принимается: въ Вильнѣ въ конторѣ редакціи „Виленскаго Вѣстника“, на углу Погулянки и Завальной улицы, въ домѣ г-жи Диоховской; въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной № 30; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ въ провинціяхъ.

Редакторъ *С. Поль.*

---

1) Въ томъ числѣ за укупорку 40 к.; за пересылку 1 р. 60 к.
2) — — — — — 20 „ — — 80 „
3) — — — — — 10 „ — — 50 „
4) — — — — — 4 „ — — 16 „

I.

ДОКУМЕНТЫ,

КАСАЮЩІЕСЯ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ (1794 годъ) ПОДЪ ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМЪ КОСТЮШКИ.

8.

Копія. *Секретно.*

5-го Баронъ Осипъ Адрейевичъ [1]). Изъ приложеннаго здѣсь списка указа Нашего даннаго Генералу Графу Салтыкову увидите вы тѣ мѣры, которыя предписали Мы ему употребить къ скорѣйшему изкорененію зла общими силами. Корпусъ Генерала Поручика Загряжскаго имѣющій быть въ повелѣніяхъ вашихъ обращаться долженъ по обстоятельствамъ слѣдуя предписаніямъ вашимъ. Въ Литвѣ также войски усилить Мы повелѣли, о чемъ и будете вы извѣщены отъ предсѣдательствующаго въ военной Нашей коллетіи Генерала Графа Салтыкова. Располагая столь знаменитыми силами и способами, ожидаемъ Мы отъ васъ успѣховъ несомнѣнныхъ, скораго и всеконечнаго истребленія бунтующихъ, поражая ихъ повсюду сколь храбростію войскъ Нашихъ, столь и превосходствомъ Нашей артиллеріи, употребляя ихъ въ надлежащей силѣ, и въ достаточномъ количествѣ, не подвергая очевидной опасности

---

1) Баронъ Игельстромъ.

слабыя отряды, но всегда наступая съ живостію и возможнымъ удостовѣреніемъ въ побѣдѣ строго взыскивая притомъ отъ подчиненныхъ вамъ, чтобы съ крайнею точностію исполняли повелѣнія старшихъ надъ ними и чтобы повиновеніе въ войскахъ вамъ ввѣренныхъ яко душа воинской службы и главный способъ преодолѣнія враговъ, въ наивысшей степени соблюдаемо было. Войски Короля Прускаго вступившія уже конечно въ воеводства Краковское и Сендомирское, по соизволенію Государя ихъ долженствующіе обращаться по видамъ и предположеніямъ вашимъ, даютъ вамъ вящшіе способы къ истребленію возмутителей, а какъ вы и сами доносите и давно уже извѣстно вамъ, что между Нами и Прусскимъ Королемъ были взаимныя положенія, чтобы войски прусскія обезпечивали спокойствіе за Вислою, то и слѣдуетъ вамъ настоять у начальниковъ прусскихъ войскъ, чтобы они всемѣрныя дѣлали усилія возстановить тамо возмущенное спокойствіе, убѣждая ихъ къ тому собственною пользою и сохраненіемъ порядка въ новопріобрѣтенныхъ ими отъ Польши областяхъ.

Впрочемъ поелику обстоятельства со дня на день перемѣняться могутъ, въ таковомъ же отдаленіи нѣтъ возможности ожидать вамъ повелѣній, положеніемъ же дѣлъ понуждаетесь принимать мѣры и рѣшимости наиболѣе соотвѣтствующіе пользамъ дѣлъ Нашихъ, то и повелѣваемъ вамъ дѣйствовать по обстоятельствамъ, руководствуясь генеральными правилами вамъ отъ нась предначертанными въ указахъ Нашихъ, а особливо въ рескриптѣ отъ 6 Генваря 1793 года, въ коемъ предполагались разныя средства къ утушенію волненія на случай появленія онаго по причинѣ тогдашнихъ пріуготовленій къ раздѣлу Польши; на ваше благоразуміе возлагаемъ что либо по мѣстному усмотрѣнію вашему изъ тѣхъ мѣръ въ дѣйство произвести,

олагая общимъ правиломъ съ одной стороны елико возможно уменшать число противниковъ, ускромлять ихъ и тнимать у нихъ всѣ способы быть вредными, а съ другой возстановлять, покровительствовать и защищать благонамѣренныхъ. Пребываемъ впрочемъ всегда вамъ благосклонны.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ.

Апрѣля 5 дня 1794 г.

9.

Секретно.

5-го Копія:

Графъ Иванъ Петровичъ 1). Мы уже повелѣли вамъ указомъ Нашимъ, отъ 28 числа прошедшаго Марта, изготовить для введенія въ Галицію часть войскъ вамъ ввѣренныхъ, подъ командою Генералъ Порутчика Дерфельдена, по востребованію Вѣнскаго Двора, на тотъ конецъ, чтобы нетокмо тѣмъ охранить предѣлы Наши, отдалить отъ оныхъ разсѣваемое возмущеніе бунтовщикомъ Костюшкою и его сообщниками; и сохранить въ спокойствіи область союзника Нашего съ Нами сопредѣльную, но и пресѣчь всякое сообщеніе бунтовщикамъ чрезъ Буковину съ Молдавіею. Нынѣ извѣстясь вновь о происходящемъ въ Польшѣ, за нужное признали Мы повелѣть вамъ, естли не исполнили вы еще требованія Генерала Игельстрома, то имѣете оное немедленно исполнить отрядивъ отъ войскъ вамъ ввѣренныхъ корпусъ двѣнацати тысячь человѣкъ съ достаточною артиллеріею, подъ командою Генералъ Пору-

---

1) Салтыковъ.

чика Загряжскаго и двухъ Генералъ-маіоровъ, которому и предпишите неукоснительно слѣдовать чрезъ Дубно, Луцкъ, Володимеръ, Хелмъ къ Люблину, гдѣ и состоять ему въ распоряженіяхъ Генерала Игельстрома. Симъ подкрѣплены будутъ войска въ его командѣ состоящія, прикрыты будутъ предѣлы Наши, и съ сей стороны будетъ отдалено возмущеніе отъ областей Нашихъ пресѣчется сообщеніе бунтовщикамъ съ Литвою и учредится средственной корпусъ межъ вами и Генераломъ Игельстромомъ, съ коимъ непрерывное сообщеніе вамъ имѣть необходимо надлежитъ, дабы по часту взаимно извѣщаясь, по тому и поведеніе свое располагать могли, не токмо къ утушенію, но и къ скорѣйшему искорененію зла; для чего, по лучшему усмотрѣнію на мѣстѣ и по открывающимся обстоятельствамъ, знатные способы и силы вамъ ввѣренныя, конечно къ пользѣ употреблены будутъ. Войски же Наши состоящіе въ Губерніи Минской по личному тамо присутствію правящаго должность Генерала Губернатора, по силѣ 89-й статьи учрежденій Нашихъ, выполнять должны предписанія его для сохраненія въ томъ краѣ спокойствія, что и возлагается на его попеченіе.

По послѣднимъ изъ Варшавы извѣстіямъ, войски Польскіе, кои расположены были въ воеводствахъ Волынскомъ, Хельмскомъ и Люблинскомъ бывъ поджигаемы подсыльщиками отъ бунтовщика Костюшки, вступили въ Галлицію въ намѣреніи соединиться съ нимъ въ воеводствѣ Краковскомъ. Естли въ пути своемъ предуспѣютъ они взбунтовать Галлицію, найдутъ тамо сообщиковъ и изъ Кракова Костюшка обратится тудаже, то Вѣнской Дворъ безъ сомнѣнія востребуетъ уже помощи Нашей и о семъ къ вамъ конечно отнестися повелитъ. Тогда немедленно въ Галлицію вступить имѣютъ съ одной стороны корпусъ войскъ подъ командою Генерала Поручика Дерфельдена, а съ

ругой Генерала Поручика Загряжскаго, гдѣ располагая виженія свои, совокупно съ Австрійскими войсками тамо аходящимися, по оборотамъ непріятеля, стараться совершенно истребить ихъ. Естьлиже Костюшко обратится къ Заршавѣ, то ускромлять его будетъ дѣло Генерала Игельтрома, совокупно съ войсками Короля Прусскаго; для подкрѣпленія войскъ у него состоящихъ отъ него зависить будетъ корпусъ Генерала Порутчика Загряжскаго, которой онъ и будетъ употреблять, тамъ гдѣ нужда того востребуетъ. Мы увѣрены что всѣ здѣсь предначертанные вамъ виды къ успокоенію тамошняго края съ успѣхомъ выполнены будутъ и что единодушною связью и согласнымъ поведеніемъ съ Генераломъ Барономъ Игельстромомъ, подкрепляя его во всѣхъ его требованіяхъ, предуспѣете общими силами искоренить зло при его еще началѣ. Для предупрежденія подобныхъ возмущеній въ мѣстахъ занимаемыхъ войсками начальства вашего, надлежитъ найприлѣжнѣйше наблюдать поведеніе обывателей, не оскорбляя безъ причины и не подавая имъ ни малѣйшаго вида подозрѣнія, примѣчать должно за заграничными сношеніями и переписками ихъ, въ случаѣ же какой либо дерзости, въ примѣръ другимъ, дабы кокое либо послабленіе не ободрило и не дало бы поводу къ буйству и къ наглостямъ, для ускромленія таковыхъ, яко нарушителей общаго спокойствія, брать ихъ подъ стражу и отсылать въ Кіевъ до повелѣнія Нашего, донося Намъ въ подробности о причинѣ къ тому васъ побудившей. Естьли захваченъ Дзялинской, или кто изъ сообщниковъ его, пришлите его сюда, узнавъ отъ него о связяхъ и поборникахъ ихъ; Естлиже скроется, то всемѣрно стараться должно отыскавъ изловить, что и съ другими подобными ему чинить, естлибъ открываться стали. За новоприсоединенными войсками должны вы равномѣрно имѣть прилѣжнѣйшее и

ближайшее надзираніе не тревожа и не оскорбляя ихъ подозрѣніемъ; естлиже-бы изъ офицеровъ ихъ кто либо, забывъ долгъ присяги своей, отважился на что либо предосудительное вѣрному подданому, то таковой немедленно да будетъ судимъ по всей строгости воинскихъ законовъ, а будебы успѣлъ обольстить и склонить какую либо часть изъ войскъ сихъ, отъ вашего на мѣстѣ усмотрѣнія зависитъ будетъ употребить достаточные способы къ воздержанію ихъ; лучшейже способъ, отвратить таковое зло, есть безоруженіе умышленниковъ и росписаніе ихъ по разнымъ полкамъ и по гарнизонамъ. Но дабы сіе не потревожило прочихъ, то отъ себя и объявить можете причины, коими заслужили наказаніе сіе, присовокупляя увѣреніе, что всѣ не нарушающіе присягу, исполняющіе долгъ и обязанности свои и пребывающіе въ непоколебимой вѣрности останутся въ полкахъ своихъ не прикосновенными, подъ защитою благотворныхъ законовъ Нашихъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ.

Апреля 5-го дня 1794 г.

10.

Секретно:

Копія:

Баронъ Осипъ Андрѣевичъ. Донесеніи ваши отъ 29 Марта Мы получили, и одобряя мѣры вами принятыя, надѣемся что Богъ благословитъ успѣхомъ предпріятіе ваше. Вы изъ предидущихъ, и при отправленіи вашемъ данныхъ вамъ наставленій видѣли, да и самымъ положеніемъ земель, гдѣ расположены войски вамъ ввѣренныя, конечно убѣждены, что для пользы дѣлъ Нашихъ важнѣе

сохранить спокойствіе по сей сторонѣ Вислы, какъ въ мѣстахъ прилѣглыхъ къ предѣламъ Имперіи Нашей, и воспретить переходъ бунтовщикамъ на правой берегъ сей рѣки, чѣмъ удерживать Варшаву лѣжащую на томъ берегу Вислы, да и совсѣмъ въ углу къ границамъ прусскимъ. Главнѣйшей же вашъ предметъ состоитъ въ сохраненіи коммуникаціи съ войсками Нашими въ предѣлахъ Нашихъ находящимися, откуда и всѣ нужныя подкрѣпленія получать можете, да и границы Наши симъ способомъ закрывать будете. Конечно желательно было бы, чтобы Варшава не соединилась съ бунтовщиками, но сіе еще важнѣе было бы по близости для областей Прусскаго Короля, чѣмъ для Нашихъ и моглобы побудить его скорѣе дѣйствовать сильною рукою Изъ сего и слѣдуетъ что должно вамъ не раздѣлять силъ своихъ, поелику число бунтовщиковъ умножилось да и еще въ совокупности возрасти можетъ; но соединяя войски ваши и тѣмъ самымъ сокращая пространство мѣстъ ими занимаемыхъ, содѣлаетесь сильнымъ для несомнительнаго поряженія оныхъ, къ чему всѣ ваши возможности устремлены быть должны, ибо послѣ сего и землю въ надлежащее повиновеніе легко привести можно будетъ; главное же въ томъ состоитъ, чтобъ сіи разбить и тѣмъ сократить толпу возрастающую и не давать ей способовъ утверждаться во мнѣніи о силахъ ея, что есть непремѣннымъ послѣдствіемъ тѣхъ удачь или поверхностей, которые могли бы они имѣть надъ войсками Нашими, когда бы раздѣльно и въ малыхъ силахъ противъ нихъ употребляемы были. Военное искуство въ томъ и состоитъ, чтобы несомнѣнныя противникамъ наносить пораженіи и вступать съ ними въ бой со всевозможными для себя выгодами: выгоды же сіи безъ противорѣчія суть тѣ, чтобъ поражать непріятелей сихъ, хотя и многочисленнѣе бы были силы ихъ, но раздѣленные и не

имущіе нужныхъ межъ собою сообщеній и взаимныхъ подкрѣпленій, съ меньшими но соединенными и совокупными силами. Вамъ уже извѣстны быть должны, данные отъ Насъ повелѣнія Генералу Графу Салтыкову, о дѣятельнѣйшемъ исполненіи коихъ, и теперь еще подтверждаемъ указомъ Нашимъ здѣсь въ спискѣ слѣдующемъ. Къ сему за благо признали Мы повелѣть отправить въ Гродно къ войскамъ въ Литвѣ расположеннымъ Генералъ-Поручика Барона Ферзена, который принявъ команду надъ оными а равно и надъ тѣми, кои оттоль туда вступили, имѣетъ быть по прежнему въ повелѣніяхъ вашихъ. Впрочемъ пребываемъ вамъ благосклонны.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ
Апрѣля 9 дня 1794 г.

11.

Его Превосходительству Генералу-Маіору и Кавалеру Федору Петровичу Денисову.

Присланной отъ Вашего Превосходительства курьеръ съ депешами къ главнокамандующему войсками Г-ну Генералъ-Аншефу и разныхъ орденовъ кавалеру барону Осипу Андрѣевичу Игельстрому, немогъ къ нему доѣхать въ Варшаву, гдѣ здѣлался общій бунтъ, который сего Апрѣля 6-го числа, по утру въ три часа, нечаянно вдругъ столь усилился, что всѣ улицы и домы заняты были толпами вооруженныхъ мужиковъ, не только городскихъ, но изъ деревень пришедшихъ, къ коимъ присоединились и войски польскія въ Варшавѣ находящіяся. Уронъ съ нашей стороны въ людяхъ и пушкахъ долженъ быть великъ, Генералъ-Маіоры Тищевъ, Милашевичъ и Новицкий

Князь Гагаринъ тяжело ранены. Я будучи отрѣзанъ бунтовщиками отъ главнокомандующаго насилу могъ убраться въ ближайшую батерею, сооруженную изъ двухъ пушекъ, у коихъ мятежники успѣли при начальномъ бунтѣ подрубить оси и колеса. Худое дѣйствіе батарей, и въ разсужденіи небольшаго прикрытія, побудило меня присоединиться къ другой по способности батареи, подъ командою Сибирскаго Гранодерскаго полку Г. Преміеръ-маіора Багокоторому обще съ двумя ескадронами Харковскаго легко; коннаго полку, подъ командою Маіора Каменева, велѣлъ я слѣдовать для подкрѣпленія Главнокомандующаго, и самъ съ самонужнѣйшими дѣлами Главной провіантской коммисіи и денежною казною, въ ящикѣ казенномъ состоящею, отправился я къ отряду на валѣ состоящему, подъ командою Г. Подполковника Кашталинскаго. Сколь скоро ототряженной отъ меня отрядъ къ главнокомандующему тронулся вдоль по улицѣ Сѣнной, то вдругъ окруженъ былъ мятежниками; начали со всѣхъ сторонъ изъ окошекъ и изъ дверей стрѣлять и убивать людей, наконецъ и пушечная пальба изъ польскаго арсенала открылась, почему реченный Маіоръ Баго принужденъ былъ съ отрядомъ выступить и опять ко мнѣ присоединиться. Потомъ явился у меня съ отрядомъ Г. Подполковникъ и кавалеръ Клюгенъ, котораго я усиливши пѣхотою съ конницею, подъ командою Г. Подполковника Графа Игельстрома, препоручилъ ему вторично слѣдовать въ городъ Варшаву, для подкрѣпленія войскъ столкающихся съ мятежниками, при квартирѣ главнокомандующаго. Онъ съ симъ отрядомъ вошедши въ городъ производилъ сильную пушечную и ружейную пальбу по мятежникамъ, но при всемъ усиліи дошелъ только до Саксонскаго дворца, гдѣ бывъ встрѣченъ перекрестными пушечными выстрѣлами, отъ чего претерпѣвши великой уронъ въ людяхъ а паче въ артиллеристахъ принужденъ былъ отсту-

пить и явиться у меня; и какъ уже ночное время приспѣло, а бунтовщики часъ отъ часу болѣе усиливались и начали уже меня окружать со всѣхъ сторонъ, въ разсужденіи чего, и что люди большею частію были безъ провіянта, а лошади безъ фуража, созвавши господъ штабъ и оберъ-офицеровъ и здѣлавши общій совѣтъ, рѣшился слѣдовать въ Карчевъ, гдѣ вагенбургъ и магазейнъ на случай выступленія войскъ изъ Варшавы, учредить отъ Главнокомандующаго приказано было. При слѣдованіи моемъ къ Карчеву, встрѣтились со мною народовой кавалеріи три ескадрона, подъ командою подполковника Рачко, который увидѣвъ меня въ построенномъ каре, не только не смѣлъ атаковать, но хотѣлъ удаленною дорогою пробраться, для чего приказалъ я Г. Подполковнику Графу Игельстрому, двумя ескадронами догнавъ ихъ аттаковать, подкрѣпляя его одною ротою егерей; непріятель былъ совсемъ опрокинутъ съ потерею двадцати человѣкъ раненыхъ и убитыхъ, а десяти въ плѣнъ доставшихся, причемъ и обозъ ихъ достался въ добычу побѣдителямъ. Сего же числа прибылъ я въ Карчевъ, разстояніемъ отъ Варшавы въ четырехъ миляхъ надъ Вислою, и какъ отъ всѣхъ полковъ Варшавской части свезены сюда разные припасы и обозы, то и старался всемѣрно о защищеніи оныхъ при нынешнихъ опасныхъ обстоятельствахъ; а коль скоро ожидаемыя изъ новопріобрѣтенныхъ областей войска, подъ командою Г. Полковника Чесминскаго, въ Брестъ-Литовскій прибудутъ, то для лучшей безопасности должно будетъ мнѣ съ ними соединиться вмѣстѣ, а между тѣмъ находящемуся въ Козинцахъ Г. Полковнику Беклешову и Секундъ-маіору Арапову сообщилъ, не полезнѣе ли будетъ тотчасъ, или въ нужномъ случаѣ присоединиться къ Карчеву, для удержанія коммуникаціи съ вашимъ превосходительствомъ и съ войсками въ Литвѣ расположенными.

Главнокомандующій при послѣднемъ моемъ съ нимъ свиданіи объявилъ мнѣ, что въ Хельмѣ Рачинскій здѣлалъ конфедерацію и имѣлъ уже до шести тысячь вооруженныхъ людей, и какъ его покушеніе будетъ или въ Варшаву, или въ Краковъ; то для сихъ обстоятельствъ весьма бы нужно было настоять, чтобъ назначенные войски, подъ командою Полковника и кавалера Князя Лобанова, поскорѣе прибыли въ здѣшнія мѣста.

Апрѣля 8.

При Карчевѣ.

12.

Выписка изъ секретнаго донесенія Генерала Игельстрома, отъ 9 Апрѣля 1794 года, изъ стана при Закрочимѣ.

Сраженіе въ Варшавѣ началось въ пять часовъ по полуночи 6 Апрѣля.

Мокрановской явился Главнокомандующимъ возмущенными войсками, однакожъ съ зависимостію Короля. Вѣрными къ освященной особѣ и престолу Вашего Императорскаго Величества остались только: братъ королевскій Князь Примасъ, Бискупъ Инфляндскій Коссаковскій; Гетманы Ожаровскій и Забіелло; Маршалъ непремѣннаго совѣта Анквичъ, бывшій Маршалъ Рачинскій, Подскарбій Коронный Залускій, Староста Мелницкій, Шидловскій, Виковскій Скирмонтъ и Подполковникъ Лобаржевскій. Изъ нихъ Коссаковскій, сказываютъ, при самомъ началѣ мятежа взятъ подъ стражу. Бунтъ во всѣхъ частяхъ города единовременно возгорѣлъ: польскіе войска во первыхъ обняли цейхгаузъ и замокъ королевскій. Овладѣвъ цейхгаузомъ, открыли его и выдали изъ онаго пушки и множество разнаго оружія, коими вооружилась чернь. Баталіоны войскъ Вашего Императорскаго Величества въ Варшавѣ

2*

въ восьми частяхъ города были расположены. Многочисленные толпы мятежниковъ устремились вдругъ на всѣ тѣ мѣста, кои назначены были сборными для войскъ Вашего Императорскаго Величества при случаѣ тревоги, и по таковому ко всѣмъ онымъ мѣстамъ порыву и приступу, каждый баталіонъ принужденъ былъ особенно сражаться на сборномъ его мѣстѣ, а соединеніе совсѣмъ было отрѣзано.

Продолжая сраженіе, я ласкалъ себя все еще надеждою, что которому ни есть баталіону удастся подойти ко мнѣ на подкрѣпленіе, или что прусскія войска подъ самимъ городомъ стоявшіе преподадутъ мнѣ оное; но не открывъ себѣ ни съ которой стороны пособія, рѣшился наконецъ отвергнувъ нѣсколько кратныя со стороны мятежниковъ между тѣмъ здѣланныя мнѣ постыдныя предложенія положить ружье и отдаться плѣннымъ, пробиться чрезъ толпы бунтовщиковъ до края города. Сіе предпріятіе сколько отчаянное но столькоже и необходимое, удалось мнѣ, я прорвался за городъ и соединясь съ прусскими войсками вчерашняго дня вечеромъ обще съ ними дошелъ до Закрочима, гдѣ и остановился на нынѣшній день. Со мною вышли изъ Варшавы: Генералъ-Порутчикъ Апраксинъ, Генералъ-маіоры Писторъ и Графъ Зубовъ и при мнѣ находившіеся, отъ двухъ баталіоновъ Сибирскаго и Кіевскаго Гренадерскихъ полковъ, ескадроны Харьковскаго легкоконнаго полку и отъ Казачей конвойной команды, всего всѣхъ чиновъ пятьсотъ человѣкъ; прочія всѣ убиты и такъ изранены, что остались на мѣстѣ. Что послѣдовало съ другими въ Варшавѣ бывшими семью баталіонами Гренадеръ и Егерей, пятью ескадронами Харковскаго легкоконнаго полку и съ орудіями полевой артиллеріи по краямъ города стоявшими, о томъ до сего часа неимѣю я достовѣрнаго свѣдѣнія. Изъ постороннихъ между разговоровъ показаній,

вѣдаю лишь что по жесточайшемъ же сопротивленіи частію они побиты, частію въ плѣнъ взяты.

Теперешняя позиція ввѣренныхъ мнѣ войскъ слѣдующая: Главнѣйшая часть оныхъ находится въ Краковскомъ и Сендомирскомъ воеводствахъ. Тамъ состоятъ подъ начальствомъ Генералъ-маіора Денисова шесть баталіоновъ пѣхоты и осьмнадцать ескадроновъ легкой конницы. У Генералъ-маіора Хрущова два баталіона и восемъ ескадроновъ; у полковника Графа Апраксина четыре баталіона и восемъ ескадроновъ, всего въ Краковскомъ и Сендомирскомъ воеводствахъ 12 баталіоновъ пѣхоты и 34 ескадрона легкой конницы регулярной. Нельзя полагать въ баталіонѣ болѣе четырехъ сотъ а въ ескадронѣ восьмидесяти человѣкъ. По Литвѣ: въ Гроднѣ и окружности оной подъ начальствомъ Генералъ-маіора Князя Цицiанова полки Ингермоландскій карабинерный, С.-Петербургскій, гренадерскій и Ревельской мушкатерскій. Въ Вильнѣ, въ командѣ Генералъ-маіора Арсеньева, пѣхотные Псковской и Нарвской, да наканунѣ несчастнаго произшествія вступило ко мнѣ увѣдомленіе, что 12 числа сего мѣсяца изъ Минской Губерніи прибудетъ въ Брестъ-Литовскій полковникъ Чесменскій съ пятью ескадронами С.-Петербургскаго драгунскаго полка и двумя баталіонами егерей. О тѣхъ войскахъ, кои Генералъ-Поручикъ Дерфельденъ обѣщалъ мнѣ отправить изъ Изяславской Губерніи къ Хелму, неимѣю я никакого извѣстія, сколько ни высылалъ по разнымъ дорогамъ къ отысканію ихъ курьеровъ и лазутчиковъ.

По таковому расположенію войскъ начальства моего, вся средина Польши отъ рѣки Вислы до Буга и до границы Литвы, а отъ оной до границы новыхъ губерній, по рѣкѣ Стирь и всей Польшѣ принадлежащая Волынія остались незанятыми войсками; какъ же нынѣ открылось, что всѣмъ настоящимъ въ Польшѣ смятеніямъ Король глава,

то теперь безсомнѣнно ожидать слѣдуетъ, что скоро и въ Литвѣ начнется революція, въ коей, по приглашенію возмутителя Костюшки чрезъ манифесты и актъ возстанія, которые имѣлъ я счастіе Вашему Императорскому Величеству представить, не только войска и дворянство, но и мѣщане и поселяне будутъ участвовать и дѣйствовать всѣ вообще военною рукою.

Пріемлю дерзновеніе всеподданнѣйше повторить прежнія мои представленія, что доколѣ не вступятъ въ Польшу многочисленные войскъ Вашего Императорскаго Величества корпусы, которые безъ малѣйшаго отлагательства времени должны входить сюда, никоимъ образомъ невозможно дѣйствовать малыми деташаментами и успѣть въ приведеніи мятежниковъ къ спокойствію и въ повиновеніе; между тѣмъ, какъ послѣдуетъ на сіе Высочайшее благосоизволеніе, оставаясь нынѣ безъ всякаго такого подкрѣпленія, на коебы могъ опереться, а между Люблиномъ и Дублянкою имѣя противъ себя десяти-тысячный польскихъ мятежниковъ корпусъ, который состоящихъ въ Сандомирскомъ и Краковскомъ воеводствахъ войскъ Вашего Императорскаго Величества не пропуститъ чрезъ Вислу, я намѣренъ предписать онымъ войскамъ дабы опи всѣ, собравшись подъ начальство Генералъ-маіора Денисова, соединились съ прочими войсками; по Литвѣ жъ находящимся, чтобъ въ Гроднѣ, Вильнѣ и Бржестѣ Литовскомъ состояли собранными, доколѣ возможно имъ будетъ удержаться въ сихъ мѣстахъ, ежели не въ городѣ, то хотябы въ полѣ; когдаже принуждены будутъ отступить, то чтобъ всѣ сіи три части соединились при границѣ Минской губерніи, а буди обстоятельства непозволили бы таковое соединеніе, то чтобъ Бржестъ-Литовская часть отступила въ Пинскъ, гдѣ находится Генералъ-маіоръ Ланской; Виленская въ ближнее по новой границѣ мѣсто, гдѣ бригадиръ Бениг-

сенъ; а Гродненская въ Прусскія границы. Ежели Ваше Императорское Величество заблагоразсудите отрядить сюда войски, всѣ корпусы моего начальства легко могутъ съ ними соединится: Генералъ-маіоръ Денисовъ съ тѣми кои изъ Изяславской Губерніи войдутъ въ Польшу, а Литовскія со вступающими изъ Минской Губерніи, изъ Бѣлоруссіи и изъ Лифляндіи; до тогоже времени долженъ я остановиться во всѣхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ и буду ожидать Высочайшихъ мнѣ повелѣній. Все въ домѣ моемъ бывшее досталось мятежникамъ въ добычу, кромѣ Высочайшихъ Вашего Императорскаго Величества имянныхъ рескриптовъ, данныхъ мнѣ и моему предмѣстнику Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Сиверсу, между прочими и полученная имъ при отправленіи сюда секретная инструкція; также письма Генерала Фельдцейхмейстера Графа Платона Александровича Зубова, кои всѣ сожжены находящимся при мнѣ у исправленія дѣлъ Подполковникомъ Фриселемъ, когда онъ увидѣлъ что нетолько домъ мой, но и всѣ войска были близки гибели.

13.

18-го Милостивый Государь Князь Николай Васильевичъ!

Письмо Вашего Сіятельства, отъ 12 текущаго Апрѣля я сей часъ получилъ, и спѣшу немедля ни минуты съ прискорбіемъ духа донести вамъ, Милостивый Государь! о извѣстіяхъ, кои принесъ мнѣ возвратившійся на сихъ дняхъ изъ Литвы нарочно посланный довѣренной: что седьмаго Апрѣля, при границѣ Минской губерніи расположеннаго Литовскаго полку подполковникъ Грабовской, собравъ полкъ принуждалъ Полковника напасть на россіянъ, и когда получилъ въ отвѣтъ, что имѣетъ повелѣніе полкъ распустить

а не воевать, то Грабовской велѣлъ на площади поставить висѣлицу чтобъ его повѣсить, а собравшееся въ мѣстечко многолюдство увѣщевалъ, дабы въ предпріемлемой ими защитѣ вѣры и отечества они содѣйствовали, объявя при томъ имянемъ Костюшки, что оружіе обращено будетъ противъ тѣхъ, кои сему на избавленіе отечества предпріятію будутъ противны.

Проѣзжая далѣе свѣдалъ онъ, что находившаяся въ слободѣ Шумской малая команда наша поляками схвачена и провіантъ тамъ бывшій разграбленъ; а зближаясь къ Вильнѣ услышалъ отъ жителей окрестныхъ мѣстъ, что россіанъ въ Вильнѣ перерѣзали въ ту самую ночь, то есть со вторника на среду святой Недѣли. Желая въ томъ удостовѣрится, онъ поѣхалъ къ городу, и хотя самъ въ немъ не былъ, но видалъ форштатъ города Вильны въ пламени; проѣзжій же изъ Вильны его увѣрялъ, что на 12 число въ ночи гражданѣ и литовскіе въ Вильнѣ бывшіе войски напали на гоубтвахту и на сонныхъ россіянъ въ квартирахъ и оныхъ умерщвляли; захватили Гетмана Коссаковскаго и многихъ нашихъ чиновниковъ, кои заперты и содержатся въ церкви Казиміра. Изъясняетъ притомъ, что бывъ вездѣ готовы къ возмущенію, въ день назначенной къ открытію онаго въ Литвѣ, Поляки взялися за ружье и повсемѣстно столпилися такимъ образомъ, что всѣ наши деташаменты теперь разрѣзаны и немогутъ имѣть сношенія.

Касательно Варшавы, имѣю я ниже слѣдующее равнымъ образомъ прискорбное извѣстіе, объявленное Г. Скирмонтомъ, самовидцемъ бывшихъ въ Варшавѣ происшествій, который тайнымъ образомъ оттуда выѣхалъ: что войски наши въ Варшавѣ пребывающіе почти всѣ перебиты, въ плѣнъ захвачены и весьма малое количество оныхъ осталось. Генералы Апраксинъ и Графъ Зубовъ взяты подъ арестъ. Вся канцелярія Барона Осипа Андреевича Игель-

строна взята и до милюна суммы захвачено. Три племянника его убиты, а онъ самъ неизвѣстно куды дѣвался, одни говорятъ, что у прусскаго министра Бухгольца, а другіе сказываютъ выѣхалъ изъ Варшавы. Коссаковскаго Бискупа и прочихъ особъ намъ преданныхъ домы разграблены. Все описанное произшествіе начато съ тѣми видами, дабы устроить по примѣру французскому вольность и равенство. Чернь ходя по улицамъ кричитъ виватъ народъ, виватъ вольность! Къ утвержденію жъ всего того самъ Король Польской вообще съ народомъ подписалъ актъ въ субботу, къ чему рукоприкладство безпрестанно чинится большею частію мѣщанами и разнаго рода ремесленными людьми, а дворянѣ недопускаются. Войскъ польскихъ было въ Варшавѣ до шести тысячъ а теперь уже и болѣе. Войски прусскіе не весьма въ дальномъ разстояніи отъ Варшавы стоятъ, коихъ Главнокомандующій въ продолженіе волненія посылалъ въ городъ къ Королю донести, что ежели онъ въ опасности, то поспѣшитъ ввести къ нему часть войскъ прусскихъ; однакожъ Король присланнымъ отвѣтствовалъ, что онъ находясь посреди своего народа ничьей посторонней защиты и пособія нетребуетъ и нужды въ томъ неимѣетъ. Изъ Варшавы посланы уже универсалъ и акты въ Вильну, дабы начинать повсемѣстно то что здѣлано въ Варшавѣ. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ и по слухамъ съ одной стороны, что Господинъ Арсеньевъ находится въ числѣ прочихъ захваченныхъ; съ другой же, имѣя сколько кажется вѣроятное извѣстіе, что Баронъ Осипъ Андрѣевичъ обрѣтаяся нынѣ въ границахъ прусскаго владѣнія требовалъ отъ Князя Циціанова, въ окрестностяхъ Гродно съ деташаментомъ стоящаго, дабы прислалъ онъ къ нему двѣ роты для препровожденія, я рѣшился ордеръ вашего Сіятельства къ Г-ну Арсеньеву препроводить чрезъ нанятаго жида къ Г. Генералъ-маіору

Князю Циціанову, съ тѣмъ, чтобъ и самъ онъ предписаніе ваше прочелъ и Г. Арсеньеву, буде онъ при командѣ, его доставилъ, извѣстя притомъ о содержаніи онаго и Барона Осипа Андрѣевича.

Есмъ впрочемъ и непреложно буду всегда съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга Тимофей Тутолминъ.

Несвижъ.

14.

Копія секретнаго Рапорта подполковника Левиза Господину Генералъ-маіору, Командующему въ Динабургѣ, Лукѣ Михайловичу Лукашевичу.

Неимѣвъ никакой комуникаціи изъ Гродна и Варшавы, чрезъ какой способъ могъ-бы посылать туда рапорты о теперешнемъ нашемъ состояніи, то за долгъ почитаю стараться Вашему Превосходительству объ ономъ рапортовать, въ той надеждѣ что вы изволили мой рапортъ получить, которой я вручилъ проѣзжающему изъ Друи шляхтичу, теперь возвращающему для нынешнихъ обстоятельствъ опять въ Бѣлорусію.

12 числа Апрѣля впервомъ часу по полуночи, находящіяся въ Вильнѣ польскія войски и великое число конфедератовъ, здѣлали нечаянное нападеніе на стоящихъ въ караулѣ Нарвскаго пѣхотнаго полку двухъ сотъ семидесяти человѣкъ, которые хотя, какъ по оружейной стрельбѣ надобно было судить, три часа оборонялись однако всѣ взяты въ полонъ съ двумя шести фунтовыми орудіями; въ тоже время арестовали: великаго Гетмана Графа Кассаковскаго, нашего Генералъ-маіора и кавалера Николая Дмитріевича Арсеньева, Псковскаго пѣхотнаго полку Пол-

ковника и кавалера Языкова, Подполковника и Коменданта Ребока, плацъ-маiора Вагнера, Капитана Левиза и многихъ офицеровъ разныхъ полковъ и командъ; а какъ Поляки въ самомъ началѣ тревоги отрубили канатъ у порома на рѣкѣ Вилеи, то не возможно было съ этой стороны иттить въ городъ на сикурсъ, хотя наши солдаты сильную перепалку имѣли съ ними чрезъ рѣку; какъ же скоро я узналъ о сей тревогѣ то поспѣшилъ со вторымъ баталiономъ Нарвскаго пѣхотнаго полку, съ которымъ стоялъ въ двенадцати верстахъ отъ города, на помощъ, но уже не могъ чрезъ рѣку переправится и соединится съ паркомъ главной артиллерiи, которая стояла по ту сторону города и отстрѣливалась отъ поляковъ; потому принужденнымъ находился иттить семъ верстъ повыше рѣки, гдѣ, переправляясь съ двумя пушками, соединился съ Донскимъ козацкимъ Киреева полкомъ и двумя ротами Псковскаго пѣхотнаго полку и имѣлъ намѣренiе прорваться въ городъ, но узнавъ что непрiятель несоразмѣрно сильнѣе былъ и небыло надежды хотябы съ великимъ براномъ взять сильною рукою городъ, ибо тамъ находятся, кромѣ конфедератовъ, три полка пѣхотныхъ и пинская брыгада кавалерiи, рѣшился ретироватся въ Нѣменчину, въ восемнадцати верстахъ отъ Вильны, гдѣ переправился чрезъ рѣку Вилью и теперь ожидаю подкрѣпленiя, или повелѣнiя куда въ другое мѣсто итти. Главная артиллерiя подъ командою Капитана Тучкова я уповаю что къ Гроднѣ потянулась, чрезъ четырехъ человѣкъ плѣнныхъ, которыя при командѣ находятся подъ карауломъ, извѣщенъ я какiя польскiя войска въ Вильнѣ находятся и что у нихъ есть двенадцать пушекъ. Я же здѣсь въ Нѣменчинѣ имѣю здоровыхъ шесть сотъ человѣкъ пѣхоты, полтараста казаковъ и двѣ трехъ-фунтовыя пушки, больныхъ и раненныхъ сто двадцать человѣкъ, провiанта я имѣю на недѣлю, а

фуража съ великою трудностію доставалъ въ селеніяхъ, ибо весьма опасно фуражировъ далеко посылать, для того что во всѣхъ мѣстахъ вокругъ меня разъѣзжають польскіе кавалеристы и конфедераты, даже мужики съ кольями нападаютъ на нашихъ солдатъ. Въ перепалкѣ убитыхъ четыре, раненныхъ девять человѣкъ, а которыя въ разныя мѣста командированы были, безъ вѣсти пропали, сто пятдесятъ два человѣка, въ которомъ числѣ командуемаго мною за отсутствіемъ господина полковника Нарвскаго пѣхотнаго полку секундъ-маіоръ Левизъ, которой за трудною болѣзнею во время тревоги изъ своей квартиры немогъ выѣхать; сверхъ того не имѣю извѣстія о двухъ Гранодерскихъ ротахъ, которыя находились въ Ковнѣ и о первомъ баталіонѣ онаго полку, находящемся въ Ивіи. Вчерашняго числа по прибытіи моемъ сюда тотъ часъ послалъ рапортъ чрезъ двухъ козаковъ господину полковнику и кавалеру Дѣеву, котораго уповаю быть въ походѣ къ Вильнѣ и симъ имѣю честь о таковомъ приключеніи Вашему Превосходительству донести.

Подполковникъ Федоръ Левизъ.

№ 220.

Апрѣля 14.

Изъ м. Нѣменчина.

15.

Рапортъ 1).

Прибывшіе сего числа въ Бовскъ, капитанъ Петръ фонъ-Паркенъ и бывшей прежде въ россійской службѣ докторъ медицыны Кондратъ Михаилъ Бандель, объявили мнѣ слѣдующее: Капитанъ Паркенъ, что сего Маія 3 числа по новому штилю, въ мѣстечко Бирсень пріѣхали шесть

---

1) Князю Репнину.

человѣкъ конфедератовъ, взяли изъ лавокъ насильно девять боченковъ пороху, не заплатя денегъ, сверхъ того подговариваютъ тамошнихъ обывателей въ службу конфедератскую стращая, естли добровольно не согласятся, то насильно брать будутъ; а собранные конфедераты соединяются въ мѣстечкѣ Квѣтокъ, гдѣ главная польская таможня.

Докторъ же Бандель въ донесеніи своемъ показалъ слѣдующее:

Радзивиловы. 1-е, Камисаръ Каминскій и плѣнипотентъ Баевскій, находящіеся въ Бирсенѣ, величайшіе Якобинцы.

2-е, Таможенные жолнеры слышали, что оныя конфедераты по возвращеніи своемъ хвалились предать все огню и мѣчу.

3-е, Все католицкое духовенство проповѣдуетъ мужикамъ о вольности и равенствѣ, что самое и капитанъ Паркенъ согласно подтверждаетъ.

4-е, Всѣ польскіе обыватели въ Бирсенѣ ежеминутно готовы къ возмущенію, и что огонь сей кроется подъ пепломъ, и готовъ вспыхнуть; которой теперь при самомъ началѣ легко утушить можно.

5-е, Отъ Короля и совѣта Permenags *) въ Бирсенѣ былъ прибитъ универсалъ, которымъ увѣщевалъ всѣхъ жителей, быть спокойными, отнюдь не мѣшатся съ конфедератами; но они оному дѣлали противное, и универсалъ

---

*) Permanens—постоянный. Постоянный Совѣтъ былъ учрежденъ послѣ 1-го раздѣла Польши въ 1773 г., затѣмъ онъ былъ уничтоженъ въ 1789, замѣненъ по Конституціи 1791 г., Стражемъ, а въ 1794 вновь возстановленъ на Гродненскомъ Сеймѣ. Онъ состоялъ изъ Короля, восемнадцати сенаторовъ и столько же пословъ. (Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой Костомарова). Вѣстникъ Европы 1869.—Свѣдѣнія о Польскомъ мятежѣ 1863 года въ Сѣверо-Западной Россіи Василія Ратча Ч. 1 стр. 302 и 622.

сей, какъ съ ратуши такъ и съ кастеловъ сорванъ. Означенные Капитанъ Паркенъ и докторъ Бандель прiѣзжали сюда потаеннымъ образомъ; которыхъ и приказано отъ меня господину Маiору Баго обратно препроводить. Прiѣхавшiй сюда изъ Литвы, изъ деревни принадлежащей брату его называемой Ротъ-памушъ, польской службы камергеръ Сакенъ объявилъ мнѣ также, что племянникъ его, бывшiй въ Вильнѣ для обученiя наукъ, увѣдомляетъ мать свою о слѣдующемъ:

Что Генералъ-Маiоръ Арсеньевъ, услыша о приближенiи конфедератовъ къ Вильнѣ, оставя городъ занялъ около лежащiя высоты; но видя превосходную силу мятежниковъ хотѣлъ уклонится въ городъ, но въ самое то время возмущенiе родилось и въ самомъ городѣ, арсеналъ былъ взятъ, а самъ онъ попался въ плѣнъ; Гетманъ Коссаковской былъ повѣшенъ и три часа висѣлъ на висѣлицѣ; потомъ тѣло обернутое въ рогожу было брошено. Касательно до подозрѣнiя Цибовича, представленныя мнѣ разныя письма отъ надворнаго совѣтника Цыглира, при семъ Вашему Сiятельству включа, симъ донесть честь имѣю. Генералъ-порутчикъ Баронъ Ферзенъ.

№ 7.

Апрѣля 23 дня.

По секрету.

Его Сiятельству.

Господину Генералъ Аншефу и проч. Князю Николаю Васильевичу Репнину.

Рапортъ.

Прибывшая сюда сегодня жена Господина Цигера объявила мнѣ слѣдующее: Польскимъ попамъ предписано проповѣдывать въ церквахъ всѣмъ мужикамъ о вольности и равенствѣ.

Деревни Господина Генерала Игельстрома велѣно раз-

зорить. Дворяне изъ околицы Войскаденъ неподалеку Давшикала не хотятъ соединиться съ мятежниками; но за неимѣніемъ защитниковъ принуждены будутъ.

Мужиковъ изъ околицы Имстремиденъ хотятъ принудить мятежники соединиться съ ними.

Разъѣзжей польской пренесъ слухъ около старосты Дарфы, что русскія войска идутъ и будутъ жечь и грабить всѣ деревни, и принудили чрезъ то мужиковъ съ женами и съ дѣтьми убѣжища своего искать въ лѣсахъ, чтобы симъ случаемъ пользоваться и грабить деревни. Стряпчей Господина Игельстрома, Хорунжей Дабовичъ забравъ казну принадлежащую къ той старостѣ, отдалъ ее въ руки мятежникамъ по принужденію; но послѣ подражая имъ сдѣлался первымъ бунтовщикомъ той старосты и всѣхъ уговариваетъ вооружится противъ Россіанъ.

Каждому попу дано объявленіе, которое онъ долженъ былъ 4-го Маія по новому стилю въ церкви прочесть, то есть, чтобъ каждой помѣщикъ съ вооруженіемъ верхомъ былъ бы въ среду къ Поневежу и чтобъ къ тому времени изъ всякаго дома былъ бы готовой солдатъ; въ противномъ же случаѣ виселица ихъ ожидать будетъ.

Вышеписанное извѣстіе утверждено также и Господиномъ Ганомъ, живущимъ на мызѣ Кростелнѣ. Сей часъ пріѣхалъ сюда Переяславскаго конно—егерскаго полку Подполковникъ и кавалеръ фонъ-Дистерло, отпущенный отъ графа Суворова, находясь здѣсь въ деревнѣ своей, называемой Понимонъ, объявилъ мнѣ, что вчерашняго числа послѣ обѣда напали на него 23 человѣка пограничныхъ мытниковъ (?) таможенныхъ, которые назвавъ себя конфедератами ограбили онаго подполковника, взявъ у него 14 лошадей, увели двухъ денщиковъ и одного съ нимъ бывшаго егеря, требуя притомъ оружія, но не найдя онаго поспѣшно уѣхали къ Квиткѣ. А изъ приложенныхъ присемъ писемъ,

ваше Сіятельство увидѣть изволите, что мятежники сіи и въ самой Курляндіи въ мѣстечкѣ Шенбергъ, ограбили каноника Коссаковскаго; о чемъ вашему Сіятельству симъ донесть честь имѣю. Генералъ Поручикъ Баронъ Ферзенъ.

№ 10. Апрѣля 24 дня.

Бовскъ.

Секретный Рапортъ Генералъ Маіора и Кавалера Лукашевича Князю Репнину.

При рапортѣ, опредѣленнаго въ должность городничаго Минской губерніи мѣстечка Друя повѣту Браславскаго, корнета Роменскаго, присланной ко мнѣ шляхтичъ повѣту жъ Браславскаго, Господинъ Полковникъ Янъ Рудницкій объявилъ: что конфедерація въ Литвѣ совершенно открылась въ повятовыхъ городахъ а именно: въ Ошмянѣ, въ Вилкомерже и въ Поневѣжѣ, а также къ 15 Маія откроется въ Визахъ или въ Браславлѣ, и неотмѣнно откроютъ оную и въ Друіи Минской Губерніи. И по симъ обстоятельствамъ такъ какъ онъ Господинъ Рудницкій уже ограбленъ и опасаясь, дабы при сосѣдствѣ не быть лишенъ и жизни, въ отомщеніе за услугу его при вступленіи нашихъ войскъ въ Польшу, то и желаетъ искать Россійской же протекціи; и для сего его самаго, а равно для лучшаго изъясненія о всѣхъ нынѣшнихъ польскихъ буйствахъ, имѣю честь вашему Сіятельству представить. Генералъ Маіоръ Лукашевичъ.

№ 16. 24 Апрѣля.

II.

ОПЫТЪ ИСТОРІИ ЯЗЫЧЕСКОЙ ЛИТВЫ.

*(Продолженіе *).*

X.

Сословія; образъ правленія; феодализмъ.

Достовѣрно неизвѣстно какое было внутреннее положеніе Литвы и Самогитіи до конца X вѣка. Первоначально оно могло быть схоже въ обѣихъ странахъ, и только въ послѣдствіи могла произойдти значительная между ними разница. Изъ хроникъ извѣстно только, что были тамъ большіе и меньшіе князья, *кунигасъ;* были касты: духовная, господъ, простаго люда и невольниковъ. Были какія-то общественныя собранія въ Самогитіи,—можетъ быть состоявшія изъ всѣхъ вольныхъ людей,—а въ Литвѣ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, изъ однихъ только состоятельныхъ лицъ. Въ собраніяхъ участвовали князья и жрецы и въ нихъ разсуждали объ общественныхъ дѣлахъ. Сначала власть князей ограничивалась верховнымъ жрецомъ, креве-кревейто, и религія, имѣвшая громадное вліяніе на народъ, была узломъ, связывавшимъ его въ общество. Всѣ не исключая князей, безпрекословно подчинялись власти духовной, которую считали за волю боговъ. Жрецы, будучи не только стражами святости религіи и вѣщателями воли боговъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ судьями народа, его совѣтниками, лекарями и товарищами всей его жизни отъ колыбели до похороннаго костра, долгое время руководили цѣлымъ религіозно-политическимъ строемъ княжества.

Страна дѣлилась на большіе и меньшіе участки, подвластные

*) См. „Вѣстн. запад. Россіи" за 1870 г. кн. 10 и 11.

наслѣдственнымъ или леннымъ владѣтелямъ, которые были въ разныхъ отношеніяхъ къ своимъ князьямъ. На участкахъ жило простонародье или крестьяне, вольные или крѣпостные, обложенные извѣстною данью или какою либо работою въ пользу владѣльцевъ. Въ средѣ крестьянъ, могли встрѣчаться свободныя семейства, имѣвшія собственныя земли и не зависѣвшія отъ пановъ. О жизни и долѣ крестьянъ, особенно крѣпостныхъ, можно судить по миѳологіи, въ которой они имѣли своего Пусхайтыса и къ нему часто обращались, прося его заступничества передъ божкомъ пановъ, Маркополи, объ облегчени ихъ участи. Безропотную покорность крестьянъ къ помѣщику поощряли религія и духовенство, бывшее послушнымъ орудіемъ сильныхъ и пановъ. Военноплѣнный, до выкупа или полученія имъ свободы, считался невольникомъ захватившаго его въ плѣнъ, который могъ распорядиться имъ какъ своею собственностію по своему благоусмотрѣнію. Отдѣльныя семейства подчинялись своимъ родоначальникамъ. Женщины не пользовались въ семьѣ правомъ свободы и многоженство было дозволено. Правда, хроникеры отзываются такъ только о самогитахъ и говорятъ, что, въ супружествахъ они не обращали вниманіе на близость родства. Тоже самое было вѣроятно когда-то и въ Литвѣ.

Литва стала усиливаться съ XII вѣка, въ слѣдствіе войнъ; а частыя войны усилили власть князей надъ подданными, потому что лагерная дисциплина была въ рукахъ правительства и царствовавшихъ, и потомъ превратилась въ неограниченную власть. Съ XIII вѣка власть князей надъ подданными начинаетъ быстро возрастать. Покоренные русскіе города доставляютъ имъ значительную поддержку своими дружинами, состоящими изъ однихъ христіанъ, на которыхъ не имѣютъ никакого вліянія креве-кревейто и его подчиненные. Послѣднее обстоятельство преимущественно способствовало отдѣленію свѣтской власти отъ духовной. Князья, имѣя на своей сторонѣ русскіе дружины, которыхъ снискали приверженность тѣмъ, что не притѣсняли ихъ исповѣданія православной вѣры, начали управлять страною неограниченно и деспотично; не обращая вниманія на духовенство, котораго сила и значеніе стало уменьшаться по мѣрѣ того, какъ стало падать язычество и распространяться христіанство. Они дѣлились страною какъ своею собственностію; а преемникъ всту-

ыхъ во владѣніе, не справляясь съ волею народа и боговъ. прочемъ при князѣ была дума изъ болѣе значительныхъ лицъ, примѣру думы русскаго князя; но и она почти никакого не имѣ влiянiя на него. Одновременно съ думою явилось Литвѣ, по примѣру русскихъ, съ которыми она вошла, какъ казано выше, раньше чѣмъ съ иными сосѣдями,—сословіе боръ. Они состояли въ ленной зависимости отъ князей и обязны были имъ, за владѣемую ими землю, военною службою. ъ такомъ смыслѣ каста бояръ просуществовала до эпохи появленія въ Литвѣ по примѣру Польши сословія шляхты. Последняя, пріобрѣтя большое политическое значеніе въ княжествѣ, стала презрительно относится къ боярамъ и въ насмѣшку адъ ними возводить своихъ подданныхъ въ достоинство бояръ, азначая ихъ для своей придворной службы. Тогда то кажется явилось подраздѣленіе бояръ на родовитыхъ или *отчичовъ*, *вольныхъ*, *панцырныхъ*, несшихъ военную службу на конѣ, *путныхъ*, употреблявшихся для пѣшей военной службы прислужниковъ или *служковъ*. Всѣ они въ мирное время занимались хлѣбопашествомъ за исключеніемъ служковъ, безотлучно находившихся вмѣсто прислуги при шляхетскихъ дворахъ. Литовскіе же бояре, съ появленіемъ на свѣтъ шляхетства по маленьку потеряли свою вольность и превратились въ крѣпостныхъ крестьянъ. Сначала изъ гордости они не принимали новаго достоинства, а потомъ стали имъ отказывать въ ихъ ходатайствѣ о шляхетствѣ, и приписывать ихъ къ помѣстьямъ магнатовъ. Чацкій говоритъ, что литовцы въ русскихъ земляхъ дольше сохранили достоинство бояръ, чѣмъ у себя на родинѣ. Тамъ еще въ XVI вѣкѣ давали это достоинство польско—русской шляхтѣ. Но Нарбуттъ утверждаетъ (т. IX, пр. I.), что въ ту эпоху и въ Литвѣ слово бояринъ означало шляхтича. Онъ ссылается на актъ виленскаго собора, бывшаго въ 1509 году, на который съѣхалось духовенство восточной церкви подъ предсѣдательствомъ кіевскаго митрополита Солтана; въ X пунктѣ того акта говориться: «аще князь или бояринъ отъ церкви што отниметъ».... Также ссылается на Вигунда изъ Магдебурга, переведшаго на нѣмецкій языкъ хронику Дуисбурга, который, при описаніи взятія Ковна въ 1362 году магистромъ Винрихомъ фонъ Книпродомъ, говоритъ, что Ольгердъ, шедшій съ

Кейстутомъ для отрѣзанія непріятеля, имѣлъ въ своемъ войскѣ бояръ и смирдовъ:„ Rex quoque Kynstod in perturbato animo cum ingenti miltitudine, stetit juxta Mimilum. Algend similiter cum suis Bajoribus et Smyrdenis prope Noringam et consiliantur et disponant se celeriter quomodo castrum ab hujusmodi impugnationibus apsolverent“. Извѣстно, что на Руси, въ Польшѣ, Саксоніи и иныхъ славянскихъ странахъ была отдѣльная каста простонародья или, лучше сказать, невольниковъ подъ именемъ смирдовъ; но трудно согласиться съ Вигундомъ, не имѣя никакихъ данныхъ, чтобы упоминаемые имъ смирды были коренными литовцами. Если же ихъ имѣлъ въ своемъ войскѣ Ольгердъ, то навѣрно они были изъ русиновъ, которыми онъ усилилъ противъ крестоносцевъ свое войско.

Относительно Самогитіи можно сказать, что хотя она составляла часть Литвы, но въ политическомъ своемъ строѣ значительно разнилась отъ послѣдней. Когда въ Литвѣ самостоятельно правили князья, въ Самогитіи еще имѣли перевѣсъ въ управленіи демократическая партія съ олигархіей. Хотя самогиты имѣли съ одной стороны безпокойныхъ прусскихъ рыцарей, съ другой ливонскій орденъ, и чаще остальной Литвы подвергались ихъ нападеніямъ, но это не только не послужило введенію болѣе самостоятельнаго образа правленія, но скорѣе было причиною къ дольшему сохраненію массою народа свободы; будучи между собою какъ бы въ федеральномъ союзѣ, народъ всегда имѣлъ значительныя силы противъ внѣшняго врага. Стрыйковскій говоритъ: „Въ тѣ времена (гедиминовскія) въ цѣлой Самогитіи, по поводу безпрестанныхъ войнъ съ крестоносцами, шляхта и крестьяне пользовались одинаковою свободою.» Издавна цѣлая страна была раздѣлена на двадцать съ чѣмъ то уѣздовъ; во главѣ ихъ стояли отдѣльные начальники. Уѣзды со своими начальниками находились между собою въ извѣстномъ политическомъ союзѣ, которымъ во время мира и покоя, можетъ, руководилъ креве—кревейто; но въ военное время общимъ голосованіемъ избирался главный вождь. Скоро только народъ собрался на общій совѣтъ, его склоняли къ извѣстной цѣли угощеніями и напитками, которые при такомъ случаѣ расточались щедро. Потомъ, охочіе къ войнѣ толпы, для боль-

наго ихъ одушевленія, окропляли кровью убитой жертвы. Не терпѣлъ самогитъ чужаго ярма и потому сторонился отъ всякихъ сношеній съ иными народами. Жрецамъ своимъ онъ былъ безотвѣтно покоренъ и всею душою преданъ язычеству; за то онъ былъ гораздо невѣжественнѣе остальныхъ литовцевъ и, упорно придерживаясь вѣры отцевъ своихъ, едва только въ XV вѣкѣ истинно сталъ исповѣдывать христіанство. Однако и въ Самогитіи къ концу XIV вѣка не мало произошло измѣненій въ первоначальномъ ея политическомъ строѣ, такъ что когда въ 1400 году ею овладѣли рыцари, то тамъ, не считая невольниковъ, народъ дѣлился на три уже касты: бояръ, вольныхъ земледѣльцевъ и крѣпостныхъ.

Исключивъ Самогитію, которая дольше остальныхъ частей Литвы сохранила свой первобытный политическій характеръ, остальная Литва и особенно русскія провинціи довольно рано увидѣли у себя феодальную систему. Она явилась здѣсь самостоятельно; будучи вызвана необходимостію, ходомъ политическихъ событій и политическимъ положеніемъ страны. Первую мысль о ленной власти подала вѣроятно необходимость охраненія границъ отъ набѣговъ русскихъ и татаръ; также возраставшая власть великихъ князей побудила ихъ заботиться объ удержаніи въ зависимости отъ себя мелкихъ князей, имѣвшихъ свои владѣнія,—и покоренныя провинціи. Сообразивъ сказанное, начало феодализма нужно искать не въ царствованіи Гедимина, какъ утверждаютъ нѣкоторые, но въ значительно раньшей эпохѣ, скорѣе во второй половинѣ XI вѣка. Другіе писатели начало феодализма относятъ къ глубокой старинѣ. По ихъ мнѣнію она будто была вынесена литовцами съ востока (тѣже писатели считаютъ литовцевъ выходцами востока) и въ доказательство ссылаются на постыдную обязанность женщины, называвшуюся *куницей*, которая пятнала брачную жизнь литовскаго крестьянина. Въ этой обязанности они усматриваютъ, описанный Геродотомъ, обычай востока, гдѣ каждая дѣвица и замужняя женщина разъ въ жизни должна была посвятиться жертвою въ честь богини *Милитты*, извѣстной въ Литвѣ подъ образомъ Мильды. Изъ литовскихъ историковъ видно, что Эрдивилъ Монтвилловичъ около 1065 года, освободилъ изъ подъ русскаго владычества участки Пелувію и Нерому,—въ

послѣдствіи окрестности Ошмянъ, Эйшишекъ и Нероны,—болѣе значительныя ихъ волости раздавалъ литовскимъ панамъ. Въ этихъ дарахъ, сдѣланныхъ можетъ съ цѣлью охраненія съ этой стороны не безопасной границы княжества могъ быть первый зародышъ ленной системы. Съ ростомъ Литвы, разумѣется, феодализмъ, принаравливаясь къ мѣстнымъ условіямъ, совершенствовался, не нуждаясь въ чужеземныхъ примѣрахъ. Пріобрѣтенія Рингольда въ Руси кривичанской и его перевѣсъ въ Литвѣ надъ болѣе мелкими князьями, которымъ онъ произвольно накинулъ свою верховную власть дали необходимость и средства для ленныхъ наградъ въ первой половинѣ XIII вѣка. Государственный строй нисколько не измѣнился въ правленіе Эрдивилла и Миндовга Рингольдовича, которые всю Литву отъ Полоцка и Смоленска до Пинска, Гродна и Бреста, точно кордонною линіею окружили княжество вассальными участками меньшихъ князей литовскихъ, напримѣръ: гедройцкихъ, голшанскихъ, новогрудскихъ, девялтовскихъ, утянскихъ и иныхъ. Важнымъ доказательствомъ о существованіи леновъ въ эпоху Миндовга служитъ его привиллегія—отъ 1252 года, котораго онъ надѣляетъ ленами лифляндскихъ рыцарей и, между прочимъ въ ней читаемъ, что каждый литовецъ воленъ изъ своихъ наслѣдственныхъ или ленныхъ земель дѣлать даръ лифляндскому рыцарю: „sive a nobis teneantur in feudo,“ или завѣщать ему таковыя при смерти. Такіе княжескіе надѣлы никакими не гарантировались правилами и ни подъ какой законъ не были подведены. Расширеніе, ограниченіе или существованіе правъ леннаго владѣльца вполнѣ зависѣли отъ произвола давшаго ленъ. Только Гедиминъ началъ приноравливать разныя свои законоположенія о ленахъ, заимствованныя у русскихъ къ прусской, лифляндской и курляндской системамъ о ленахъ и примѣнять ихъ къ дѣлу у себя. Ольгердъ и Витольдъ новыми завоеваніями еще болѣе укрѣпили феодальную систему съ тою только разницею, что многими провинціями они управляли не чрезъ вассаловъ, но чрезъ намѣстниковъ.

Великіе князя литовскіе раздавали въ лены части княжества князьямъ своей крови, князьямъ покоренныхъ ими княжествъ и болѣе значительнымъ боярамъ. Вассальные владѣльцы отъ себя изъ своихъ земель давали участки низшему ры-

царству, сохраняя себѣ высшую, сеньоральную власть. Такимъ образомъ каждый былъ привязанъ къ общему феодальному строю какою либо службою, податью; при чемъ вассальная подчиненность дошла до того, что даже заключенiе супружествъ, полученiе вассалами наслѣдства послѣ родителей зависѣли отъ воли леннодателя. И только на городельскомъ сеймѣ въ 1413 году была немного ограничена сеньоральная власть. Кто не имѣлъ земли отъ великаго князя, прiобрѣталъ ее изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, съ такими обязанностями къ своему дателю, какiя тотъ имѣлъ къ своему. Обширность обязанностей и повинностей вассала зависѣла отъ обширности или особенныхъ достоинствъ лена. Васалы обязывались доставлять не только военныя подкрѣпленiя, но платили и извѣстную годовую подать за свой ленъ. Примѣромъ можетъ послужить племянникъ Ольгерда, Константинъ Карнатовичъ, который, владѣя Подолiей, вносилъ за нее извѣстную дань въ княжескую казну (Нарбуттъ. V т., п 61, годъ 1351.). Ленныя обязанности видоизмѣнялись сообразно величинѣ лена, какъ уже было сказано. Нѣкоторые леннодатели вмѣсто денежной подати довольствовались извѣстнымъ количествомъ годичной ему дани продуктами или только натуральною службою. Но служба всегда была главнымъ условiемъ ленно владѣльца. Отсюда произошли названiя извѣстнаго пространства земли, даваемой за несенiе военной службы въ извѣстномъ вооруженiи и съ извѣстнымъ по численности вооруженнымъ отрядомъ *цѣлою службою* или *полъ службою*. Сравненiе многихъ привиллегiй, измѣренiе разныхъ прежнихъ леновъ и смоленскаго воеводства показали, что цѣлая служба заключала въ себѣ 10 уволокъ литовскихъ, или 198 десятинъ 900 квадратныхъ саженей, считая уволоку въ 19 десят. 2010 кв. саж. полъ службы—половинное количество, то есть 99 десят. 450 кв. саж. Службы вассаловъ второго и третьяго разряда были кажется меньше. Радзивиллы на цѣлую службу давали 4 уволоки лучшей и 5 худшей земли; что было вѣроятно исконнымъ обычаемъ. Къ самымъ малымъ частькамъ принадлежали такъ называемыя *жеребья*, пространствомъ въ 20 десятинъ. Ленъ переходилъ по наслѣдству отъ отца къ сыну,—можетъ по феодальнымъ правиламъ къ старшему, въ случаѣ не имѣнiя прямыхъ нисходящихъ наслѣдниковъ

онъ переходилъ въ боковую линію, къ брату умершаго. Но все это, какъ выше замѣчено, происходило завѣдомо и съ воли великаго князя, который часто не очень придерживался степеней родства и установившагося порядка наслѣдія. Примѣръ видимъ на Константинѣ Корьятовичѣ, который умеръ не оставивъ дѣтей и послѣ него по волѣ Ольгерда Подоль перешла къ брату Константина, Өеодору новогрудскому, а когда тотъ пересталъ платить дань, то Ольгердъ изгналъ его и отдалъ Подоль въ намѣстничество знатному литвину Гаштольду. Изъ сказаннаго замѣтно, что со временъ Ольгерда великіе князья были рады случаю, если могли обширный ленъ превратить въ коронную провинцію, управляемую поставленнымъ ими намѣстникомъ. Подобной политики особенно сильно придерживался Витольдъ, который, кромѣ Волыни, завладѣлъ такимъ способомъ смоленскимъ княжествомъ въ 1395 и 1404 годахъ; по смерти Скиргайлы онъ пріобрѣлъ въ 1396 году княжество кіевское и откупилъ у Ягеллы остальную часть Подоліи, въ 1399 году; гдѣ, какъ говоритъ литовскій лѣтописецъ: «старосту своего посадилъ, дворянина Грановскаго, а подъ Грановскимъ далъ пану Петру Монтикирдовичу, а подъ паномъ Петромъ далъ пану Дидикойлду. Потомъ далъ пану Дидикойлду Смоленскъ, а пану Долкирду Подоле далъ, панъ же Долкирдъ старостилъ на всихъ тѣхъ городѣхъ (Каменецъ, Смотричъ, Скала, Черлений городокъ, Боката, Брацлавъ. Соколецъ, Винница) и до Великого Князя Витовта смерти». Но малые или, лучше сказать, второстепенные лены въ этихъ провинціяхъ остались безъ измѣненія и даже число ихъ самъ Витольдъ значительно увеличилъ.

Для охраны края внутри, или когда былъ объявленъ походъ противъ внѣшняго врага, выступали всѣ обязанные военною службою и на каждый призывъ они всегда должны были быть готовы къ выступленію въ экспедицію. Отправлявшіеся въ обозъ, являлись туда или одни или съ извѣстнымъ количествомъ вооруженныхъ вассаловъ, смотря по обширности данной ему *службы* и степени какую они занимали въ правительственной феодальной сферѣ и взаимной подчиненности. Для гарнизоновъ замковъ были установлены особенныя правила. Дунсбургъ, котораго цитируетъ Стрыйковскій, говоритъ, что въ Литвѣ бы-

ло обычаемъ, что князья выбирали извѣстное число бояръ и посылали ихъ въ какой либо замокъ содержать караулы. По прошествіи извѣстнаго времени, они возвращались домой, а ихъ мѣсто заступалъ новый отрядъ. Но эту обязанность, по всей вѣроятности, несли только ближайшіе окрестные жители замка, соблюдая при томъ установленную очередь; того требовала необходимость, въ случаѣ опасности, быстро смѣнить усталый гарнизонъ свѣжими силами, или подкрѣпить его. Изъ этого можно прійти къ заключенію, что литовскіе замки со своими округами, составлявшимися изъ извѣстнаго числа волостей, приписанными къ каждому изъ нихъ, походили на каштеляніи славянскихъ и иныхъ народовъ. Такъ можно судить по люстраціи Кременца, произведенной при Сигизмундѣ Августѣ королевскимъ писаремъ (дьякъ королевскій) Львомъ Потѣемъ. Тамъ при описи каменецкаго замка находится списокъ волостей, изъ которыхъ каждой была назначена извѣстная часть внутреннихъ крѣпостныхъ подмостковъ (при крѣпостной стѣнѣ), которые они обязаны были построить изъ дерева, поддерживать ихъ годность ремонтировкою, и въ минуту нашествія непріятеля становиться на нихъ для обороны крѣпости. По истинѣ это былъ первообразъ феодальныхъ обязанностей, возложенныхъ исключительно на бояръ путныхъ и панцырныхъ, поселившихся на государственныхъ земляхъ; пока не дано было имъ назначеніе простой прислуги замка.

Феодализмъ, проявляясь вездѣ во всемъ подъ разными формами и видами въ восточныхъ державахъ Европы и отчасти западныхъ, нигдѣ не имѣлъ такихъ широкихъ размѣровъ, какъ въ Литвѣ. Явившись здѣсь какъ необходимость, развитый чрезъ подражаніе и распространенный по поводу постоянныхъ территоріальныхъ расширеній княжества, онъ захватилъ въ свои руки личность и поземельную собственность литвина. Если же и были аллодіальные или ни отъ кого не зависящіе владѣльцы, то численность ихъ была ничтожна и они потомъ совсѣмъ исчезли, потому что какъ только феодализмъ получилъ перевѣсъ, самостоятельность такихъ владѣльцевъ сдѣлалась не возможною, и они чрезъ превращеніе своихъ земель въ феоды, пріобрѣтали за то въ сеньоральной власти опеку, покровительство и безопасность; слѣды этого находимъ въ конституціи уніи 1569

года. Если же въ привиллегіяхъ Витольда, данныхъ 16-го августа 1407 года и другой 5 индикта въ день св. Петра и Павла безъ означенія въ немъ года,—Гаштольду и Кижгайлѣ встрѣчалъ фразы, намекающія о старинномъ владѣніи ими земельными угодьями, а въ привиллегіи Кишгайлы: „стародавняя его отчизна“, то слова эти могли относиться не къ имѣніямъ аллодіальнымъ, но къ ленамъ, бывшимъ долгое время и чрезъ много поколѣній во владѣніи одного рода. При такомъ феодальномъ строѣ Литвы сильные вассалы преимущественно князья, составляли душу или совѣтъ великаго князя и устраивали нѣчто въ родѣ сеймовъ; если на то соглашался великій князь, сохранявшій въ своихъ рукахъ власть абсолютную, господина и властителя Литвы. Не удивительно послѣ того, что городельская привиллегія, обусловливающая нѣкоторую свободу литвинамъ, намекаетъ на тяжелое ярмо, которое гнело до той поры жителей: „Servitutis jugum quo hactenus fuerant compediti et constricti, de cervice ipsorum deponentes“. Лены и феодальная система просуществовали въ Литвѣ до Сигизмунда Августа; а литовская шляхта только въ 1560 году въ лицѣ своихъ депутатовъ, наравнѣ съ князьями, получила мѣсто на сеймахъ; въ 1566 году прекратились ленныя отношенія къ феодальнымъ владѣтелямъ.

XI.

Законоположенія.

Трудно сказать въ какомъ состояніи были гражданскія и уголовныя законоположенія языческой Литвы въ ту эпоху, когда семейныя отношенія брали перевѣсъ надъ общественными, въ странѣ гдѣ механизмъ государственнаго управленія сформировался очень поздно. Писанныхъ законовъ въ Литвѣ въ ту пору не было; это несомнѣнно. Канцлеръ княжества Гаштольдъ въ своемъ хвалебномъ предисловіи,—посвященномъ Сигизмунду,—который онъ помѣстилъ въ началѣ статута 1529 года, выразился о Витольдѣ и Ягеллѣ, что хотя они дали Литвѣ христіанство, но не дали ей никакихъ законовъ: „jura per quae nobis norma recte et catholice vivendi praèscriberetur non reliquerunt“. И самъ Сигизмундъ I въ эдиктѣ 1522 года не задумался сказать; „in

Magno Ducatu nostro Lithvaniae, nullis legum statutis literis deformatis judicia fiebant, alias justitia sola consvetudine et juxta unius cujusqae Capitis prudentiam atque conscientiam ministrabatur, prout cuique judicandi, justius et rectius videbatur". Какой же недостатокъ въ этомъ отношенiи чувствовался языческою Литвою? Однако нельзя допустить, чтобы въ ту пору Литва буквально жила безо всякихъ правилъ. Никакой народъ, какъ бы низко не было его умственное развитiе, при самомъ зародышѣ своего политическаго бытiя, не можетъ обойтись безъ установленныхъ обычаевъ и правилъ. Папа Иннокентiй IV, говоря о литовцахъ временъ Миндовга, сказалъ, что въ своей жизни они руководствовались законами натуры: „gens hujus modi alim solita lege naturae vivere". Но подъ законами натуры должно подразумѣвать правила и обычаи, взросшiе на литовской землѣ и совершенствовавшiеся въ теченiи многихъ поколѣнiй; въ дополненiе и усовершенствованiе которыхъ явились потомъ заимствованiя ленной системы и нѣкоторыя иныя чужеземныя законоположенiя;—и они составили цѣлый неписанный кодексъ языческой Литвы. Что иностранныя законоположенiя имѣли влiянiе на Литву, нужно приписать это убожеству мѣстной легисляцiи и стеченiю обстоятельствъ. Какъ только Литва чрезъ частыя столкновенiя съ болѣе цивилизованными сосѣдями, стала стряхивать съ себя варварство, новая ея соцiальная жизнь, тотчасъ дала почувствовать недостаточность и убожество старыхъ дѣдовскихъ обычаевъ. Чтобы удовлетворить подобную насущную потребность, литовцы, не задумавшись брали изъ прежнихъ узаконенiй своихъ только то, что было имъ пригодно и подходяще. Неизвѣстно какой результатъ имѣло предложенiе Гедимина чужестранцамъ, что если они пожелаютъ селиться въ Литвѣ, то будутъ управляться и судиться рижскимъ правомъ: „Iure civili utantur Rigensis Civitatis omnis vulgus nisi tunc melius fuerit inventum de sono consilio discretorum". (Нарбуттъ, т. IV, п. 55); не изъ дипломатическихъ документовъ, хотя позднѣйшихъ, можно усмотрѣть, что до Ягеллы кромѣ родныхъ обычаевъ, преимущественно въ городахъ еще сохранялись нѣкоторые польскiе и особенно русскiе. Нѣкоторые пробовали доказать, что до принятiя Виль-

ною въ 1387 г. магдебургскаго права, литовскіе города не имѣли никакихъ правъ и узаконеній; но противъ нихъ ясно говоритъ привиллегія великаго князя Сигизмунда I, данная имъ въ 1432 году, котораго уничтожались всѣ права и узаконенія, заимствованные литовцами отъ поляковъ и русскихъ, которыя, не смотря на магдебургское право, данное Ягелломъ Вильнѣ въ 1387 году въ Меречѣ, имѣли сильный еще перевѣсъ надъ нимъ. Подобное явленіе, особенно въ Вильнѣ, неудивительно; тамъ значительная часть населенія состояла изъ русскихъ. Въ привиллегіи Сигизмунда сказано: „Removentes ibidem omnia alia jura, polonicalia, lithvanicalia“ et ruthenicalia modus et consvetudines universas“. И съ той поры поименованные слова превратились въ формулу, повторявшеюся во всѣхъ привиллегіяхъ, коими давалось городамъ магдебургское право.

Подобно заимствованію разныхъ узаконеній изъ иностранныхъ кодексовъ, не мало было взято литовцами таковыхъ изъ русской правды; которыя потомъ вошли въ составъ литовскаго статута. Хотя, по внутренному своему содержанію, статутъ и руская правда сильно разняться между собою, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опытный глазъ замѣчаетъ ихъ взаимное сродство. Напримѣръ, правда русская допускаетъ испытаніе преступника раскаленнымъ желѣзомъ, кипяченой водой и, такъ называемый, судъ Божій или бросаніе жребія въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Тоже видимъ въ литовскихъ достатутныхъ уставахъ. Въ составъ русской правды много вошло норманскихъ обычаевъ. Они, какъ не подходящіе, не были приняты литовцами; въ замѣнъ ихъ въ составъ статута много вошло родимыхъ обычаевъ. Поэтому-то оба кодекса, на первый взглядъ, кажется, не имѣютъ никакого сродства между собою. Болѣе удобопримѣнимыя къ жизни литвина постановленія и правила русской правды, если не съ воли самихъ литовскихъ князей, усвоившихъ ихъ себѣ, во время частыхъ посѣщеній ими Руси,—были внесены въ Литву, то чрезъ входившія въ составъ короны русскія провинціи, гдѣ побѣдители оставляли не тронутыми коренные законы и внутреннее устройство провинціи, если таковыя не были противны литовской политикѣ,—потому что въ замѣнъ ихъ побѣдители ничего лучшаго не могли дать побѣжденнымъ.

Слѣдовательно языческая Литва имѣла изустный кодексъ, сильный изъ разнородныхъ лоскутковъ. Нынѣ трудно сказать что либо о его содержаніи и характерѣ, потому что онъ не дошелъ до насъ. Иныя его узаконенія какъ отжившія свое время и потерявшія всякій смыслъ, давно пошли въ забвеніе. Другія послужили матеріаломъ для литовскаго статута и въ единомъ цѣльномъ зданіи статута ихъ трудно теперь отличить; чтобы быть пригодными въ общемъ зданіи и приносить пользу той эпохѣ, для которой оно воздвигалось, зодчіе измѣнили первоначальную ихъ наружность и дали имъ видъ болѣе годный современности. Если бы имѣть сборникъ старинныхъ привиллегій Литвы, выданныхъ князьями провинціямъ, городамъ, особеннымъ лицамъ, судебныя акты и разныя сдѣлки и договоры частныхъ между собою лицъ, въ которыхъ упоминается о старинныхъ обычаяхъ, можетъ быть, тогда можно бы было откопать разныя установленія, правила, узаконенія, носящія характеръ эпохи Гедимина или Ольгерда. Однако трудами историковъ отрыто нѣсколько узаконеній, носящихъ печать до христіанской эпохи. Просмотримъ ихъ.

Намъ уже извѣстно, что литовское народонаселеніе раздѣлялось на слѣдующія сословія: бояръ, вольныхъ землевладѣльцевъ, крѣпостныхъ и невольниковъ или смирдовъ; потомъ прибавилось еще сословіе городскихъ обывателей. Предѣлъ власти однихъ и степень подчиненности другихъ опредѣлялись народнымъ обычаемъ. Во власти князей паны имѣли нагладный примѣръ какъ поступать со своими подданными, которыхъ положеніе при повсемѣстно распространившемся феодализмѣ еще болѣе ухудшилось, хотя и до той поры было очень не завидно; и только духовенство своимъ ученіемъ и наставленіемъ поддерживали въ крестьянинѣ мужество безропотно и стоически переносить всякаго рода притѣсненіе и произволъ. Отъ одной только воли великаго князя зависѣло возведеніе простолюдина въ санъ боярина. Такъ Войдылло изъ прислужника былъ произведенъ въ боярина, сдѣланъ владѣльцемъ Лиды и шуриномъ Ягеллы. Печати съ присвоенными семейству атрибутами, которые на нихъ вырѣзывались, были во всеобщемъ употребленіи у бояръ и служили отличіемъ ихъ званія. Есть предположеніе, что родовые гербы были извѣстны въ Литвѣ еще до уніи. Фа-

милій не было; каждый при рожденіи получалъ, вѣроятно въ сопровожденіи какого либо религіознаго обряда, свое имя и потомъ нерѣдко добавлялъ къ нему прозвище, заимствованное отъ замка или хутора, полученнаго имъ отъ родителей или князя. Не мало было въ ходу между литовцами скандинавскихъ именъ.

Хроникеры замѣчаютъ, что литовцы подобно пруссамъ жили въ многоженствѣ; понятно, что отсюда произошло невольничество женщинъ. Женихъ притворно выкрадывалъ невѣсту и платилъ за нее родителямъ ея татарскій калымъ. Хотя первая жена пользовалась всегда первенствомъ и господствомъ у домашняго очага литвина, потому что остальныя его жены состояли или изъ невольницъ военно-плѣнныхъ, или просто были куплены у убогихъ родителей, и потому считались рабынями и собственностію дома,—но и вообще всѣ безъ исключенія женщины были покорны и подчинялись мущинамъ. Они не принимали участія въ общественныхъ собраніяхъ; не садились вмѣстѣ съ мущинами за обѣденнымъ столомъ; а въ отношеніи гостей дома были ихъ прислугою. Убѣжденіе въ необходимости рабства женщинъ сохранилось до нынѣ въ мнѣніи литовскаго простолюдина и перешло въ свадебныя пѣсни, которыя и по нынѣ людъ поетъ. Въ XIII вѣкѣ стало исчезать многоженство и мы нигдѣ не встрѣчаемъ слѣда, чтобы даже князья имѣли болѣе чѣмъ одну жену. Отсюда произошло то, что значеніе женщины поднялось выше въ общественномъ мнѣніи и вслѣдъ за симъ явилась ихъ свобода. Намъ уже извѣстно, что въ брачныхъ союзахъ мало обращалось вниманія на близость родства. Вольно было вступать въ бракъ не только со вдовою брата но даже съ мачихою какъ то, кажется, учинилъ Гедиминъ (Нарбуттъ, т. IV, п. 460). Вторые браки для мущинъ не были запрещены. Существовало ли это право для женщинъ достовѣрно неизвѣстно. Нѣкоторые, какъ напримѣръ Нарбуттъ, (т. I п. 335), утверждаютъ, что второй выходъ замужъ вдовъ порицался. Прокопій говоритъ, что у Герухловъ вдовы вѣшались по смерти мужей своихъ. Такіе примѣры водились, какъ мы уже видѣли и въ Литвѣ. Можно предполагать, что мѣсто самоубійства заступило потомъ добровольное вдовство, а послѣ ленная зависимость породила правило, что вдовы и до-

чери бояръ выходили замужъ не по своему или родителей и опекуновъ выбору, но по волѣ князей. Подражая князьямъ, тоже дѣлали ленные владѣльцы со своими вассалами, а сіи послѣдніе въ своихъ деревняхъ. Еще по нынѣ у поселянъ сохраняется слѣдующій обрядъ. Въ дѣвичій вечеръ невѣста изъ дома родителей отправляется въ господскій дворъ и съ плачемъ проситъ въ пѣсни пана, что бы онъ уволилъ ее отъ дани, называющейся куницей и услышалъ мольбу о томъ ея роднаго брата. Обрядъ этотъ по литовски называется *кунигованіе*.

По смерти отца наслѣдство переходило къ его сыновьямъ; лучшая часть наслѣдства или родной хуторъ поступалъ въ собственность младшаго сына. Дочерямъ родители давали только при выходѣ ихъ замужъ необходимый гардеробъ и получали за нихъ плату съ зятей. Поименованныя правила наслѣдства были одинаковы для всѣхъ безъ исключенія сословій. Чарбуттъ много мнѣнія относительно порядка наслѣдства. Онъ говоритъ, что младшіе братья наслѣдовали старшему, но не сыновья послѣдняго и, что таковъ былъ обычай на цѣломъ сѣверѣ. Въ доказательство ссылается на Миндовга, который получилъ наслѣдство послѣ смерти старшаго своего брата Эрдивилла, но не сыновья Эрдивилла. Но если часто случалось, что послѣ умершаго легче было овладѣть наслѣдствомъ младшему его брату, нежели роднымъ сыновьямъ покойника, однако это не ослабляетъ догадки прочихъ изслѣдователей литовской старины. Оно подтверждается примѣрами Гедимина и Ольгерда, которые, верховную власть вмѣстѣ съ титуломъ великаго князя завѣщали младшимъ своимъ сыновьямъ; первый Явнуту, второй Ягеллѣ. Наконецъ, этотъ порядокъ наслѣдія, сходный съ старинныиъ русскимъ и даже татарскимъ, пережилъ вѣка и сохранился по нынѣ у мѣстнаго простонародья: младшій сынъ по смерти отца получаетъ всю землю и хозяйство родителя и содержитъ при себѣ мать семейства. Въ шляхетскихъ семействахъ феодализмъ измѣнилъ первоначальный порядокъ наслѣдованія. Здѣсь князь, будучи верховнымъ властителемъ лена, по своему усмотрѣнію назначалъ наслѣдника умершему.

Что о духовномъ завѣщаніи имѣли понятіе или, покрайней

мѣрѣ, старались распространить таковое въ Литвѣ, доводомъ тому служитъ привиллегія Миндовга, выданная имъ въ 1225 году ливонскому рыцарству, которая между прочимъ дозволяетъ литовцамъ дѣлать посмертныя записи и дары не только изъ собственнаго движимаго и недвижимаго имущества, но даже изъ имѣній ленныхъ въ пользу рыцарства. „Hanc etiam ipsis gratiam facimus specialem, cum heredum nostrorum consensu et veluntate...... ut quicunque in regno vel dominio nostro, fratribus ipsis, de bonis suis tum mobilibus quam immobilibus, in toto vel in parte aliquid dederit, vel in testamento legaverit, sive a nobis teneantur in feudo, seu dantium et legantium sint propria, tanquam alia bona sua, quae ipsis contulimus, libere possidere valeant perpetuo et habene“, (Нарбуттъ, т. IV, приб. п. 16, 17). Извѣстно, что чрезъ это узаконеніе рыцари мало извлекли для себя пользы. Трудно нынѣ изслѣдовать, было ли это постановленіе преимуществомъ однихъ крестоносцевъ или узаконеніемъ для всѣхъ иностранцевъ безъ исключенія?—Если обратимъ вниманіе, что сами князья, въ посмертныхъ своихъ распоряженіяхъ, дѣлили страну между своими потомками и сами назначали себѣ преемниковъ, можно допустить, что также поступали и остальные литовцы со своими наслѣдниками, и хоть изустныя не были въ употребленіи завѣщанія. Между литовскими русскими записи движимаго имущества въ пользу церквей могли быть искони извѣстны; изъ такихъ источниковъ поддерживалось церковное хозяйство; а Сигизмундъ I, въ 1506 году, дозволилъ записывать въ пользу церквей даже недвижимыя имѣнія.

Изъ приведенной привиллегіи Миндовга видно, что въ его время, по мимо ленныхъ, были еще наслѣдственныя и ни отъ кого независящія поземельныя собственности; но по мѣрѣ расширенія феодализма и исчезанія аллодіевъ сжимались и ограничивались права независимыхъ земельныхъ владѣльцевъ. Всѣ затѣмъ ограниченія въ распоряженіи имуществомъ, которыя встрѣчаются, хотя въ значительно уже слабой формѣ, въ привиллегіи городельской и первыхъ статутахъ имѣли начало въ дохристіанской эпохѣ. Говоря о поземельной собственности, нельзя умолчать, что у прежнихъ литвиновъ какъ народа земле-

владѣльческаю неприкосновенность границъ и межъ между частными собственностями была подъ покровительствомъ религіи и имѣла своего заступника въ божествѣ *Успариніа*, которое хранило въ своей власти граничные концы. Нарбуттъ (т. I, п. 70, 71). Говоритъ, что въ одномъ старинномъ русскомъ документѣ временъ, кажется, Витольда упомянуто: что не прикосновенность концовъ какъ было подъ охраною проклятія Успары, такъ пусть оно и теперь будетъ покровительствомъ Спасителя.

Какъ у многихъ народовъ гдѣ власть судебная была слабосильна, такъ и у литовцевъ убійцу преслѣдовала личная месть ближайшихъ родственниковъ убитаго. Можетъ быть въ то время на пойманномъ преступникѣ обиженный самъ исполнялъ наказаніе, потому что по статуту 1492 года Казиміра Ягеллончика, хотя недозволялось содержать въ заключеніи за преступленіе, или брать за преступника выкупъ и освобождать его отъ наказанія, что вѣроятно прежде было въ обычаѣ, однако приговоръ смерти какъ бы для удовлетворенія мести дозволялось исполнять родственникамъ убійцы. Убійца, замѣченный на самомъ мѣстѣ преступленія, могъ избѣжать иногда заслуженнаго имъ наказанія; о томъ свидѣтельствуетъ литовскій статутъ (XIV кн. п. 21,26). Хотя хроники ясно не говорятъ, чтобы въ языческой Литвѣ существовали мѣста, гдѣ преступникъ могъ охраниться отъ преслѣдовавшаго его наказанія, однако преданія говорятъ, что существовали священныя рощи, которыя служили убѣжищемъ преступниковъ предъ правосудіемъ. (Нарбуттъ, т. I, п. 217; т. III, п. 514). Отсюда видно, что неприкосновенность мѣстъ, посвященныхъ богамъ, довольно рано служило смягченіемъ суровости мѣстныхъ узаконеній. Вѣрнѣйшимъ указаніемъ времени когда прекратилась частная месть, служитъ законъ платы за голову, который, какъ полагаетъ Нарбуттъ, довольно рано былъ въ ходу у литовцевъ, хотя ясную замѣтку о немъ находимъ только въ троцкомъ трактатѣ Ягеллы и Кейстута съ рыцарями, помѣченный годомъ 1379. Въ немъ сказано, что рыцари за убитыхъ литовцевъ въ уѣздахъ волковыскомъ, суражскомъ, дрогицкомъ, мельницкомъ, бѣльскомъ, брестскомъ, каменецкомъ, и въ околицахъ около Грдна платятъ за голову по обычаю тѣхъ

мѣстъ; равно литвины за убійство въ пограничныхъ мѣстностяхъ прусскихъ, означенныхъ въ этомъ трактатѣ, будутъ тоже платить. Изъ того же документа видно, что плата за голову соразмѣрялась со званіемъ убитаго. (Нарбуттъ, т. V, п. 257).

Огонь имѣвшій большое религіозное значеніе у литовцевъ, который служилъ средствомъ для очищенія отъ оскверненія людей, стадъ и вещей, служилъ также и для открытія преступленія въ судебныхъ производствахъ. О томъ говоритъ Нарбуттъ въ I т. п. 173. Жаль только, что неуказаны имъ источники откуда почерпнуты эти свѣдѣнія. Онъ также говоритъ, что и въ Литвѣ было въ обычаи поединки не только изъ за оскорбленія чести, но и какъ средство доказать свою правоту во взводимомъ подозрѣніи въ преступленіи; что отъ совѣта судей, называвшагося *копой*, о которомъ будетъ сказано ниже, зависѣло допущеніе такого поединка или его запрещеніе; что не принявшій вызовъ исключался изъ подъ покровительства закона и изгонялся изъ края.

Женщины, старики, увѣчные, дѣти могли вмѣсто себя ставить постороннихъ защитниковъ. (Нарбуттъ, дѣянія, III т. п. 515). Но остальныя историческія свѣдѣнія о Литвѣ ничего не упоминаютъ о судебныхъ поединкахъ. Впрочемъ, мало ли интересныхъ свѣдѣній о старинѣ стерлось временемъ. Если судъ Божій въ Литвѣ не былъ роднымъ обычаемъ, то примѣръ таковыхъ литовцы могли видѣть въ Пруссіи и Руси.

Въ важнѣйшихъ дѣлахъ литовцы съ извѣстною торжественностію приносили на священныхъ развалинахъ присягу. О ней говоритъ Стрыйковскій въ своей хроникѣ, описывая условіе какое заключили между собою Кейстутъ и Ольгердъ послѣ захвата Явнутомъ велико-княжескаго трона: „тогда эти кондиціи, говоритъ онъ, оба они скрѣпили взаимною присягою.... свято, согласно съ родительскими языческими обрядами и церемоній, въ Вильнѣ, на священныхъ развалинахъ, предъ богомъ Перуномъ, которому горѣлъ неустанный огонь". Напрасно онъ не описалъ самого обряда присяги; можетъ она не разнилась отъ языческой присяги пруссовъ, у которыхъ, приносившій ее, правую руку клалъ на заднюю часть головы своей, лѣвою держался священнаго дуба и клалъ на голову кусокъ зем-

или держалъ руку на горлѣ. У латышей присяга соединялась слѣдующимъ заключеніемъ", чтобы я почернѣлъ, какъ уголь, разсыпался, какъ прахъ земли, отвердѣлъ, какъ камень". Что то похожее было и у литовцевъ; они и по нынѣ употребляютъ слѣдующую клятву: „чтобъ меня громъ убилъ" или „чтобъ меня земля поглотила». (Нарбуттъ I т. п. 295).

Смертными видами кары были: повѣшеніе, плаха, колесованіе, по всей вѣроятности, уже умерщвленнаго тѣла, какъ описываетъ Стрыйковскій смерть дяди Бируты, Видимонта, умерщвленнаго Ягелломъ за смерть Войдыйлы. Была еще кара сожженія живьемъ; но ей подлежали только одни духовныя лица за небрежность храненія неугасаемаго огня, если погасалъ онъ или если жрецъ или вайделотка нарушали обѣтъ цѣломудрія. За послѣднее преступленіе вайделотокъ иногда закапывали живыми въ землю или сажали въ кожанный мѣшокъ вмѣстѣ съ кошкой, собакой и змѣей и топили въ Нѣманѣ. (Нарбуттъ I т. п. 257,266). Въ Литвѣ и Полѣсьѣ сохранилось преданіе о звѣрскомъ наказаніи за кражу пчелъ. Добывъ кишку изъ распоротаго желудка преступника, ее прикрѣпляли къ улью, или борту пчелъ и водили вокругъ ихъ вора до той поры, пока всѣ внутренности его не обмотались около улья. Есть историческое доказательство, что этотъ способъ наказанія былъ дѣйствительно знакомъ литовцамъ.

Во время ихъ похода противъ ливонцевъ въ 1343 году, ими былъ умерщвленъ такимъ способомъ пойманный подъ Ригою рыцарь, котораго кишками прикрѣпили къ дереву и водили вокругъ него. Но нѣтъ положительныхъ данныхъ, по которымъ можно заключить, что подобное наказаніе было общественнымъ противъ пчелокрадовъ. Можетъ только частная месть когда либо наказала такъ варварски это преступленіе, а простонародье сохранило оное въ памяти. Во всякомъ случаѣ пчелокрадство наказывалось строже въ языческую эпоху, нежели назначенная въ позднѣйшее время статутомъ кара, потому что въ ту пору пчелы составляли одно изъ главныхъ богатствъ бѣднаго литвина. Когда же наступали годы смягченія болѣе суровыхъ обычаевъ, измѣнилось и суровое постановленіе противъ грабежа пчелъ.

Во времена еще Гвагнина существовалъ обычай въ бѣлорус-

сіи, что крестьянинъ, приговоренный паномъ къ смерти, по его приказанію, самъ вѣшался; въ противномъ случаѣ его ожидала мучительная смерть. Что то подобное было и въ Литвѣ. Во время грунвальденскаго похода, такимъ способомъ Витольдъ наказалъ двухъ жмудиновъ за ограбленіе ими костела въ Лаутербургѣ и кощунство надъ св. дарами, и оно приведо многихъ историковъ въ заблужденіе о суровости характера Витольда; они говорятъ, что онъ до того былъ суровъ, что если сказалъ кому; «вѣшайся», то тотъ немедленно приводилъ въ исполненіе его приказаніе; ослушника предавали на растерзаніе медвѣдямъ. (Нарбуттъ, т. VII, п. 554). Слѣдовательно медвѣди иногда исполняли обязанность палачей.

Кара смертію вела за собою конфискацію имущества преступника. Нерѣдко сынъ наказывался за преступленіе отца. О существованіи подобнаго обычая свидѣтельствуетъ земская привиллегія 1457 года, но таковой обычай уничтоженъ. Если воръ не имѣлъ чѣмъ удовлетворить обиженнаго за причиненный имъ убытокъ, то его жена и дѣти поступали въ неволю къ послѣднему,—можетъ и вѣчную—хотя бы не знали о совершенномъ преступленіи. Статутъ Казиміра Ягеллончика отъ 1492 года предоставляетъ роднымъ право выкупа вора изъ заключенія; дѣлаетъ различіе между сообщничествомъ и невѣдѣніемъ преступленія и обращаетъ вниманіе на дѣтскій возрастъ. Были-ли при допросахъ преступниковъ употребляемы пытки, на то нѣтъ ясныхъ доказательствъ; но тотъ же статутъ, и иные упоминаютъ о нихъ какъ о давно извѣстномъ предметѣ и допускаютъ, что преступникъ чрезъ чары можетъ облегчить изтязаніе пытки.

Къ языческой эпохѣ надлежитъ отнести,—вошедшія потомъ въ статутъ,—слѣдующія узаконенія: преслѣдованіе преступника *стариннымъ обычаемъ* (водлѣ старинняго обычая) и,—по русскому обычаю,—собраніе *копы* на коповищахъ (можетъ на концѣ граничномъ); т. е. сборъ окрестныхъ на мѣсто жителей для произведенія *опыта* или дознанія о совершенномъ тутъ убійствѣ или кражѣ. Важность мнѣнія копы, въ позднѣйшее время разсматривалось городовымъ судомъ. (Нарбуттъ, Дѣянія, III т. п. 514).

Также—оправдательный способъ, употреблявшійся обвинен-

ными предъ судомъ и такъ называвшійся: *ставить шапку противъ людей* (жалующихся), *для доказательства, съ рублемъ грошей, съ вины рубля гроши на ихъ* (жалующихся) *доводъ;* или *ставить шапку противъ ихъ сосѣдей,* или *противъ свидѣтеля поставленнаго жалующимся;* при чемъ требовалось, чтобы и противная сторона, въ случаѣ проигрыша, сдѣлала тоже. Что собственно значило *ставить шапку,* до нынѣ еще не разъяснено. Нѣкоторые утверждаютъ, что это былъ залогъ или поручительство, о которомъ упоминаетъ литовскій статутъ,—съ тою разницею, что въ статутѣ дозволяется требовать залоги сторонѣ жалующейся отъ обжалованнаго. Изъ нѣсколькихъ старинныхъ документовъ видно, что сторона обвиняемая и позванная къ суду, вмѣсто доказательства предъ нимъ своей невинности, клала въ залогъ извѣстную сумму денегъ. Но какъ неизвѣстно какая именно сумма была принята за норму залога, то можетъ за нее былъ принятъ рубль литовскихъ грошей (5 р. 88 к.). Есть большое сходство между обычаями ставить шапку предъ судомъ и—русскаго заклада, который вносилъ обвиняющій съ тѣмъ условіемъ, что если онъ не докажетъ своего обвиненія, то теряетъ залогъ; въ противномъ случаѣ получаетъ его обратно а обвиненный вноситъ такую же сумму денегъ въ пользу судей. Можетъ описанный русскій обычай перенесенъ былъ и въ Литву съ тою разницею, что не только обвиняющій клалъ въ шапку рубль грошей залога, но и обвиненный, особенно если послѣдній имѣлъ взаимную претензію; сверхъ того, шапка могла имѣть у литовцевъ какое либо особенное символическое значеніе. Нарбуттъ, въ судебныхъ протоколахъ XV вѣка, гдѣ изложено все производство слѣдствія и допросъ свидѣтелей, отыскавъ фрази: *люди добрые, вѣры годные покладали шапки,* резюмируетъ ихъ такимъ способомъ, что въ старину въ Литвѣ былъ обычай свидѣтельства съ заклятіемъ или клятвою. Свидѣтель, заслуживающій вѣры и безукоризненнаго поведенія, снималъ шапку и, положивъ ее предъ судьею на столѣ, произносилъ: *какъ эту шапку кладу въ твои руки, такъ готовъ отдать и свою голову въ закладъ истиннаго свидѣтельства моего.* (Нарбуттъ, дѣянія, I т. п. 294, 295). Если же такъ дѣйствительно было, то можно допустить, что въ обрядѣ „ставить шапку" было соединено

два обычая: русскій—съ денежнымъ залогомъ, и литовскій—съ заклятіемъ.

Достоинства *тіуновъ*, *дьяковъ* и подати *дякла* и *серебщизны* относятся также къ стариннымъ обычаямъ, потому что о нихъ упоминаютъ самые древнія памятники литовскаго законодательства.

Должность тіуновъ заимствована въ Руси, гдѣ она имѣла много подраздѣленій. Тамъ были тіуны княжіе, боярскіе, посадскіе и иные; здѣсь—только высшіе тіуны изъ шляхты и деревенскіе — изъ поселянъ. Первые хотя считались ниже княжьихъ намѣстниковъ, но, будучи полными распорядителями въ отведенныхъ имъ участкахъ, чинили судъ и расправу надъ всѣми безъ исключенія, и собирали публичные доходы. Для такихъ то собственно тіуновъ постановлено въ первомъ статутѣ правило, что тіунство безъ предварительнаго разслѣдованія о злоупотребленіи не можетъ быть отнято отъ нихъ. Обязанность деревенскихъ тіуновъ состояла въ наблюденіи за порядкомъ и благочиніемъ въ отдѣльныхъ крестьянскихъ волостяхъ. Въ подражаніе русскимъ, еще до Витольда явились въ Литвѣ дьяки, которые,—хотя власть ихъ потомъ значительно ограничили,—просуществовали до послѣдней уніи. Первоначально дьяки были ни что иное какъ гонцы царствовавшихъ; они развозили ихъ приказанія и смотрѣли за исполненіемъ таковыхъ; иногда возлагался на нихъ надзоръ за чеканомъ и выпускомъ въ обращеніе мелкой монеты, иногда занимались они разборомъ тяжбъ и исковъ. Щекотливыя обязанности и недобросовѣстность дьяковъ снискали имъ ненависть общества и всеобщее презрѣніе, такъ что въ 1457 году земскою привиллегіею Казиміра Ягеллончика шляхта исходатайствовала относительно себя нѣкоторыя ограниченія власти дьяковъ. Тоже преимущество получили воеводства: витебское въ 1502 году, волынское въ 1506 году, и кіевское въ 1506 г. Въ 1554 и 1558 годахъ Жмудь жаловалась на поступки и произволъ дьяковъ и просила, чтобы не чрезъ нихъ, но чрезъ самихъ старостъ она была судима. Это заявленіе Самогитіи можетъ также служить доказательствомъ, что всѣ старинные порядки въ ней дольше держались, чѣмъ въ остальной Литвѣ. Исподоволь дьяки теряли свое первоначальное значеніе; при Кази-

мірѣ IV воеводы имѣли уже собственныхъ дьяковъ, но не коренныхъ. Помаленьку изъ княжихъ гонцовъ они превратились въ простыхъ слугъ суда.

Подать *дякло* получила названіе отъ литовскаго слова, *доклэ*—дань. Ее получали князья продуктами, преимущественно сѣномъ и овсомъ; послѣ подъ дякло подвели и иныя повинности, также ссыпку зерноваго хлѣба, поборы домашнею птицею и даже яйцами. Сначала дякломъ были обложены наравнѣ какъ казенныя волости, такъ и шляхта. Послѣ, земскою привиллегіею 1457 года, шляхта освобождена отъ дякла, ссыпки, продовольствія князя и свиты во время проѣзда его по странѣ, и содержанія чиновниковъ, что было въ обычаѣ еще у язычниковъ. До Сигизмунда I со шляхты еще побирали дякло, потому что изъ привиллегіи его узнаемъ, что царствующіе могли нѣкоторыхъ освобождать отъ этой повинности и замѣнять ее на ловчую службу,—которую тоже нужно отнести къ языческой эпохѣ,—включая сюда обязанность стеречь цѣлость лѣсовъ, дикаго звѣря и бобровыхъ гоновъ. Въ экономическомъ устройствѣ казенныхъ имуществъ, которое обнародовано Сигизмундомъ Августомъ въ уставѣ 1557 года 1 мая, XVII пунктъ объясняетъ порядокъ взиманія дякла. Вотъ что онъ говоритъ: «овсы дякольные наши волостные съ волокъ маютъ одвозити до Вильни, до Лотвовъ, до Портовъ и до инишихъ дворовъ нашихъ, гдѣ кажемъ за 20 миль, а сѣно за 15 миль. А къ тому еще сѣна дворнаго съ каждое волоки по возу одному отвести повинни гдѣ имъ будетъ росказано. А коли дворныхъ сѣнъ и овсовъ, съ потребы на наши кони быти можетъ, тогды пенежми сѣно и овесъ заплатити. А отдаючи овсы дякольные, не маютъ высшую мѣру, только въ бочку давати, въ которой чотеры корцы краковскихъ подъ стрыхъ безъ верху и топтаня. А больше имъ не надобѣ платити, только вписного въ реистръ отъ бочки овса одна пенязь (одна деньга) и много кто откуль сѣнъ и овсовъ пріиметъ, маетъ съ того квитовати не беручи за квитъ ничого. А коли сѣнъ и овсовъ потреба наша укажетъ гдеколве провадити, таковые далекости яко вы жей описано, до порту и инде, до дворовъ и лововъ, о томъ за часу о св. Бартломею (Варѳоломею) отъ насъ альбо съ скар-

бу через лист вѣдомо учинити Врадником нашим, а с того не вымавляти ся всим подданым в Жомойти и с Подляское земли. А иж за отвоз овса платят подданые от двух бочек по 10 грошей (свыше 45 к.) за 20 миль, то за каждую милю прійдеть по пол грошку, тогды таковые хто до Вильни альбо гдекольве уставично овсов не возят, а будеть на то розказаніе наше, нѣсколько миль до порту, або где инде проводити будуть тот овес, так много им с отвозовых пенезей отпустити за милю от каждое бочки по 2½ пенезя, а остатком тых пенезей отвозовых, наймовати судини на отпровожениѣ водою таких овсов до Вильни альбо гдѣ потреба наша укажет. А которые уставичне овсы возят, ино и того остатку отвозов на них не брати».

Подать под названіем серебщизна, получившая начало от серебряной монеты, явилась тогда, когда монета была уже не рѣдкостью и когда на доход с хлѣбопашества обращено вниманіе. Серебщизну платили только от сохи, но первоначально взимали ее также от волов, и *коней*, когда в уставѣ Сигизмунда Августа в пунктѣ XVIII сказано: „серебщизна на подданых наших абы николи от *волов* и *клячь* не была брана, одно с волок и проч.“. При Сигизмундѣ I серебщизна опредѣлялась в 3 литовских гроша (около 15 коп. сер. с сохи, а при Сигизмундѣ Августѣ в 5 литовских грошей (23½ коп. сер.), отсюда можно заключить, что в первое время она была гораздо меньшая, когда военную повинность дозволено замѣнять денежною, то такой замѣн стал тоже называться в Литвѣ *серебщизною*, в Самогитіи *поконевщизною;* она простиралась в 1552 году за одну конную службу в одну копу литовских грошей (3 р. 25½ к. сер.). Серебщизны просуществовали до уніи 1569 года.

Оканчивая обзор законодательства языческой Литвы, слѣдует что либо упомянуть о их судах. Но за неимѣнием положительных свѣдѣній, можно замѣтить только, что пока не усилились могущество и власть князей, большую роль в судах и внутреннем управленіи княжеством играло духовенство. Глава их креве-кревейто, был в тоже время найвысшим судьею народа. Подначальные ему креве, бывшіе по городам и округам начальниками вайделотов, имѣли низшую

степень судебной власти. Креве-кревейты разбирали недоразумѣнія между князьями; креве—только гражданскіе иски другихъ привилегированныхъ сословій. Ихъ постановленія восходили на утвержденіе креве-кревейты или князя, но приводились они въ исполненіе только послѣ конфискаціи царствующаго. Очень можетъ быть, что изъ постановленій кревовъ, обычаевъ и пріемовъ, сохранявшихся ими при разбирательствѣ дѣлъ явился потомъ судебный уставъ Литвы. Третьяго разряда жрецы, *кревули*,—разбирали болѣе мелкія дѣла простонародья; гадатели—*путтонесъ* обязаны были примирять недовольныя стороны и склонять къ миролюбію враждующихъ всѣхъ безъ исключенія сословій. (Нарбуттъ, т. II п. 252, 253, 254). Яснаго нѣтъ указанія, чтобы дѣла уголовныя подлежали вѣдѣнію духовенства. Но священныя рощи, гдѣ преступникъ находилъ убѣжище, испытаніе огнемъ въ дѣлахъ запутанныхъ и темныхъ, могли дать поводъ ихъ вмѣшательству въ уголовное судопроизводство. Впрочемъ многія подобнаго рода дѣла оканчивались частною местью, пока ея мѣсто незаступила лучше организованная гражданская власть. По мѣрѣ усиленія могущества великихъ князей ослабѣвали власть, и значеніе духовенства въ судебномъ производствѣ. Высшая власть суда и наказанія перешли къ князю и его думѣ, а мѣсто кревовъ заступили поставленные отъ него намѣстники и ленные владѣльцы, которымъ дана сеньоральная власть. Тогда то, нужно предположить, и стали распространяться суды копы, заимствованные у русскихъ. Судебная реформа явилась въ Литвѣ не внезапно и насильно, но была вызвана новымъ направленіемъ политической жизни страны. Въ Самогитіи, гдѣ власть креве-кревейты просуществовала до 1414 года. Послѣднимъ верховнымъ жрецомъ былъ нѣкто Гинтовтъ, духовенство съумѣло дольше сохранить пріобрѣтенное имъ вліяніе надъ свѣтскою властью.

XII.

Физіономическія черты; характеръ народа; первобытная его цивилизація.

Всматриваясь въ типы литовскаго народа, описанные ста-

ринными хрониками, и который до сегодня сохранился въ простолюдинѣ сѣверо-западнаго края Россіи, нельзя замѣтить хоть что либо, подтверждающее его родство съ индійскимъ племенемъ. Напротивъ, бѣлая кожа, румянецъ на щекахъ, продолговатое лице, голубые, глаза, прямой носъ, бѣлокурые волосы, крѣпкое тѣлосложеніе и здоровье, безвредно переносящія непостоянство климата и житейскія невзгоды,—все это болѣе приближаетъ ихъ къ славянской семьѣ. Ко всему этому можно добавить, что греческія черты лица совсѣмъ не встрѣчаются въ простонародьи и составляютъ рѣдкость.

Пока литовцы были въ язычествѣ и не входили въ сношеніе съ Русью; они отличались особенною привязанностію къ народности, вѣрѣ отцевъ своихъ и роднинѣ, въ которой готовы были переносить всѣ лишенія, чѣмъ искать улучшенія своего быта подъ чужимъ небомъ. Такая страстная привязанность ко всему родному породила ненависть къ христіанству и нетерпимость ея апостоловъ; съ которыми часто обходились жестоко особенно, если они насильно навязывали имъ свое исповѣданіе. Въ набѣгахъ на сосѣдей они ничего не щадили и ничего не было для нихъ святого; но когда князья, хотя еще язычники, стали дѣлать постоянныя приращенія страны, то въ чужихъ земляхъ уважали чужую религію и не навязывали имъ своей.

Въ цѣлой исторіи Литвы есть одинъ только примѣръ, гдѣ литовецъ пытался совратить христіянъ въ язычество. Такимъ является Витенесъ, который послѣ удачнаго набѣга на Пруссію въ 1311 году, пересматривая богатую добычу, захваченную имъ въ Пруссіи, кощунствовалъ надъ костельными сосудами и св. дарами; а потомъ, собравъ плѣнныхъ, убѣждалъ ихъ принять язычество, доказывая, что литовскіе боги, при помощи которыхъ захватилъ онъ ихъ въ плѣнъ, могущественнѣе Христа.

(Нарбуттъ, т. IV, п. 43). Покорность мѣстнымъ властямъ составляла отличительную черту характера литвина. Даже когда ихъ князья, сдѣлавшись могущественными, почти деспотично управляли страною, народъ кротко и молчаливо сносилъ все, не думая о бунтахъ. Одна самогитія, свыкшаяся съ демократическимъ управленіемъ, иногда высказывала протестъ волѣ князей и то, если между князьями царствовавшаго дома

возникали раздоры и въ народѣ образовывались партіи. На сколько суровы были литвины со своими врагами, на столько кротки и человѣчны дома. Гостепріимство свято чтилось у нихъ какъ относительно земляка, такъ и чужеземца, и находилось въ неразрывной связи съ ихъ религіозными воззрѣніями. Гостепріимству покровительствовали божекъ *Нумэясъ* и богиня *Пескія*. Въ храмахъ и священныхъ рощахъ преслѣдуемый находилъ убѣжище; въ городахъ были дома народнаго или общественнаго гостепріимства—*Нумэени*, гдѣ въ минуту домашнихъ смутъ чужестранецъ находилъ пріютъ безопасный.

Публичная дорога—*вѣшасъ—келясъ*, безопасность которой сторожилъ божекъ *Келе—девасъ*, посвящена была народному гостепріимству и, какъ говоорятъ преданія, на ней религіей не дозволялось обидѣть кого либо. Литовцы имѣли божество *Вентисъ* трудившееся надъ возбужденіемъ взаимной дружбы въ случайно встрѣтившихся путешественникахъ. (Нарбуттъ, т. I, п. 98, 99, 101). Національное радушіе давало хорошій пріютъ и помощь потерпѣвшимъ морское кораблекрушеніе. Народному гостепріимству не уступала и частная. Хозяинъ ничего не жалѣлъ для своего гостя и при этомъ удобномъ случаѣ самъ былъ не воздерженъ въ напиткахъ,—черта литовскаго характера, которая дѣлалась ярко замѣтною на всѣхъ общественныхъ собраніяхъ и торжествахъ. Хотя по тому угощеніе всегда оканчивалось попойкой, а при такомъ настроеніи человѣкъ скорѣе всего склоненъ къ ссорѣ и дракѣ, то и тутъ личность гостя и все ему принадлежащее считалось неприкосновенными, и за его оскорбленіе отвѣчалъ хозяинъ дома. Первый литовскій статутъ указываетъ что за обиды, причиненныя гостю, удовлетворяетъ хозяинъ дома; но неуказанъ размѣръ удовлетворенія. Нельзя сказать, чтобы литовцы были трусливы; но тутъ нужно оговориться, что не малою поддержкою храбрости въ литвинѣ служила его вѣра въ предопредѣленіе.

Нарбуттъ, изслѣдователь литовской исторіи, доказываетъ, что литовцы въ глубокой древности были значительно на высшей степени цивилизаціи, чѣмъ въ эпоху когда они сдѣлались извѣстными славянамъ, нѣмцамъ, скандинавамъ. Главные доводы своему предположенію онъ усматриваетъ въ происхожде-

ніи ихъ отъ гелоновъ и будиновъ 1); первые дали литвинамъ зародыши греческой культуры, вторые—индійскаго буддизма, также въ духовно религіозныхъ и нравственныхъ ихъ воззрѣніяхъ, которыя развиваются только у народовъ, имѣющихъ хотя незначительный процентъ умственнаго развитія; въ ихъ нарѣчіи, которое было подчинено нѣкоторымъ грамматическимъ правиламъ,—и въ исконномъ ихъ занятіи земледѣліемъ, что чуждо дикому варварству. Далѣе онъ говоритъ, что если въ позднѣйшую историческую эпоху они являются не въ очень выгодномъ свѣтѣ относительно цивилизаціи, то это произошло отъ постоянныхъ набѣговъ страны сосѣдями, особенно тевтонскіе рыцари и ливонскіе, искавшіе добычи подъ благовиднымъ предлогомъ миссіонерства. Въ слѣдствіе раззорительныхъ нашествій литовцы, претерпѣвая всѣ лишенія ограбленныхъ, во избѣжаніе враговъ удалились въ свои лѣса и уединились отъ цѣлаго свѣта; но когда и такъ не нашли безопасности, они начали сами отплачивать тою же монетою своимъ дружелюбнымъ сосѣдямъ. Наконецъ, добавляетъ Нарбуттъ, хотя подобный ходъ событій тормозилъ умственное развитіе народа, но печать первобытной цивилизаціи въ немъ не стерлась. По этой причинѣ ни Генрихъ Лотышъ, ни Дуисбургъ, ни Груно, писавшіе хроники о Литвѣ, не нашли въ ней слѣдовъ безусловной дикости. (Нарбуттъ, Dzieje, т. II, 207; т. III, 14, 17).

Всѣ хроникеры рисуютъ языческую Литву на низкой степени цивилизаціи и очень бѣдною въ матеріальномъ отношеніи. Они говорятъ, что язычники литовцы вели жизнь,—подобно дикому звѣрю,—лѣсную, были жестоки, жадны къ добычѣ, только ею жили, и мало были извѣстны сосѣдямъ. Что русскіе князья, подчинивъ своей власти нѣкоторыя части Литвы, ничего не могли получать въ дань отъ этихъ ордъ дикарей кромѣ вѣниковъ для бань, березовой коры на деготь, лыка, шкуръ звѣриныхъ и желудей. Тоже повторялъ о литвинахъ чешскій писатель Дубравскій, говоря, что въ Литвѣ, странѣ обширной, покрытой сплошными болотами и лѣсами, живетъ народъ лѣсной, болѣе дикій, чѣмъ суровый и варварскій, умѣющій лучше-

1) Объ этомъ будетъ сказано во II Отдѣлѣ „Опыта исторіи языческой Литвы.“

прятаться вмѣстѣ со звѣремъ въ лѣсу, чѣмъ стройно сражаться въ открытомъ полѣ; его жизнь и пища убоги при недостаткѣ вина, пшеницы, денегъ, ибо Литва не даетъ ни какихъ металловъ,—хлѣбъ черный его пища, а вода—напитокъ. (У Нарбутта, въ III т. п. 537, прим. 2). На сколько справедливы подобныя сужденія можно судить по вышеприведеннымъ главамъ настоящаго сочиненія. Нѣтъ спора, что тогдашніе литовцы сравнительно со своими сосѣдями славянскаго или германскаго племени и даже съ пруссами были бѣдны; но при патріархальной простотѣ они довольствовались тѣмъ, что имѣли; не были прихотливы въ одеждѣ, пищѣ, жилищѣ, и нужды свои удовлетворяли собственными силами и средствами. Слѣдовательно положеніе литовцевъ было бѣдно относительно; но собственно бѣдности, въ тѣсномъ значеніи этого слова,—не было и не могло быть тамъ, гдѣ народъ занимался земледѣліемъ, скотоводствомъ и только не могъ добывать себѣ предметовъ болѣе комфортабельной жизни. Несомнѣнно, что еще они въ XII вѣкѣ не имѣли городовъ, даже многолюдныхъ селеній или посадовъ, которымъ можно было дать это имя, не было блестящихъ княжескихъ дворовъ, не было золота и серебра; ихъ рыцарство не блестѣло дорогимъ костюмомъ и вооруженіемъ; однако имѣли достаточно зерноваго хлѣба и скота, умѣли извлекать прибыль изъ обширныхъ лѣсовъ, рѣкъ, озеръ и знакомы были съ нѣкоторыми ремеслами.

(Продолженіе въ слѣдующемъ году [1]).

О. Бутвиловскій,

---

1) Винимся предъ настоящими и будущими читателями Вѣстника; что мы поставлены были въ независящей отъ насъ необходимости перенести въ будущій годъ какъ эту, такъ и нѣкоторыя другія статьи.

III.

проверженіе обвиненій, взводимыхъ на сторико-филологическій факультетъ университета св. Владиміра.

IV.

*(Окончаніе *).*

Вторая половина обвиненія членовъ историко-филологическаго факультета въ бездѣйствія высказана съ полнымъ ібвеніемъ собственнаго достоинстза и не только безъ должаго, но даже безъ всякаго уваженія къ факультету: къ зиданію чего нибудь болѣе свѣжаго и новаго *„факульетъ самъ по себѣ оказался не способнымъ"*. Это бездѣйствіе факультета отъ неспособности его создать что ибудь болѣе свѣжее и новое подробно объясняется въ цѣомъ рядѣ такихъ обвиненій, которыя поражаютъ непостиимымъ неуваженіемъ къ истинѣ и столькоже непонятнымъ епризнаніемъ совершившихся фактовъ:

„Въ какой степени бывшіе члены историко-филологиеcкаго факультета, въ забаллотировкѣ которыхъ упрекатся въ настоящее время совѣтъ своимъ бездѣйствіемъ пособствовали разрушенію факультета, лучше всего доказывается тѣмъ фактомъ, что не только ни одинъ изъ нихъ е нашелъ возможнымъ указать себѣ преемника, но ни днимъ изъ нихъ не рекомендованъ, по своей каѳедрѣ, нико изъ бывшихъ учениковъ ни въ стипендіаты, ни къ поылкѣ за-границу, почему, не смотря на долголѣтнюю

---

*) См. „Вѣстн. запад. Россіи" кн. 11.

службу профессоровъ историко-филологическаго факультета, университетъ св. Владиміра не представилъ по этимъ каѳедрамъ ни одного магистра, ни доктора".

Прошу читателя замѣтить, что при обвиненіи въ бездѣйствіи отъ неспособности указано на долголѣтнюю службу забаллотированныхъ профессоровъ историко-филологическаго факультета. Для большей ясности укажемъ точнѣе на это: профессоръ Делленъ занималъ каѳедру римской словести 30 лѣтъ; профессоръ Селинъ—каѳедру русской словесности 23½ года; профессоръ Гогоцкій занималъ каѳедру философіи 20 лѣтъ. И такъ, составители (или составитель) обвиненій утверждаютъ, что ни одинъ изъ этихъ профессоровъ не нашелъ возможнымъ указать себѣ преемника 1). А я спрашиваю, какой изъ факультетевъ универси-

1) Да не подумаетъ читатель, что приготовленіе преемниковъ на каѳедры обязательно для профессоровъ: въ уставѣ нѣтъ ни одного параграфа о подобной обязанности. При Петрѣ Великомъ каждый академикъ долженъ былъ имѣть одного или двухъ воспитанниковъ *изъ русскихъ* и обязанъ былъ приготовлять ихъ въ учители гимназіи и въ преемники по своей наукѣ: они назывались *элевами*. При Елизаветѣ, когда гетманъ Разумовскій намѣревался открыть университетъ въ Батуринѣ, предполагалось учредить семинарію для 40 способныхъ *шляхтинцевъ* и *разночинцевъ*, которые должны были, за даровое воспитаніе, оставаться при университетѣ учителями, потомъ магистрами и, наконецъ, профессорами.—Обвинители членовъ факультета, должно полагать, считаютъ ихъ *нравственно обязанными* приготовлять будущихъ профессоровъ, потому что профессорскія стипендіи учреждены года за три до забаллотированія профессора Деллена. Только въ настоящее министерство, на широкихъ основаніяхъ постановлены правила совѣтомъ министра: а) для выдачи стипендій студентамъ историко-филологическаго факультета съ цѣлью приготовленія учителей гимназій и прогимназій, и б) окончившимъ курсъ, оставляемымъ при университетѣ съ цѣлью приготовленія къ профессорскому званію. Но эти правила заслушаны были въ совѣтѣ 18 октября 1868 года, когда несправедливо обвиняемые профессора были уже всѣ забаллотированы *меньшинствомъ*. И такъ, до указаннаго учрежденія, надо разумѣть *только нравственную обязанность* профессоровъ приготовлять преемниковъ на каѳедры: мы принимаемъ ее, эту нравственную обязанность; принимаемъ на себя и всякую отвѣтственность, если только общественное мнѣніе признаетъ, что мы ея не выполнили.

ета св. Владиміра приготовилъ ихъ *бомбы*? И какимъ чудомъ наши обвинители могли проглядѣть столько профессоровъ и преподавателей, какъ въ университетѣ, такъ и въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя поставлены выше имназіи? Историко-филологическій факультетъ въ эти тридцать лѣтъ далъ Россіи 14 профессоровъ и преподавателей, не считая учителей, съ честію подвизающихся въ учебныхъ округахъ: кіевскомъ, виленскомъ, варшавскомъ и кавказскомъ! Всѣ эти профессоры и преподаватели, отъ перваго до послѣдняго, были слушателями профессора Деллена; мало этого, спеціалисты по русской словесности получали золотыя медали за сочиненія, писанныя на латинскомъ языкѣ. Изъ нихъ-же восемь профессоровъ и преподавателей были слушателями профессора Селина; семь лицъ слушали профессора Гогоцкаго. Кажется, не будетъ лишнимъ, если мы скажемъ, кто именно эти профессоры и преподаватели:

1. Профессоръ русской словесности въ Нѣжинскомъ лицеѣ *Туловъ*, нынѣ помощникъ попечителя кіевскаго учебнаго округа.

2. Адъюнктъ-профессоръ греческой словесности, послѣ штатный доцентъ, *Срашкевичъ*, о которомъ даже въ статьѣ за подписью г. ректора сказано доброе слово: „къ истинной скорби университета, скончался доцентъ Страшкевичъ“.

3. Профессоръ политической экономіи *Вернадскій*.

4. Профессоръ русской словесности *Костыръ*.

5. Профессоръ русской словесности въ Нѣжинскомъ лицеѣ, послѣ адъюнктъ-профессоръ кіевскаго университета, а теперь штатный доцентъ по каѳедрѣ исторіи всеобщей литературы, *Линниченко*, получившій золотую медаль за сочиненіе на латинскомъ языкѣ.

6. Бывшій исправляющій должность экстраординарнаго профессора *Шульгинъ*.

7. Исправляющій должность профессора русской словесности въ нѣжинскомъ лицеѣ *Бѣлобровъ*, нынѣ инспекторъ лицея.

8. Исправляющій должность экстраординарнаго профессора, деканъ юридическаго факультета *Сидоренко*.

9. Исправляющій должность экстраординарнаго профессора (теперь на юридическомъ факультетѣ) *Цѣхановецкій*.

10. Профессоръ нѣжинскаго лицея, нынѣ штатный доцентъ по каѳедрѣ русской исторіи, *Лашнюковъ.*

11. Штатный доцентъ по каѳедрѣ русской исторіи *Иконниковъ.*

12. Преподаватель русской словесности въ Горыгорѣцкомъ институтѣ, *Янсонъ.*

13. Исправляющій должность профессора русской словесности въ нѣжинскомъ лицеѣ *Вороной.*

14. Приватъ-доцентъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи, магистрантъ *Драгомановъ.*

Г. Бѣлобровъ получилъ золотую медаль за сочиненіе по русской словесности на тему (Русская лѣтопись и Несторъ), предложенную профессоромъ Селинымъ и одобренную факультетомъ и совѣтомъ. И въ званіи инспектора лицея г. Бѣлобровъ, не оставилъ своихъ занятій словесностію, еще недавно, по порученію г. попечителя [1]), я представилъ письменные отзывы о сочиненіяхъ г. Бѣлоброва: 1) объ участіи словесныхъ наукъ въ образованіи человѣка. 2) Цѣль искуства по ученію эстетиковъ различныхъ школъ. 3) Объ искуствахъ по различію коренныхъ формъ выраженія. Долгомъ считаю замѣтить, что г. Бѣлобровъ и въ настоящее время могъ-бы съ честію для себя и съ пользою для другихъ занять каѳедру русской словесности въ университетѣ. Не смотря на мои убѣдительныя просьбы приступить къ магистерскому испытанію, г. Бѣлобровъ постоянно отлагалъ свое намѣреніе единственно по чрезмѣрной строгости къ самому себѣ, столь рѣдкой въ наше время.

Отъ исчисленныхъ профессоровъ и преподавателей, бывшихъ кандидатовъ историко-филологическаго факультета, обратимся къ обвиняемымъ профессорамъ, или, лучше, къ другимъ *замѣчательнымъ* обвиненіямъ: *„ни одинъ* изъ нихъ не рекомендовалъ по своей каѳедрѣ *никого изъ бывшихъ учениковъ* ни а) *въ стипендіаты,* ни б) *за-границу.“*

---

1) Три предложенія г. попечителя профессору Селину: отъ 24 декабря 1868 г., за № 6457; отъ 7-го марта 1869 г. за № 1007, и отъ 5-го апрѣля 1869 г. за № 1532.

Снова я долженъ указать или на странное забвеніе фактовъ, или на непостижимое непризнаніе ихъ со стороны обвинителей. Зачѣмъ-же обвиняющіе насъ подписали протоколъ *слушали*, когда историко-филологическій факультетъ *рекомендовалъ разомъ шесть* молодыхъ людей, и ходатайствовалъ о пособіи, для приготовленія ихъ къ профессорскому званію? Вотъ и самое представленіе факультета, приводимое съ буквальною точностію:

Слушали: представленіе историко-филологическаго факультета (отъ 6 февраля 1864 года) о молодыхъ ученыхъ, которымъ *слѣдовало-бы оказать пособіе* для приготовленія къ профессорской должности: а) по сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ двумъ молодымъ людямъ: подающему большія надежды своекоштному студенту 6-го семестра Владиміру *Нейкирху* и кандидату Григорію *Кустовскому* (оба—филологи-спеціалисты); б) по теоріи и исторіи искуствъ—своекоштному студенту 7-го семестра Григорію *Цвѣтковскому* (спеціалистъ по словесности); в) по русской исторіи двумъ молодымъ ученымъ: кандидату Ивану *Нечипоренку* и находящемуся на профессорской стипендіи Михаилу *Владимірскому-Буданову*; г) по философіи—своекоштному студенту 6-го семестра Константину *Комару*.“ Но совѣтъ опредѣлилъ ходатайствовать о пособіи только удостоеннымъ степени кандидата. Чѣмъ-же виноваты достойные студенты, что ихъ не представили, тѣмъ болѣе, что и они были уже не далеко отъ окончанія университетскаго курса? Теперь студенты могутъ-же получать по 300 руб. въ годъ и притомъ, замѣтьте, съ 1-го-же семестра, для приготовленія себя къ ученой дѣятельности. Если-бы совѣтъ тогда-же обратилъ подобающее вниманіе на это важное дѣло, то весьма вѣроятно, что министерство нашло-бы средства для приготовленія профессоровъ изъ этихъ самыхъ лицъ, *рекомендованныхъ* факультетомъ. А вѣдь прежде совѣтъ ходатайствовалъ объ отправленіи за-границу *и кандидатовъ, рекомендованныхъ историко-филологическимъ факультетомъ.* Послѣ *своихъ* тщетныхъ усилій (въ продолженіи трехъ лѣтъ) замѣстить каѳедру русской исторіи, факультетъ предложилъ

особую мѣру: отличныхъ кандидатовъ отправить въ русскіе университеты, въ академію наукъ, а также и за-границу, по конкурсу, именно: 1) кандидатъ долженъ представить диссертацію; 2) по одобреніи факультетомъ, защитить ее публично; 3) прочесть двѣ пробныя лекціи въ присутствіи профессоровъ и студентовъ: одна должна быть прочтена на тему, заданную факультетомъ. Приглашены были и кандидаты—Митрофанъ *Стефановичъ* и Владимиръ *Антоновичъ*. Совѣтъ *опредѣлилъ* (12 мая 1862 г.): ходатайствовать о разрѣшеніи привести въ исполненіе мѣру, предложенную факультетомъ. Всѣ эти условія выполнилъ кандидатъ Иванъ *Пигулевскій, посланный* вслѣдъ за этимъ *за-границу*. Послѣ, когда факультетъ *предложилъ* совѣту (отъ 24 августа 1864 г.) *послать за-границу* кандидата *Драгоманова,* для приготовленія къ профессорскому званію, совѣтъ отвѣчалъ указаніемъ на свое опредѣленіе (7 февраля 1864 года) отправлять за-границу *не кандидатовъ,* а *только магистровъ*. Что-же выходитъ? *Рекомендованныхъ* факультетомъ въ лучшую, юношескую пору благородныхъ научныхъ стремленій, не посылали, а послѣ несправедливо обвиняютъ факультетъ же, что онъ не рекомендовалъ молодыхъ ученыхъ къ посылкѣ за-границу, обвиняютъ *въ неисполненіи того, что факультетъ исполнялъ и чего совѣтъ не исполнялъ!* Что еще особенно замѣчательно: совѣтъ рѣшаетъ *не посылать кандидатовъ,* а г. попечитель *посылалъ за-границу,* съ разрѣшенія г. министра, *кандидатовъ* нашего-же факультета: *Копылова, Стефановича, Ростовцева,* котораго профессоръ Делленъ желалъ избрать въ преемники на каѳедру римской словесности: бывши директоромъ гимназіи, профессоръ Делленъ, во время путешествія г. Ростовцева, преподавалъ за него *безвозмездно* латинскій языкъ. Неужели профессоръ Делленъ виноватъ и въ томъ, что г. Ростовцевъ, на путешествіе котораго правительство давало средства, не на каѳедрѣ римской словесности, былъ инспекторомъ, потомъ директоромъ гимназіи, въ настоящее же время инспекторъ кіевскаго учебнаго округа? Далѣе посланы были за-границу кандидаты нашего факультета

Ивановъ (филологъ, спеціалистъ), отчеты котораго министерство постоянно посылало въ нашъ факультетъ; *Кутовскій* (то-же филологъ-спеціалистъ), нынѣ директоръ другаго учебнаго округа (если не ошибаемся). Не помню хорошо, былъ-ли посланъ за-границу филологъ-спеціалистъ *Кустовъ*, теперь директоръ черниговской гимназіи? Нельзя не упомянуть объ отличныхъ воспитанникахъ профессора Деллена, о гг. *Шульженкѣ* и *Звонниковѣ*. Тому и другому, по порученію комитета 1), я предлагалъ читать (по найму) въ университетѣ лекціи, точнѣе преподавать латинскій языкъ, объяснять классическихъ писателей, и предлагалъ потому, что г. Делленъ убѣдилъ меня въ томъ, что оба эти филолога могутъ принести несомнѣнную пользу студентамъ университета. Профессоръ Гогоцкій, кромѣ *Комара*, представлялъ молодаго ученаго *Рудницкаго*, для приготовленія къ педагогогіи и всячески склонялъ отличнаго кандидата историко филологическаго факультета *Никитскаго* посвятить себя изученію философіи для преподаванія въ университетѣ. Профессоръ Селинъ и въ *комитетѣ*, и въ *факультетѣ*, указывалъ на достойныхъ кандидатовъ по каѳедрѣ русской словесности, на гг. *Житецкаго*, *Андріевскаго* 2) и *Русова*.

Наконецъ, въ статьѣ за подписью г. ректора сказано, что мы не рекомендовали ни одного изъ нашихъ воспитанниковъ въ профессорскіе стипендіаты.

Пересматривая протоколы факультетскихъ засѣданій, я нашелъ слѣдующія постановленія нашего факультета: *рекомендовать* черезъ совѣтъ министерству отличныхъ студентовъ *Владимірскаго-Буданова* и *Давидовича* (9 марта 1864 г.); представить въ профессорскіе стипендіаты того-

---

1) Назначеннаго для пополненія историко-филологическаго факультета послѣ его уничтоженія.

2) Г. Андріевскій недавно прислалъ мнѣ сочиненіе, значительное и по объему, и по содержанію, касающееся древняго памятника русской поэзіи; въ этомъ трудѣ, заслужившемъ лестный отзывъ профессора Яроцкаго, помѣщены: 1) Текстъ „*Слова о полку Игоревѣ*“ съ подстрочными примѣчаніями: 2) переводъ, тоже съ примѣчаніями; 3) приложенія, оглавленіе и, наконецъ, алфавитный указатель.

же *Буданова* и *Чеховича* (7 сентября 1864 г.); *Иконникова* (13 сентября 1865 г.); *Лавренка* (по отдѣлу славяно-русской словесности, 15 ноября 1866 г.); *Лучицкаго* (15 декабря 1866 г.); *Делярю*, специалиста по словесности, и въ стипендіаты, и въ приватъ-доценты по исторіи всеобщей литературы (7 марта 1867 г.); *Васильева*, въ приватъ-доценты. Послѣдніе оба были подвергнуты баллотированію въ совѣтѣ: г. Делярю получилъ $^2/_3$ избирательныхъ шаровъ, а г. Васильевъ избранъ былъ большинствомъ голосовъ 28 противъ 2-хъ. Не могу еще навѣрное сказать, всѣхъ-ли профессорскихъ стипенціатовъ я перечислилъ.

Всѣ эти факты, приведенные нами, даютъ общественному мнѣнію полную возможность рѣшить, какое значеніе должны имѣть слова: *ни одинъ изъ нихъ не указалъ себѣ преемника; ни одинъ не рекомендовалъ никого ни въ стипендіаты, ни къ посылкѣ за-границу*. Мы, съ своей стороны, не признаемъ ни одного изъ этихъ словъ справедливымъ; но противъ всѣхъ этихъ неправдъ не желаемъ употреблять оружія обвинителей, т. е. ихъ *далеко не отборныхъ выраженій;* потому что не можемъ себѣ позволить говорить неуважительно о лицахъ, принадлежащихъ къ почетному сословію ученыхъ. Намъ остается говорить противъ послѣдняго обвиненія факультета: онъ и въ томъ даже виноватъ, что ослабѣвалъ въ числѣ слушателей. Обязанность наша — и здѣсь привести факты и показать ихъ въ истинномъ свѣтѣ; въ заключеніе, мы представимъ и свои соображенія.

Статья V и послѣдняя.

„Въ заключеніе, говорится въ статьѣ за подписью г. ректора, нельзя не сказать что, при прежнихъ представителяхъ, историко-филологическій факультетъ постепенно ослабѣвая въ числѣ преподавателей, еще болѣе ослабѣвалъ и въ числѣ слушателей...“

Здѣсь указано, во первыхъ, на постепенное уменьшеніе слушателей обвиняемаго факультета; во вторыхъ, на то, что это ослабленіе въ числѣ происходило *при преж-*

нихъ представителяхъ, а подъ ними, конечно, надо разумѣть *забаллотированныхъ профессоровъ*: слѣдовательно, виною такого неутѣшительнаго явленія—*они, забаллотированные профессора!* Такъ, очевидно, желаютъ думать обвиняющіе насъ, но не то выходитъ на дѣлѣ: не уменьшеніе, а колебаніе въ числѣ студентовъ историко-филологическаго факультета дѣйствительно происходило; оно особенно замѣтно при сравненіи съ тремя остальными факультетами. Мы представимъ всѣ данныя для того, чтобы общественное мнѣніе могло составить полное понятіе объ этомъ явленіи и объяснить его на основаніи этихъ данныхъ. Прежде всего приведемъ рядъ чиселъ въ продолженіи 30 лѣтъ [1]). Изъ этого ряда цифръ видно, что въ сороковыхъ годахъ, на историко-филологическомъ факультетѣ, наименьшее число слушателей было 41, наибольшее 88; въ пятидесятыхъ—наименьшее 33, наибольшее 95; въ шестидесятыхъ наименьшее число было 50, наибольшее 120. Нельзя стать на точку зрѣнія обвинителей, потому что можно дойти до самыхъ нелогическихъ заключеній: когда обвиняемые профессора были штатными преподавателями, число слушателей (въ шестидесятыхъ годахъ) годъ отъ году уменьшалось: 120, 104, 98, 74, 62, 50; когда-же *меньшинство* забаллотировало профессоровъ Деллена и Гогоцкаго, къ 50 студентамъ прибавилось 9 и кромѣ того 8 постороннихъ слушателей,—слѣдовательно, цифра поднялась до 67; но что всего страннѣе, когда факультетъ былъ уничтоженъ, т. е. когда въ немъ оставался *одинъ* представитель, исправляющій должность экстраординарнаго профессора Яроцкій, число студентовъ и постороннихъ слушателей возвысилось до 75! Какой-же выводъ?—Чѣмъ менѣе оставалось профессоровъ, тѣмъ болѣе возрастало

1) Въ $18^{41}/_{42}$ академическомъ году на историко-филологическомъ факультетѣ студентовъ было—41.

2) $18^{42}/_{43}$ (не нашелъ вѣдомости) $18^{43}/_{44}$—51. $18^{44}/_{45}$—53. $18^{45}/_{46}$—19. $18^{46}/_{47}$—65. $18^{47}/_{84}$—76, $18^{48}/_{49}$—88. $18^{49}/_{50}$—82. $18^{50}/_{51}$—66. $18^{51}/_{52}$—49. $18^{50}/_{53}$—33. $17^{53}/_{54}$—35. $18^{54}/_{55}$—40. $18^{55}/_{56}$—58. $18^{56}/_{57}$—72. $18^{57}/_{58}$—78. $18^{58}/_{59}$—95. $18^{59}/_{60}$—116. $18^{60}/_{61}$—120. $18^{61}/_{62}$—104. $18^{62}/_{63}$—98. $18^{63}/_{64}$—74. $18^{64}/_{65}$—62. $18^{65}/_{66}$—50. $18^{66}/_{67}$—50. $18^{67}/_{68}$—67. $18^{68}/_{69}$—75 (въ послѣдніе два года съ посторонними, слушателями, которыхъ было 8).

число слушателей; а когда остался *одинъ только* профессоръ, слушателей стало еще больше! Ужъ не для того ли молодые люди въ большемъ числѣ поступали *тогда* на нашъ факультетъ, чтобы менѣе слушать лекцій? Или потому изъ 50 ихъ оказалось 67, и потомъ 75, что *они могли не слушать прежнихъ представителей*? И справедливѣе, и благороднѣе было-бы, не обвиняя напрасно *прежнихъ представителей*, указать на дѣйствительную причину но истинѣ *замѣчательнаго увеличенія въ числѣ слушателей именно въ то время, когда факультетъ уже не существовалъ ни юридически, ни фактически.*— Слушателей *на уничтоженномъ факультетѣ* оказалось *тогда* больше, во первыхъ, потому, что въ то самое время министерство, для привлеченія молодыхъ людей къ педагогической дѣятельности, назначило стипендіи, начиная *съ перваго курса*, въ размѣрѣ 300 р. въ годъ. Способные молодые люди, а тѣмъ болѣе бѣдные, съ радостію устремились на нашъ факультетъ, при одной мысли, что на трудномъ педагогическомъ пути, они могутъ безпрепятственно предаться своему дѣлу, не только не заботясь цѣлые четыре года о насущномъ хлѣбѣ, но и позволяя себѣ расчитывать на студенческую роскошь, на книги и на все, что способствуетъ умственному и эстетическому образованію юной души. Слушателей на уничтоженномъ факультетѣ оказалось болѣе, во вторыхъ, потому, что въ тоже самое время, на историко-филологическомъ факультетѣ положено имѣть *трехъ* профессорскихъ стипендіатовъ, вмѣсто прежнихъ *двухъ*, а стипендіи отъ прежнихъ 400 р. возвысились до 600 р. въ годъ на каждаго. Уменьшеніе-же происходило оттого, что молодые люди слышали о разнообразныхъ реформахъ, потомъ увидѣли ихъ на самомъ дѣлѣ и считали для себя менѣе выгоднымъ поступать на историко-филологическій факультетъ; этого мало: и по окончаніи курса, они нерѣдко предпочитали мѣста мировыхъ посредниковъ званію учителей гимназій. Уменьшалось число слушателей и потому еще что для полученія степени кандидата, изъ греческаго языка требовалась уже отмѣтка *удовлетворительно* (3), тогда какъ прежде и *еди-*

ница не мѣшала полученію означенной ученой степени. Наконецъ, уменьшалось число слушателей и оттого, что не былъ поднятъ вопросъ объ улучшеніи быта преподавателей гимназій: новый уставъ недавно вошелъ въ силу, и притомъ, если не ошибаемся, еще не во всѣхъ гимназіяхъ кіевскаго учебнаго округа. Было время, когда фактъ колебанія въ относительномъ числѣ студентовъ университета св. Владиміра, а по этому и временное уменьшеніе ихъ на нашемъ факультетѣ, объясняли причинами болѣе естественными, не прибѣгая къ напраснымъ обвиненіямъ:

„Увеличеніе цифры учащихся *на физико-математическомъ факультетѣ*, кромѣ успѣховъ, сдѣланныхъ естествознаніемъ въ Россіи, объясняется также запросомъ на лицъ, знакомыхъ съ техническими науками, а также и тѣмъ, что студентамъ, окончившимъ курсъ, представилась возможность довершить свое образованіе въ лѣсномъ институтѣ, и затѣмъ получить обезпеченное положеніе на службѣ“.

„Причина (увеличенія числа слушателей-юристовъ) заключается въ открытіи мѣстъ судебныхъ слѣдователей, въ значеніи, которое получило юридическое образованіе, послѣ освобожденія крестьянъ, и въ ожиданіи преобразованія судопроизводства и судоустройства“.

„Практическія цѣли, которыя скорѣе всего достигаются на медицинскомъ факультетѣ, имѣли неоспоримое вліяніе на увеличеніе числа студентовъ-медиковъ. Въ ту пору, когда общее число студентовъ уменьшалось, число медиковъ росло [1]).“ Теперь общественное мнѣніе можетъ звѣсить всѣ причины, какъ собственно нами приведенныя, такъ и заимствованныя изъ *прежняго, безпристрастнаго объясненія* (колебанія въ числѣ студентовъ); пусть-же общественное мнѣніе и рѣшитъ, какая доля правды и какой нравственный смыслъ въ словахъ: „факультетъ, *при прежнихъ представителяхъ*, ослабѣвалъ въ числѣ слущателей“ — Съ своей стороны, мы не признаемъ справедливымъ ни одного изъ обвиненій, взведенныхъ на историко-филологическій факультетъ, и смѣемъ утверждать, что:

---

1) Университетскія Извѣстія 1861 года, № 3, стр. 23.

1) Энергическая оппозиція вышла изъ среды историко-филологическаго факультета *не противъ приглашенія профессоровъ, а противъ нарушенія устава.*

2) Совѣтъ въ дѣлѣ приглашенія г. Троицкаго встрѣтилъ *не отпоръ* изъ среды факультета, и даже не протестъ, а молчаніе противъ посягательства совѣта на право факультета, уставомъ ему дарованное; во вторыхъ, протестъ противъ нарушенія совѣтомъ своихъ собственныхъ постановленій и, въ третьихъ, протестъ противъ несправедливости совѣта ко всѣмъ тремъ конкуррентамъ, къ докторамъ философіи Гогоцкому и Троицкому и къ магистру Скворцову.

3) Обвиняющіе насъ говорятъ: „бывшіе члены историко-филологическаго факультета *своимъ бездѣйствіемъ* способствовали разрушенію своего факультета". *Неправда.* Мы употребляли всѣ усилія, чтобы спасти факультетъ отъ уничтоженія. Противъ замѣчанія вставленнаго въ укоризну факультету, о томъ, что каѳедра русской исторіи 10 лѣтъ оставалась вакатною, мы привели неопровержимые факты: съ конца 1859 г., инниціатива въ дѣлѣ замѣщенія этой каѳедры шла отъ факультета и непрерывно продолжалась до конца 1868 .: факультетъ два раза приглашалъ г. Иловайскаго, два раза г. Костомарова, два раза г. Кояловича, одинъ разъ г. Пекарскаго, одинъ разъ г. Добрякова, одинъ разъ г. Лашнюкова, и въ последній разъ послѣ избранія въ факультетъ магистровъ Иконникова и Лашнюкова, деканъ Селинъ снова обращался къ г. Костомарову; кромѣ того, и по другимъ каѳедрамъ, тотъже деканъ обращался къ профессорамъ Московскаго университета. къ Буслаеву, Соловьеву и Бодянскому, къ профессору С.-Петербургскаго университета Куторгѣ и Харьковскаго университета Деллену, съ единственною цѣлью пополнить факультетъ людьми достойными. Всѣ эти начинанія, усилія и мѣры факультета, въ статьѣ за подписью г. ректора, отняты у факультета и несправедливо присвоены совѣту, и, мало того, энергическая дѣятельность бывшихъ членовъ въ дѣлѣ спасенія своего факультета отъ уничтоженія обращена въ вину членамъ, какъ бездѣйствіе ихъ, какъ упущеніе по службѣ!

4) Обвинители наши говорятъ: „ни одинъ изъ нихъ (изъ насъ) не нашелъ возможнымъ указать себѣ преемника“ и указываютъ при этомъ на долговременную службу. *Неправда.* Изъ историко филологическаго факультета въ 30 лѣтъ вышло 14 профессоровъ и преподавателей, не считая учителей гимназій, которые подвизаются на педагогическомъ поприщѣ во многихъ учебныхъ округахъ имперіи.

5) „Ни одинъ изъ нихъ, говорятъ обвиняющіе насъ, не рекомендовалъ по своей каѳедрѣ ни одного изъ бывшихъ учениковъ въ стипендіаты“. *Неправда.* Рекомендованы были стипендіаты: 1) Владимирскій-Будановъ, 2) Давидовичъ, 3) Чеховичъ, 4) Лавренко, 5) Лучицкій, 6) Делярю, 7) Васильевъ.

6) „Ни одинъ изъ нихъ не рекомендовалъ ни одного ученика къ посылкѣ заграницу“. *Неправда.* Въ 1864 г. октября 6, факультетъ разомъ представилъ *шестерыхъ*: Владиміра Нейкирха, Кустовскаго, Цвѣтковскаго, Ничипоренка, Владимірскаго-Буданова, Комара, и послѣ седьмаго—Драгоманова. Кромѣ того, самъ совѣтъ, *по представленію факультета,* ходатайствовалъ объ отправленіи Лавренка, а г. попечитель, съ разрѣшенія г. министра, отправилъ за-границу кандидатовъ историко-филологическаго факультета: Пигулевскаго, Копылова; Степановича, Ростовцева, Иванова, Кустовскаго. Прошу не забыть и другихъ отличныхъ учениковъ заслуженнаго профессора Деллена: Звонникова, Кустова, Шульженка; кромѣ того, вполнѣ достойныхъ молодыхъ ученыхъ, учителей словесности: Житецкаго, Андріевскаго Митрофана, Давидовича, Воскресенскаго, Русова.

Послѣднее обвиненіе: „факультетъ. *при прежнихъ представителяхъ,* ослабѣвалъ въ числѣ слушателей“ подробно разобрано въ настоящей статьѣ.

Наконецъ, обвиняющіе насъ говорятъ: „совѣтъ можетъ спасти факультетъ отъ уничтоженія привлеченіемъ свѣжихъ силъ“. *Меньшинство совѣта уничтожило факультетъ,* это—правда; но спасло факультетъ министерство, призвавши снова на добросовѣстное служеніе и прежнихъ профессоровъ, и *новую силу,* г. Бильбасова.

Историко-филологическій факультетъ употреблялъ и будетъ употреблять всѣ мѣры и усилія для замѣщенія вакантныхъ каѳедръ; мы, съ своей стороны, вѣримъ въ торжество праваго дѣла историко-филологическаго факультета университета св. Владиміра; вѣримъ, что большинство гг. профессоровъ, при троекратномъ баллотированіи, къ чести своей, стоявшее выше личныхъ отношеній, вѣримъ, что почтенное большинство профессоровъ признаетъ правоту нашего дѣла и не допуститъ меньшинство посягать и на ту небольшую долю автономіи, которая дарована факультетамъ уставомъ.

Мы старались представить не голословныя показанія, а дѣйствительные факты и утвердить ихъ на прочномъ основаніи документовъ, съ цѣлью опровергнуть крайне несправедливыя обвиненія, взведенныя на историко-филологическій факультетъ университета св. Владиміра. Выступить на защиту праваго дѣла мы вмѣнили себѣ за честь и, скажемъ болѣе, за нравственный долгъ передъ своею совѣстью, передъ факультетомъ, передъ большинствомъ членовъ совѣта, передъ министерствомъ и передъ общественнымъ мнѣніемъ.

Профессоръ Селинъ.

IV.

ЯГАЙЛО

историческій романъ.

Въ 4-хъ частяхъ.

*(Продолженіе *).*

ЧАСТЬ 3-ая.

ГЛАВА 9-ая.

Ягайло въ Витебскѣ.

Въ Витебскѣ, на берегу рѣки Двины, при впаденіи въ нее рѣчки Видьбы, находился великокняжескій укрѣпленный замокъ. Онъ былъ обнесенъ земляныхъ валомъ 1) и окопанъ глубокими рвами. Этотъ замокъ, вмѣстѣ съ витебскимъ княжествомъ, достался въ удѣлъ Ольгерду послѣ смерти в. князя Ярослава,—отца Маріи Ярославны,—бывшей первой жены Ольгерда.

Въ этотъ то замокъ и переселился нашъ изгнанникъ, вмѣстѣ съ матерью своею—Іуліаніею Александровною и сестрою Маріей.

Первое время своего изгнанія герой нашъ не очень сокрушался и не томился перемѣною жизни. Но впослѣдствіи ужасная тоска завладѣла имъ. Мать и сестра, старались его утѣшать, причемъ проклинали князя Кейстута и требовали мщенія виновнику ихъ несчастія.

---

*) См. книж. 8.

1) Слѣды котораго замѣтны и въ настоящее время позади Замковой улицы. Авт.

— Милый сынъ мой! Дорогой ты князь мой! Тебя посрамилъ нашъ ворогъ Кейстутъ, отнялъ у тебя твое родное гнѣздышко; —какъ хищный ястребъ у горлицы.... Не дай же ты себя въ обиду, не клади пятна на родъ свой. Вырви изъ когтей этого ястреба родную Вильну и отомсти за позоръ свой, говорила своему сыну Іуліанія Александровна.

— Отомсти и за позорную смерть моего мужа, боярина Войдыйллы. Будь проклятъ язычникъ Кейстутъ! Отъ родства его я отреклась.... Повѣсь ты его на томъ же самомъ деревѣ, на которомъ онъ удавилъ моего любезнаго мужа, говорила Марія Ольгердовна.

Сначала Ягайло молчалъ на эти подстрекательства, но потомъ отвѣчалъ тѣмъ, что у него нѣтъ достаточнаго числа войска, чтобы одолѣть дружину Кейстута.

— Собери рать съ двухъ княжествъ, съ Кревскаго и Витебскаго. Пусть младъ и старъ ополчится на врага,—говорила съ запальчивостію Марія Ольгердовна.

— Узнаетъ Кейстутъ объ этихъ сборахъ, такъ и этихъ то удѣловъ меня лишитъ. Придется убѣжать тогда въ чужое княжество, чтобы миновать его опалы страшныя и смерти лютыя... отвѣчалъ Ягайло.

— Да какъ онъ узнаетъ? Въ твоей дружинѣ все русины; твои холопы все вѣрные слуги; соберутъ рать скоро....

— Ну нѣтъ, Марья, не говори этого; перебила ее Іуліанія Александровна,— языковъ лихихъ много вездѣ, перенесутъ сейчасъ. Это дѣло нужно дѣлать подумавши да обождавши.... Я скажу когда начинать нужно....

— Хорошо, матушка княгиня, я тебя слушаться буду; какъ хочешь, такъ и дѣлай,—говорилъ Ягайло.

— А тебѣ, сынъ мой милый, теперь остерегаться нужно злыхъ людей. Дядя твой Кейстутъ дѣлаетъ къ тебѣ подсылы, чтобы извести тебя зельемъ лютымъ и послѣ смерти твоей навсегда вокняжить на литовско-русскомъ престолѣ сына своего Витовта..... Бойся ты отравы и братьевъ своихъ Андрея и Димитрія: они тоже ищутъ твоей смерти, твердила часто в. княгиня Іюліанія Александровна.

— Ищутъ да не найдутъ, злобно отвѣчалъ Ягайло.

— Дай то Господи! чтобы не нашли.... Я сама каждый день

молю Бога объ избавленіи тебя отъ происковъ враговъ,... замѣчала Іуліанія Александровна.

Подобные разговоры повторялись часто. Не проходило дня, въ который бы Іуліянія Александровна и Марья Ольгердовна не говорили Ягайлѣ о мщеніи Кейстуту.

Въ концѣ концовъ сердце Ягайлы переполнилось злобою противъ дяди, онъ началъ помышлять о возвращеніи своемъ въ Вильну. Кейстута онъ боялся и вмѣстѣ съ тѣмъ ненавидѣлъ. Совѣты матери и сестры—остерегаться злыхъ людей не прошли безслѣдно. Ягайло началъ бояться всего и во всякомъ человѣкѣ видѣлъ шпіона Кейстута. Вездѣ и во всемъ ему мерещилась отрава. Онъ ѣлъ и пилъ только то, что отвѣдывала прежде его мать княгиня Іуліанія. Отъ предлагаемыхъ другими лакомствъ онъ не только что отказывался, но даже смотрѣлъ на нихъ съ отвращеніемъ. За то ѣлъ много тамъ, гдѣ его не ждали.

Характеръ его дѣлался съ каждымъ днемъ мрачнѣе и мрачнѣе. Снова онъ испыталъ продолжительную разлуку съ Поятой и снова узналъ, какъ дорога она ему. Онъ скучалъ, плакалъ, томился по ней. Безъ нея онъ чувствовалъ себя одинокимъ. «Гдѣ то она, моя милая, что съ ней случилось послѣ того, какъ разстались мы у подземнаго выхода?» зачастую думалъ Ягайло.

Не было также при немъ и двухъ его любимцевъ: Войдыллы и Лисицы. Первый умеръ, а второй пропалъ безъ вѣсти съ той самой роковой ночи, въ которую Кейстутъ завладѣлъ хитростью Вильною. Ихъ также онъ часто вспоминалъ и, молча, грустилъ по нихъ. Прошлое его было полно пріятными воспоминаніями настоящее же безотрадно. Будущее для него казалось тревожнымъ, и вотъ онъ уносился воспоминаніями въ прошедшее.

— Часто онъ выходилъ на берегъ Двины, думать думушку крѣпкую, повѣдать волнамъ свою печаль—тоску. Слезы съ его рѣсницъ падали въ рѣку, а рыданія разносились по лѣсамъ и полямъ буйнымъ вѣтромъ. Никто слезъ его не видалъ, никто жалобъ и воплей его не слыхалъ. Прогулки эти по берегу Двины онъ совершалъ одинъ въ сопровожденіи только дружинника, наблюдавшаго за нимъ издали.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ, Ягайло усѣлся на большомъ береговомъ камнѣ, при впаденіи рѣчки Видьбы въ Двину и весь отдался воспоминаніямъ о прошломъ. Долго онъ понуривъ голову, безъ всякаго движенія, сидѣлъ какъ прикованный къ камню; казалось, что онъ самъ превратился въ камень. Но вотъ позади его что то зашумѣло, онъ нервно вздрагиваетъ и, оборотившись назадъ, испускаетъ крикъ ужаса.

Предъ нимъ стояла сгорбленная старуха, упираясь на палицу. Лице ея было изборождено морщинами, глаза свѣтились какимъ то зловѣщимъ огнемъ и были окаймлены сѣдыми пустыми бровями, изъ-подъ головной повязки торчали такіе же волосы. По полуоткрытымъ губамъ скользнула демонская улыбка.

— Кто ты?... Что тебѣ отъ меня нужно? закричалъ Ягайло, трясясь всѣмъ тѣломъ и дѣлая крестное знамя.

— Не кричи, князь Яковъ, и не бойся меня.... Я принесла тебѣ вѣсточку добрую, отвѣчала старуха завизгивающимъ тономъ и, озираясь кругомъ.

— Откуда, откуда? громко спрашивалъ Ягайло, бросая тревожный взглядъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ его проводникъ; но послѣдній, раскинувшись навзничь, крѣпко спалъ. Ягайло въ ужасѣ смотритъ кругомъ и не видитъ души человѣческой: онъ одинъ на берегу глубокой и быстрой рѣки, съ странною старухой. Онъ порывается кричать но голосъ ему измѣняетъ, волоса становятся дыбомъ; мысленно онъ читаетъ молитву.

— Не бойся меня, добрый князь; я тебѣ ничего худаго не сдѣлаю, я пришла тебя спасти, продолжала таинственная старуха.

— Отъ чего спасти? спросилъ Ягайло.

— Отъ позора.... и униженія....

— Но кто ты?....

— Я трокская колдунья, изъ Мертваго оврага....

— Колдунья?!?....

— Да, я колдунья.... Мнѣ повинуются люди, звѣри, рыбы, вѣтры, моря, земля, лѣса, огонь и все....

— Что-жъ тебѣ отъ меня надобно?....

— Я пришла спасти тебя... я послана Поятой...

— Поятой?!.... Откуда?

— Изъ Вильны...

— Что она жива,—здорова?

— Хвала богамъ, жива и здорова; только томится по тебѣ день.... Но слушай, князь, время терять даромъ нечего. Вотъ нѣсколько дней, какъ я прибыла въ Вильну и нѣсколько разъ напрасно ловила тотъ часъ, въ который ты одинъ гуляешь здѣсь по берегу.... Этотъ часъ насталъ, твой проводникъ крѣпко спитъ, я усыпила его душистымъ сонникомъ; но онъ скоро проснется, и до этого мы съ тобой, князь, должны кончить разговоръ: пусть наше свиданіе и то, что я тебѣ, князь, скажу останется тайною для всѣхъ, иначе погубишь ты себя.....

— Говори, я слушаю....

— Твой врагъ дядя Кейстутъ, ушелъ съ войскомъ усмирять взбунтовавшагося Корибута Ольгердовича князя Сѣверскаго; въ Вильнѣ остался только тіунъ съ горстью латниковъ, а Витовтъ въ Трокахъ тоже безъ дружины, сказала колдунья полушопотомъ, пронизывая насквозь Ягайлу своими глазами и присѣдая.

— Я знаю, промычалъ Ягайло.

— А если знаешь, то зачѣмъ медлишь? спросила старуха, выпрямляясь во весь ростъ.

Ягайло тоскливо посмотрѣлъ на нее и ничего не отвѣтилъ ей.

— Что же, князь Яковъ,—соколъ ты нашъ ясный: неужели ты не хочешь снова сидѣть на дѣдовскомъ престолѣ?... Неужели ты будешь малодушенъ какъ баба и не завладѣешь теперь Вильною? подстрекала колдунья.

— Какъ не хочу?!.... хочу.... отвѣтилъ Ягайло.

— Такъ за чѣмъ же дѣло-то стало?....

— А съ чѣмъ я пойду? Гдѣ у меня рать?.... Нужно ее собирать по всему княжеству, а пока соберешь, дядя Кейстутъ узнаетъ о моихъ сборахъ и.... Но Ягайло, не договоривъ, махнулъ рукою въ знакъ безнадежности.

— Не нужно никакихъ сборовъ. Завтра съ зарею садись на коня, бери свою дружину, которая у тебя есть на лицо здѣсь въ Витебскѣ, и отправляйся въ Крево.... Распусти слухъ что ѣдешь на охоту. А когда пріѣдешь въ Крево, то жди меня, и я скажу тебѣ, какъ овладѣть Вильною.... Будь только ночь потемнѣе, да самъ князь посмѣлѣе, и Вильну ты возьмешь.... Горожане ждутъ тебя—не дождутся и сами помогутъ тебѣ, говорила колдунья.

— А какъ же язычники?.... Они меня не любятъ, а Кейстуту чуть не молятся,—замѣтилъ Ягайло.

— Вся сила въ криве-кривейтѣ, а Лиздейко самъ радъ видѣть тебя на Литовско-русскомъ престолѣ....

— Давно ли?....

— Съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что Поята его дочь....

— Поята его дочь?! вскрикнулъ Ягайло.

— Да, она теперь живетъ у него въ Ромновэ и ждетъ тебя... Князь Яковъ! Я возведу тебя на дѣдовскій престолъ, но только за это ты долженъ дать мнѣ клятву, что когда снова вокняжишься въ Вильнѣ, когда красная мантія Миндовга будетъ снова на плечахъ твоихъ, то не будешь тѣснить язычниковъ и сдѣлаешь своего сына царедворцемъ....

— Сына? Какого?....

— У тебя одинъ сынъ.... Ужели ты забылъ несчастную Ригальду?.... съ упрекомъ спросила колдунья.

— Ригальду? Да помню,—покраснѣвъ, сказалъ Ягайло.

— Ты погубилъ ее, она утопилась черезъ тебя....

— Но какъ ты знаешь?

— Я знаю все.... я колдунья.... я та самая колдунья, которая пріютила твоего сына, вскормила его, вынянчила и отдала въ храмъ Мильды. Успокой же кости Ригальды, усынови свой плодъ.... клянись мнѣ въ этомъ.

— Клянусь Господомъ Іисусомъ Христомъ, что я усыновлю его и буду любить больше всего на свѣтѣ, поспѣшно сказалъ Ягайло.

— Клянись, что не будешь тѣснить язычниковъ и дашь волю Лиздейкѣ во всемъ....

— Клянусь, клянусь....

Колдунья подошла къ водѣ и начала что то нашептывать.

— Черезъ мѣсяцъ, ты завладѣешь Вильною, сказала колдунья: я сейчасъ гадала на водѣ.

«Не узнаетъ ли она гдѣ находится витязь Лисица» подумалъ Ягайло и спросилъ: поколдуй ты на водѣ и узнай, гдѣ находится мой любимый витязь Лисица? Живъ онъ или умеръ?

Колдунья снова повела бесѣду съ волнами рѣки Двины, и пускала на вѣтеръ какія то заклинанія.

— Твой витязь Лисица, сидитъ въ цѣпяхъ въ подземелы

виленскаго замка.... Князь Кейстутъ на него гнѣвается и его на волю не выпускаетъ.... Но придешь ты въ Вильну, завладѣешь замкомъ, и твой слуга будетъ снова съ тобой,—сказала протяжно колдунья.

— Я озолочу тебя, колдунья, если предсказанья твои сбудутся, радостно и привѣтливо сказалъ Ягайло.

— Все сбудется: будешь ты снова въ Вильнѣ великимъ княземъ надъ всѣмъ литовско-русскомъ царствомъ, будетъ съ тобою твоя милая Поята; зардѣешь ты, какъ маковъ цвѣтъ; пропадетъ съ твоего княжескаго лица печаль—тоска; будешь ты здоровъ и радостенъ; прогремитъ слава о тебѣ по всей землѣ. Сказавъ это, старуха низко поклонилась; прощай, князь Яковъ, мнѣ пора, добавила она.

— Куда?

— Въ путь....

— Зайди въ замокъ нашъ; я прикажу накормить тебя....

— Я сыта, и въ замокъ не пойду: разговоры пойдутъ, да распросы, а мнѣ нѣкогда....

— Мы тебя обгонимъ до Крева.... ты, чаю пѣшая, а пѣшій конному не товарищъ. Какъ же ты раньше меня успѣешь въ Кревѣ быть?

— Для меня невозможнаго нѣтъ.... я знаю много заклинаній, знаю травы и коренья волшебныя.... Захочу, такъ и въ птицу обернусь, соколомъ полечу. Прощай же, князь, до встрѣчи въ Кревскомъ замкѣ. Иди въ походъ и не робѣй. Колдунья снова поклонилась и пошла по берегу.

Долго молчалъ Ягайло и смотрѣлъ на удаляющуюся колдунью, потомъ запрыгалъ, какъ маленькій ребенокъ, и бѣгомъ бросился по направленію къ замку, забывъ даже разбудить своего провожатаго.

— Матушка—княгиня! попроси отца архимандрита служить молебенъ: я завтра въ путь, сказалъ Ягайло своей матери.

— Куда? съ изумленіемъ спросила княгиня Іуліанія.

— Въ Крево.... а потомъ въ Троки, и выгоню вонъ отъ туда Витовта и завладѣю Вильною.... Кейстута тамъ нѣтъ, а жители мнѣ помогутъ, отвѣчалъ Ягайло шопотомъ.

— Благослови тебя Господь на это праведное дѣло. Позоръ свой нужно смыть.... сказала Іуліанія Александровна, заключивъ сына въ объятія.

— Давно пора, замѣтила радостно Марія Ольгердовна;— милый братъ мой; съ тобой поѣду и я.

— А я буду молиться за счастливый успѣхъ, сказала княгиня Іуліанія Александровна, цѣлуя своего любезнаго сына; но дружина твоя мала, нужно тебѣ просить помощи у тевтонскихъ рыцарей: посылай сейчасъ къ нимъ гонца, съ челобитной....

— Не знаю кого послать? Челобитную нельзя писать; можетъ нашъ гонецъ быть пойманнымъ Витовтомъ, и тогда все дѣло будетъ испорчено. Нужно хорошенько подумать, кого послать... Полагаться на всякаго нельзя....

— Постой, милый братъ, я знаю кому поручить это дѣло и кто съ успѣхомъ исполнитъ его. Подожди здѣсь, сейчасъ я его приведу къ тебѣ. Сказавъ это, Марія Ольгердовна поспѣшно вышла вонъ.

Придя къ себѣ въ теремъ, она позвала свою мамку и приказала ей немедленно привести въ садъ, на берегъ Видьбы, въ чащу орѣшника, нѣмца Бильгена.

Нѣмецъ Бильгенъ былъ нѣсколько лѣтъ дружинникомъ покойнаго Ольгерда, а потомъ перешелъ къ Ягайлѣ и за нимъ послѣдовалъ въ Витебскъ. При дворѣ онъ пользовался большимъ уваженьемъ и любовью всей княжеской фамиліи. Не долюбливали его только товарищи за его высокомѣріе и чванство; но онъ и не заискивалъ расположенія. Себя онъ, какъ истый нѣмецъ, считалъ выше ихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Дѣйствительно, въ немъ было много хорошихъ качествъ, какъ физическихъ такъ и моральныхъ. Красивое лице его вѣнчало высокій и прекрасно-сложенный станъ. Голосъ у него былъ пріятный и звучный. На войнѣ онъ былъ первымъ бойцемъ, въ княжеской гриднѣ веселымъ собесѣдникомъ. Характеръ его былъ открытый и прямой. Какъ гордъ онъ былъ съ товарищами, такъ напротивъ снисходителенъ и милостивъ былъ со своими холопьями и вообще съ тѣми, кого считалъ ниже себя.

— Одна его слабость была—это женщины. Безъ труда онъ одерживалъ въ этомъ случаѣ побѣды и неостанавливался ни на одной.

Въ Витебскѣ онъ смѣло началъ искать ласкъ у вдовы Маріи Ольгердовны; но всѣ попытки къ сближенію съ ней оказались напрасными. Онъ прикинулся страстно влюбленнымъ, но

Марія Ольгердовна дѣлала видъ, что не замѣчаетъ этого. Она не могла еще забыть своего Войдылу.

Наконецъ онъ нашелъ случай прямо высказаться передъ нею, но Марія Ольгердовна отвѣчала уклончиво.

— И вотъ теперь она сама зоветъ его въ садъ, въ чащу орѣшника.

Бильгенъ не заставилъ себя долго ждать, онъ положительно прилетѣлъ къ назначенному мѣсту на крыльяхъ нетерпѣнія.

— Грудь его высоко вздымалась, а уста шептали: „побѣда, побѣда"! Увидя Марію Ольгердовну, онъ хотѣлъ было схватить ее въ свои объятія, но посмотрѣвъ на лице ея, отказался отъ такого дерзкаго желанія.

— Строгое выраженіе лица книгини охладило необдуманный порывъ его.

— Бильгенъ! Вижу, что по сердцу тебѣ пришлась я, и ты мнѣ любъ, скажу тебѣ безъ лукавства; но знай: пока ты не приведешь твоихъ единоплеменныхъ рыцарей брату Якову на помощь и не возстановишь его на велико-княжескомъ престолѣ, милымъ тебя не назову; а поможешь брату завладѣть великимъ княженіемъ и отомстить моему лютому врагу Кейстуту, буду на вѣки твоя. До тѣхъ же поръ не смѣй и смотрѣть на меня. Теперь иди къ брату Якову, онъ ждетъ тебя и скажетъ, что нужно. Помни мои слова и прощай.

— Сказавъ это, Марія Ольгердовна скрылась въ густыхъ кустахъ орѣшника.

— На все, на все согласенъ я, книгиня; только позволь поцѣловать тебя хоть одинъ разъ, умоляющимъ голосомъ произнесъ Бильгенъ въ слѣдъ уходящей Маріи Ольгердовны.

Отвѣта не послѣдовало; Вильгенъ поспѣшилъ къ Ягайлѣ.

Странное дѣло! что Бильгену нравилось въ пожилой, некрасивой книгинѣ? Мы неошибемся, если отвѣтимъ: нравилось ему ея княжеская обстановка....

— Въ этотъ же день, Бильгенъ въ сопровожденіи своихъ слугъ выѣхалъ изъ Витебска, съ порученіемъ къ великому магистру тевтонскаго ордена.

ГЛАВА 10-ая.

Ягайло снова въ Вильнѣ.

Рыцари на зовъ Ягайлы явились съ удовольствіемъ: они радовались всякой неурядицѣ въ литовско-русскомъ княжествѣ. Имъ выгодно было въ мутной водѣ ловить рыбу. Не даромъ литовцы и русскіе прозвали рыцарей бѣлыми ястребами и гадкой собакою изъ рижской псарни.

Изъ соединенныхъ дружинъ рыцарской и Ягайлы составилась многочисленная рать.

— Ну, вотъ, княгиня, я привелъ твоему брату нѣмцевъ, исполни же и ты свое слово, сказалъ на единѣ Бильгенъ Маріи Ольгердовнѣ, вскорѣ по прибытіи въ кревскій замокъ.

— Докончи начатое и потомъ требуй отъ меня обѣщаннаго, отвѣчала ему Марія Ольгердовна.

— Докончу, докончу.... Сегодня ночью мы будемъ въ Вильнѣ и завтра возведемъ на великокняжескій престолъ князя Якова.... Только дозволь поцѣловать тебя, дай обнять тебя, моя ненаглядная, шепталъ Бильгенъ.

— Завтра, завтра, когда вокняжится мой братъ Яковъ, отвѣчала Марія Ольгердовна.

— Только одинъ—одинъ поцѣлуй....

— Завтра, завтра....

— Пожалѣй меня....

— Не теряй времени, спѣши къ брату Якову, онъ ждетъ тебя.... Тамъ съ нимъ какая то старуха.... Пошли ее ко мнѣ....

— Зачѣмъ тебѣ она?

— Узнаешь завтра; ступай же!....

— Иду, иду.... О! какъ желалъ бы я, чтобы это завтра наступило скорѣй!....

— Подожди, что же дѣлать! высокаго неба не достанешь, твердой земли не пробьешь.

— Такъ до завтра, княгиня?

— До завтра, Бильгенъ....

— Прощай, сказалъ дружинникъ, и поспѣшно выбѣжалъ вонъ.

Въ эту же ночь рыцари подступили къ трокскимъ замкамъ, а Ягайло со своей дружиной окружилъ Вильну.

Приближаясь къ Мѣдницкимъ воротамъ, Ягайло снялъ шлемъ

со своей головы и долго молился на образъ корсунской Божіей Матери, которая помѣщалась надъ этими воротами, освѣщаемая лампадою. Его примѣру слѣдовали всѣ бояре и всѣ почти ратники. Только нѣмецъ Бильгенъ не принималъ въ молитвѣ никакого участія и шептался со старухою колдуньей, изъ Мертваго оврага....

— Пора, соколикъ, голосъ подать, сказала колдунья Ягайлѣ.

— Начинай, отвѣчалъ Ягайло, надѣвая свой шлемъ.

Старуха подошла къ воротамъ и затянула какую то пѣсню. Едва только она кончила первый припѣвъ, какъ ворота съ шумомъ отворились и воздухъ огласился громовымъ: многія лѣта нашему князю Якову!

То кричала многочисленная толпа виленскихъ горожанъ, собравшихся встрѣтить своего любезнаго князя Ягайлу.

Въ одно мгновеніе, вся улица, ведущая отъ Мѣдницкихъ воротъ до Троицкаго монастыря, гдѣ былъ русскій гостинный дворъ, освѣтилась нѣсколькими десятками головней и на всѣхъ колокольняхъ начали торжественно трезвонить.

— Видно было, что встрѣча эта была подготовлена.

Съ страшнымъ шумомъ ворвалась въ ворота дружина Ягайлы и бросилась къ замкамъ.

— Къ ней присоединились горожане и къ разсвѣту дня оба замка—нижній и верхній были въ рукахъ нашего героя. Когда солнце показалось изъ за горизонта, народъ кричалъ: «восходитъ наше солнце красное, вокняжился нашъ соколъ ясный. Слава ему на многи лѣта!» Городъ ликовалъ.

— Только небольшая партія Кейстута не принимала участія въ общей радости, но она, по малочисленности своей, была не замѣтна.

По взятіи замковъ Ягайломъ, онъ отслужилъ благодарственный молебенъ и формально, передъ всѣмъ народомъ, запрудившимъ собою площади Криваго града, объявилъ себя великимъ княземъ; народъ продолжалъ привѣтствовать князя.

Послѣ этого Ягайло, отправивъ гонца въ Троки къ рыцарямъ съ извѣстіемъ о взятіи Вильны, приказалъ открыть всѣ подземелья виленскихъ замковъ и освободить всѣхъ узниковъ, а витязя Лисицу сейчасъ же привести къ нему.

— Чрезъ нѣсколько времени, передъ Ягайломъ явился витязь Лисица.

— Продолжительное заключеніе оставило на немъ свои слѣды: онъ исхудалъ и едва держался на ногахъ. Лице его напоминало скорѣй мертвеца, чѣмъ живаго человѣка.

— Лисица!? Ты ли это? спросилъ его Ягайло.

— Я, отвѣчалъ разбитымъ голосомъ Лисица.

— Что ты—изъ гроба, что ли, вырвался?

— Изъ живой могилы, иронически отвѣчалъ витязь, хватаясь за скамейку, чтобы не упасть отъ слабости.

— На твоей головѣ я вижу сѣдыя волосы!....

— Что мудренаго.... вынесъ-то я много всего: холода, голода и побоевъ.... руки мои и ноги были закованы въ колодки.... теперь я чувствую во всемъ моемъ тѣлѣ ужасную боль.... Княже! позволь мнѣ сѣсть, спросилъ Лисица.

— Садись и успокойся.... Не хочешь ли ты ѣсть?

— Пить хочу.... скорѣй! въ груди горитъ что то...

Ягайло приказалъ подать ему меду.

— За что же тебя дядя Кейстутъ заключилъ въ подземелье и томилъ въ цѣпяхъ? спросилъ Ягайло.

— За то, что я былъ другъ покойнаго Войдыллы, за то что вмѣстѣ съ нимъ наругались надъ войделотомъ Друальдомъ... Помнишь, князь, когда мы съ Войдылломъ ѣздили за Понтой въ Полангенъ? Ну вотъ дорогою мы вздумали освободиться отъ него и, привязавъ его къ столбу, на развалинахъ Пилоны, предали его голодной смерти.... Но его нашелъ Кейстутъ, узналъ, какъ обманули мы командира его именемъ, и вотъ онъ посадилъ меня туда же, гдѣ нѣкогда томился Друальдъ.... говорилъ Лисица:

Ему подали меду, онъ выпилъ его съ особенною поспѣшностью.

— Какъ сладокъ медъ!.... Какъ хорошо свѣтитъ солнце красное!.... Давно я не видалъ уже свѣта Божьяго.... продолжалъ витязь—Лисица, смотря въ окно.

— Гдѣ теперь Кейстутъ? спросилъ онъ же.

— Ягайло отвѣтилъ и разсказалъ ему, какъ онъ снова овладѣлъ Вильною.

— Многи лѣта тебѣ, великій князь!... радостно воскрикнулъ Лисица, въ изнеможеніи падая на полъ.

Ягайло позвалъ служителей и приказалъ имъ отнести его въ особой покой.

— Укрѣпись пищею, да хорошенько отдохни, а тамъ мы съ тобой поговоримъ. Теперь же тебѣ нуженъ покой, сказалъ Ягайло Лисицѣ.

Его вынесли на рукахъ. Ягайло, оставшись одинъ, опустился передъ образомъ на колѣна. Въ горячей молитвѣ онъ благодарилъ Бога за свое счастливое возвращеніе.

— Кончивъ молитву, онъ оборотился назадъ и увидѣлъ старуху—колдунью, которая держала за руку маленькаго красавца.

— А! и ты здѣсь?!.. я радъ всегда видѣть тебя; но кто, скажи мнѣ, этотъ ребенокъ, спросилъ у колдуньи Ягайло.

— Это сынъ твой, отвѣчала она полу-шопотомъ, подводя къ нему ребенка.

— Да, да.... онъ! самый! я узнаю въ немъ черты милой Ригальды, сказалъ Ягайло и, обнявъ крѣпко своего сына, началъ цѣловать. Двѣ крупныя слезинки скатились на юное чело красавца.

— Какъ твое имя? спросилъ онъ ласково, смотря на дитя.

— Меня зовутъ Кеуннсъ, отвѣчалъ мальчикъ.

— Имя языческое.... Ты не крещенъ?

— Нѣтъ...

— Нужно окрестить тебя, я даю тебѣ имя Александра.....

— Этого нельзя, прошипѣла колдунья.

— Почему? спросилъ озадаченный Ягайло.

— Ты обѣщалъ, ты поклялся мнѣ возвесть его въ почести и знатность.... обѣщался усыновить его, но о перемѣнѣ завѣта не было у насъ съ тобой помину. Пусть онъ останется крѣпокъ своей вѣрѣ, отвѣчала старуха.

— Ну пусть останется, я не неволю, замѣтилъ ей Ягайло и, обратясь къ сыну, продолжалъ: я твою мать очень любилъ... больше всѣхъ на свѣтѣ ее любилъ....

— Въ этотъ мигъ въ дверяхъ неожиданно явилась Поята.

— Вольно меня? чуть внятно прошептала Поята.

На ней былъ снова надѣтъ костюмъ войделотки и голова была украшена вѣнкомъ изъ дикихъ розъ.

Ягайло смутился и ненашелся какъ привѣтствовать свою любезную. Уста его шевелились и произносили что то невнятное.

— Бью тебѣ челомъ, великій князь, начала Поята; моя радость по случаю твоего прибытія въ Вильну безпредѣльна. Я забываю свое горе, по случаю матери моей, забываю разлуку, забываю все, все рѣшительно и хвалю Бога за то, что опять вижу тебя.... который для меня—весь міръ, все счастье и радость.... Негнѣвись, что я безъ спросу ворвалась къ тебѣ; но я послана къ тебѣ отъ криве-кривейты Лиздейки привѣтствовать тебя возвращеніемъ на отцовскій престолъ. Онъ проситъ тебя не забыть его.... Не смущайся, великій князь, моими словами, я, шутя, спросила тебя: кого ты больше любишь?.... Ригальда давно спитъ въ сырой могилкѣ и я не хочу тревожить ея костей.... Она была лучше меня, я это знаю; но въ твоемъ сердцѣ найдется и для меня уголокъ. Не отвергай меня, я раба твоя. Съ этими словами она бросилась на грудь къ Ягайлѣ и зарыдала.

— Поята! Милая ты моя!... не плачь! я люблю тебя, успокойся! сказалъ Ягайло, цѣлуя Пояту.

— Ахъ, не отстраняй меня отъ себя! мнѣ неизъяснимо пріятно на груди твоей, я плачу отъ радости.... Старушки же и своего сына не опасайся: они не выдадутъ насъ, продолжала Поята.

— Что мнѣ бояться старушки!?... Пусть весь свѣтъ знаетъ, что я люблю тебя.... я теперь никого не боюсь....

Ягайло, дѣйствительно, по взятіи Вильны, необыкновенно сдѣлался смѣлымъ и рѣшительнымъ.

— Но ты забылъ, великій князь, что твои бояре ждутъ тебя на красномъ крыльцѣ. Иди къ нимъ и помни, что замокъ трокскій, что стоитъ на островѣ, помогу тебѣ взять. Мнѣ извѣстны всѣ подземные ходы и выходы, сказала зловѣщимъ шепотомъ колдунья.

— Бояре подождутъ. Ты слышишь, какой звонъ идетъ по Вильнѣ? это откликъ народнаго восторга.... Что мнѣ теперь бояре? Никого знать не хочу, я снова великій князь всея Литвы и Руси; бояться кого бы то не было мнѣ стыдно, дружина

моя крѣпка и сильна, да и рыцари на моей сторонѣ, надмѣнно проговорилъ Ягайло.

Поята горько улыбнулась.

— Ну, великій князь Яковъ! гнѣвись—не гнѣвись, а выслушай мои правдивыя рѣчи. Не рыцари и не твоя сильная дружина возвела тебя опять на дѣдовскій престолъ, который отнялъ у тебя дядя Кейстутъ, сказала поспѣшно и сердито колдунья.

— А кто же? гордо и строго спросилъ Ягайло.

— Поята! произнесла торжественнымъ голосомъ старуха, указывая на войделотку: ея стараніями ты здѣсь; безъ нея не такъ бы тебя встрѣтили виленскіе горожане, безъ нея и я не служила бы тебѣ....

— Ахъ, Поята! чѣмъ благодарить тебя? поспѣшно и ласково обратился Ягайло къ своей милой.

— Сдѣлай меня твоей рабыней; вотъ лучшая благодарность, какой я желаю, отвѣчала Поята.

— О, нѣтъ! ни зачто! ты будешь моей женой, клянусь тебѣ въ этомъ.... Сынъ мой отъ Ригальды будетъ тоже съ нами, и мы заживемъ, припѣваючи; слава обо мнѣ прогремитъ отъ моря до моря.... Тебя, старушка, я тоже не оставлю,—продолжалъ нашъ герой.

— Нѣтъ, милый мой! мнѣ женой твоей быть нельзя, сказала съ глубокимъ вздохомъ Поята; я снова войделотка, и на всю жизнь должна остаться ей....

— Ты? войделотка!? съ ужасомъ спросилъ Ягайло.

— Да, милый мой, отвѣчала Поята.

— Но вѣдь ты была христіанкой: зачѣмъ же сдѣлалась отступницею правой вѣры, зачѣмъ ты промѣняла святой крестъ на бездушныхъ истукановъ? укоряющимъ голосомъ продолжалъ спрашивать Ягайло.

Поята перемѣнилась въ лицѣ и, заслонивъ собою старуху—колдунью, приложила свой палецъ къ губамъ: глаза ея выражали въ этотъ моментъ какую то мольбу.

— Ну хорошо.... я тебя дѣлаю моимъ первымъ коморникомъ, съ улыбкою сказалъ Ягайло.

Въ это время въ покой, запыхавшись, вбѣжалъ Скиргайло Ольгердовичъ.

— Ну вотъ ты здѣсь съ бабами возишься, а тамъ тебя гонецъ изъ Трокъ дожидается, съ важной вѣстію, сказалъ онъ.

— Что случилось? спросилъ Ягайло.

— Витовтъ бѣжалъ со своей малой дружиной, продолжалъ Скиргайло.

— Куда?

— Говорятъ, въ Гродну.... Тамъ онъ соединится съ отцемъ своимъ и ударитъ на Вильну; тогда мы погибли. Нужно сперва взять трокскіе замки, а потомъ помѣшать соединиться сыну съ отцомъ.

— Пусть ихъ соединяются, меня не одолѣютъ.

— Ну этого не говори: ратное дѣло переменчиво, какъ вѣтеръ, нынче побѣда, завтра погромъ; нынче живъ, завтра смерть. Пойдемъ къ боярамъ да потолкуемъ, что дѣлать, да нужно спѣшить къ Трокамъ—говорилъ Скиргайло.

Ягайло позвалъ служителей и, приказавъ отвести въ особенные покои Пояту, колдунью—старуху и сына Ригальди, отправился, вмѣстѣ съ братомъ, въ боярскую думу.

Въ этотъ же покой, когда онъ совершенно опустѣлъ, вошла Марія Ольгердовна, а вслѣдъ за ней Вильгенъ.

— Ну вотъ, княгиня, твой братъ завладѣлъ отцовскимъ престоломъ, исполни же твое обѣщаніе, сказалъ онъ шопотомъ, намѣреваясь поцѣловать ее.

— Вильгенъ! Ты любъ мнѣ, очень любъ. Но я буду тебя ласкать и миловать только тогда, когда ты отмстишь за смерть моего несчастнаго мужа, отвѣчала Марія Ольгердовна.

— Боже мой! Опять уговоръ, опять отсрочка! Но я уже сказалъ тебѣ, что для тебя своей жизни не пожалѣю.... Говори, какъ мнѣ можно отмстить за смерть твоего мужа?

— Полони Кейстута....

— Витовта, ты хочешь сказать?

— Кейстута.

— Вильгенъ развелъ руками.

— Этого нельзя.... сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— А! тебѣ нельзя? такъ у меня другой найдется, получше тебя, который полонитъ дядю....

— Да вѣдь его нѣтъ, княгиня....

— Онъ навѣрно долженъ придти подъ Вильну со своей

дружиной; такъ онъ вокняжится брату не дастъ, вотъ ты тутъ то и покажи себя, докажи, что достоинъ моихъ ласкъ, моей любви. Не допускай до битвы, а хитростью замани Кейстута къ брату Якову и полони его, сказала Марія Ольгердовна почти шопотомъ и на мгновеніе прижалась къ Бильгену.

— Ну, сдѣлаешь? говори скорѣй, спросила она, отступивъ отъ него.

— Сдѣлаю, сказалъ онъ и заключилъ ее въ свои объятія.

— Какъ змѣя выскользнула она изъ объятій его и поспѣшно выбѣжала вонъ изъ покоя.

Бильгенъ схватился за свою голову, она была вся въ огнѣ.

— Эхъ! лучше имѣть дѣло съ самимъ сатаною, чѣмъ съ хитрой бабой.... На что я рѣшился безумный?! Но что дѣлать, еще нѣсколько дней мучительной попытки; и гордая княгиня будетъ моей рабой. Рѣшено! князь Кейстутъ долженъ быть плѣнникомъ Ягайлы! заключилъ Бильгенъ и нетвердыми шагами вышелъ вонъ изъ покоя.

ГЛАВА 11-ая.

Кейстутъ въ плѣну.

Скоро послѣ этого,—въ одинъ прекрасный вечеръ, Ягайло вмѣстѣ съ Поятой, гулялъ по великокняжескому саду. Вечеръ былъ теплый, въ влажномъ воздухѣ пахло розами и макомъ, въ большомъ изобиліи росшихъ въ велико-княжескомъ саду. Въ кустахъ зелени чирикали птички и слышались переливы соловья.

— А знаешь, милый мой,—говорила Поята: пѣніе соловья мнѣ прежде весело было слушать, а теперь все равно, трещитъ ли аистъ, поетъ ли соловей....

— Постарѣла немного, отъ того и пѣніе соловья тебя больше не веселитъ, замѣтилъ ей съ улыбкою Ягайло.

— Нѣтъ не отъ этаго, со вздохомъ сказала Поята.

— Отъ чего же?

— Послѣ скажу...

— Да когда же послѣ?

— Когда нибудь скажу...

— А теперь не могу...

— Ты меня, Поята, постоянно огорчаешь: что я тебѣ чужой, что-ли? что тебя теперь ни спросишь, ты только и отвѣчаешь: послѣ скажу. Ты даже до сихъ поръ мнѣ не отвѣтила почему промѣняла христіанство на язычество? Кого ты боишься? говорилъ съ упрекомъ Ягайло.

— Кого я боюсь? спросила она шопотомъ, озираясь во всѣ стороны.

— Да.....

— Моего отца Лиздейки....

— Почему?

— Послѣ, послѣ.... милый мой, ненаглядный мой! Я раба твоя, ты дороже мнѣ жизни моей; но ты требуешь невозможнаго... я не могу отвѣчать на эти вопросы тебѣ до извѣстнаго дня; подожди, голубчикъ, все узнаешь, а теперь поговоримъ про что нибудь другое.... Хочешь ли,—я тебѣ разскажу что за птица соловей?

— Разскажи....

— Ну, слушай; сказала Поята. Въ глубокой древности, когда еще на Литвѣ царствовало вѣчное лѣто и не было зимы,— одинъ пѣвецъ, по имени Дайнасъ, влюбился въ прекрасную дѣвушку, которую звали Скайстой. Не смотря на страстную и безграничную любовь юноши, дѣвица его не любила. Дайнасъ съ горя утопился и боги превратили его въ соловья, что-бъ онъ своимъ пѣніемъ утѣшалъ несчастныхъ любовниковъ. Красавица Скайста почувствовала любовь къ Дайнасу уже тогда, когда его не стало; и умерла съ горя. Послѣ смерти, она была превращена въ столиственную розу, которая только тогда начинаетъ разцвѣтать когда соловей перестаетъ пѣть. Какъ я люблю это преданіе!.... Вотъ, милый мой, и тебя боги превратятъ въ какой нибудь цвѣтокъ....

— За что? съ улыбкою спросилъ Ягайло.

— А за то, что ты не любишь меня, отвѣчала также съ улыбкою Поята.

— Меня, кажется, тебѣ упрекать грѣшно....

— Я смѣюсь.... Милый мой! говорила она, цѣлуя его.

— Но скажи мнѣ, Поята, что говоритъ твой отецъ Лиздейко о томъ, что я заключилъ дядю Кейстута, въ кревскій замокъ? спросилъ Ягайло.

— Онъ жалѣетъ Кейстута, приноситъ каждый день великія за него жертвы и надѣется, что ты не поступишь съ нимъ, какъ съ врагомъ своимъ, отвѣчала Поята.

— Ну, а если я казню его? нерѣшительно и довольно тихо сказалъ Ягайло.

— Поята вскочила съ своего мѣста и поблѣднѣла.

— Ты хочешь быть убійцей роднаго дяди?! спросила она, и въ голосѣ ея звучалъ ужасъ.

— Онъ врагъ мнѣ....

— Христосъ заповѣдалъ прощать враговъ....

— Его простить я не могу....

— Отъ чего?....

— Я боюсь его гнѣва.... Одинъ его взоръ приводитъ меня въ трепетъ, а что будетъ тогда со мною, когда онъ получитъ свободу, снова наберетъ свою дружину изъ литвиновъ и жмудиновъ? спросилъ Ягайло.

На этомъ мѣстѣ мы считаемъ нужнымъ разсказать читателю, какъ Кейстутъ попалъ въ плѣнъ къ Ягайлѣ. Витовтъ Кейстутовичъ, съ небольшой дружиной, не видя возможности устоять противъ сильнаго союзнаго ополченія, удалился въ Гродну, чтобы тамъ соединиться съ отцемъ своимъ, къ которому между тѣмъ отправилъ гонцевъ.

Кейстутъ, наказавъ Корибута Ольгердовича князя Сѣверскаго, поспѣшилъ въ Гродну, гдѣ и соединился съ сыномъ своимъ.

— Соединенные дружины пошли прямо къ Трокамъ и осадили замки, гарнизонъ которыхъ на половину состоялъ изъ рыцарей.

Узнавъ объ этомъ движеніи, Ягайло, съ большимъ войскомъ, выступилъ противъ Кейстута, надѣясь на своихъ союзниковъ— нѣмцевъ; обѣ рати сошлись въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Трокъ. Кейстутъ занялъ лучшія позиціи и готовился къ бою. Многочисленныя знамена его побѣдоносно развѣвались въ воздухѣ. Ягайло струсилъ, онъ зналъ что Кейстутъ великій полководецъ.

— Этимъ обстоятельствомъ воспользовались приближенныя Ягайлы, а въ томъ числѣ Вильгенъ, они склонили Ягайлу взять въ плѣнъ Кейстута хитростью, т. е. зазвать къ себѣ для мир-

ника переговоровъ, объявить его военноплѣнникомъ и именемъ его распустить его дружины.

— Ягайло съ радостію принялъ его предложеніе и послалъ къ Кейстуту своего брата Скиргайлу, давъ ему совѣтъ дѣйствовать черезъ Витовта.

— Благодушный Витовтъ, будучи истиннымъ другомъ Ягайлы и не думая о западнѣ, склонилъ отца принять предложеніе и простить Ягайлу. Оставивъ Скиргайлу заложникомъ въ лагерѣ, Кейстутъ съ Витовтомъ и свитою выѣхалъ къ Ягайлѣ.

— Племянникъ съ дядей встрѣтились въ виду передовыхъ дружинъ обѣихъ армій.

— Ягайло снялъ свой шлемъ и первый поклонился Кейстуту.

— Добрый мой дядя, великій князь Кейстутъ Гедиминовичъ! началъ Ягайло: я виноватъ предъ тобою, вокняжился на отцовскомъ престолѣ помимо воли твоей; но повинную голову не сѣкутъ, не рубятъ. Прости меня и будемъ жить въ мирѣ и любви, какъ подобаетъ родственникамъ....

— Честь тебѣ и слава, мой племянникъ, великій князь Ягайло, за то что самъ умѣлъ вокняжиться на отцовскомъ престолѣ: за тобой такой отваги я не подозрѣвалъ. Честь тебѣ и слава за то, что почтилъ мои сѣдины повиннымъ поклономъ. Прощаю тебя и будемъ жить въ мирѣ и любви, отвѣчалъ Кейстутъ, обнимая своего племянника.

— Ну вотъ и хвала богамъ: худой миръ лучше доброй ссоры, сказалъ Витовтъ и тоже обнялъ Ягайлу.

Обмѣнявшись привѣтствіями, Ягайло началъ просить дядю къ себѣ въ Вильну хлѣба соли откушать и миръ чинить.

— Миръ учиненъ, поѣдемъ хлѣба соли кушать, сказалъ Кейстутъ: ратное дѣло мнѣ ужъ больно надѣло.

Князья отправились въ Вильну; войско шумно праздновало миролюбивое окончаніе родственной ссоры.

Пріѣхавъ въ Вильну, Ягайло окружилъ большимъ почетомъ Кейстута и поминутно просилъ его не гнѣваться на него. Между прочимъ, онъ упросилъ Витовта послать гонца къ его войску съ приказаніемъ разойтись по домамъ. Добродушный Витовтъ, не подозрѣвая никакой задней мысли въ другѣ своемъ Ягайлѣ, исполнилъ его просьбу.

— Но лишь только Ягайло получилъ извѣстіе, что воины Кейстута почти всѣ разошлись по домамъ, онъ сейчасъ же объявилъ дядю своего военноплѣннымъ и, заковавъ его въ цѣпи, отправилъ подъ крѣпкимъ и многочисленнымъ карауломъ въ Кревскій замокъ.

— Ягайло, образумься! Зачѣмъ ты кладешь черное пятно измѣны на родъ нашъ? сказалъ изумленный Витовтъ.

— Ничего, я дѣлаю то, что надо: дядѣ Кейстуту тамъ будетъ хорошо и спокойно, отвѣчалъ Ягайло.

— А что, сынъ! Не говорилъ ли я тебѣ, что твоя дружба съ Ягайломъ сомнительна? замѣтилъ престарѣлый Кейстутъ.

Витовтъ заплакалъ, но помочь несчастью было нечѣмъ.

Его мольбы и просьбы не имѣли успѣха. Вся низкая душа Ягайлы высказалась въ этомъ вѣроломствѣ.

Между тѣмъ, Скиргайло съ рыцарями взялъ въ плѣнъ пять тысячъ ратниковъ Кейстута, неуспѣвшихъ разойдтись по домамъ, остальные разбѣжались.

Но воротимся въ садъ.

— Воля твоя, сказала Поята; но князя Кейстута ради его старости, нужно помиловать....

— Подумаю....

— Вразуми тебя Богъ!.... Быть милосерднымъ лучше, чѣмъ жестокимъ.

— Я не жестокъ...

Въ это время къ нимъ подошелъ Витовтъ Кейстутовичъ. Лице его было грустно, глаза красны.

Витовта сопровождали нѣсколько бояръ Ягайлы.

— Ахъ, Ягайло! Зачѣмъ ты меня не заключилъ въ оковы вмѣстѣ съ отцемъ моимъ?! Мнѣ скучно безъ него. Прикажи меня заковать въ цѣпи и отправить къ нему.... Я умру съ тоски, сказалъ Витовтъ.

— Напрасно ты убиваешься, Витовтъ: твой отецъ скоро будетъ съ тобой опять княжить въ Трокахъ, я возвращу ему, все мной отобранное, теперь же ему тамъ хорошо, онъ окруженъ почетомъ и довольствомъ, отвѣчалъ Ягайло.

— Ему нужна свобода, а почетъ онъ имѣетъ отъ моря и до моря..

— Потерпи нѣсколько дней, будетъ и свобода, будетъ все.... только успокойся,...

— Мнѣ ли быть спокойнымъ!? Нѣтъ, до тѣхъ поръ я не успокоюсь, пока не увижу моего отца на вольной—волюшкѣ.

— Увидишь, подожди....

Ягайло началъ успокоивать Витовта какъ только могъ.

Послѣ того какъ всѣ вышли изъ сада, въ него вошла Марія Ольгердовна, а черезъ нѣсколько минутъ явился Бильгенъ.

— Княгиня! Кейстутъ въ цѣпяхъ.... сдержи свое слово, сказалъ Бильгенъ, хватая ее за руку.

— Бильгенъ! Милый ты мой! я люблю тебя, но хочу знать, стоишь ли ты любви знатной княгини.... Докажи мнѣ, что любишь меня, отвѣчала Марія Ольгердовна, нѣжно смотря на него, и прижимаясь къ нему.

— О, требуй всего на свѣтѣ! я все сдѣлаю для того, чтобы ты Марія была моей!....

— Буду твоей, шептала Марія Ольгердовна: я и такъ ужъ изъ за твоей красы позабыла стыдъ женскій....

— Ну что же ты хочешь для доказательствъ моей любви? спросилъ Бильгенъ.

— Умертви Кейстута, сказала Марія Ольгердовна, крѣпко обнимая его.

Бильгенъ вздрогнулъ и отстранилъ ея объятія.

— Княгиня! Господь съ тобою, что ты сказала?.... Такъ ли я разслышалъ?....

— Умертви Кейстута...

— Не могу, не могу... У меня не подымется рука на этого маститаго старца....

— А еще говоришь, что любишь меня? съ упрекомъ сказала Марія Ольгердовна.

— Люблю, Богъ свидѣтель что люблю; но я не былъ убійцею людей неповинныхъ; мой мечь купался въ крови враговъ на ратномъ полѣ; но на немъ нѣтъ измѣнническаго пятнышка. Марія! Измѣни свое рѣшеніе, требуй другихъ доказательствъ, но не принуждай быть убійцею твоего роднаго дяди. Подумай, что послѣ этаго ты будешь обнимать и цѣловать того, на рукахъ котораго будетъ дымиться твоя родная кровь. Да ты сама послѣ меня возненавидишь, сама будешь презирать меня.... А душу то мою будетъ вѣчно грызть совѣсть... Княгиня! Прикажи мнѣ броситься вотъ хоть съ Лысой горы въ рѣку Вилей-

у, и я брошусь, но не заставляй меня дѣлать невозможное, оворилъ Бильгенъ.

— Ты трусъ.... А трусовъ любить нельзя, замѣтила ему Марія Ольгердовна.

— Въ ратныхъ бояхъ я доказалъ, что не былъ трусомъ, о здѣсь моя совѣсть заставляетъ меня трусить....

— Да чего же ты боишься, когда я тебя объ этомъ прошу?....

— Бога и совѣсти боюсь.... Княгиня! умоляю тебя—не требуй отъ меня подлаго убійства, повѣрь что и на войнѣ рука дрожитъ, убивая врага, а тутъ.... О, нѣтъ, ни за что!

— Ни за что?....

— Ни за что!.... Пусть я лишусь ласкъ твоихъ, но пусть совѣсть моя будетъ покойна, рѣшительно сказалъ Бильгенъ.

Княгиня нѣсколько минутъ молчала, потомъ сорвала маковый цвѣтъ и опустилась на траву.

— Поласкаю я хоть этотъ цвѣтокъ, мнѣ больше некого миловать, сказала она, играя цвѣткомъ.

— Ахъ, княгиня! что ты дѣлаешь со мною!?! хватаясь за голову и опускаясь на траву, сказалъ Бильгенъ.

— Ничего я съ тобой не дѣлаю.... Мнѣ хотѣлось быть твоей: ты пригожъ, силенъ, разуменъ, и мужемъ могъ быть моимъ. Озолотила бы я тебя съ ногъ до головы; у брата моего былъ бы ты первымъ воеводой; въ князья пожаловала бы тебя.... Ну, а коли спѣсивишься, такъ я и получше найду, сдѣлаютъ все что мнѣ угодно, продолжала протяжно Марія Ольгердовна.

— Княгиня! Я радъ сдѣлать тебѣ все, только нужно вѣдь помнить Бога....

— Мой дядя язычникъ, за него отвѣчать предъ Богомъ не будешь.

— Все равно, княгиня, и тварь жалко лишать жизни, а не только человѣка и притомъ такого, каковъ славный, добрый, дряхлый твой дядя Кейстутъ.

Княгиня посмотрѣла на него, улыбнулась и крѣпко прижала его къ своей груди.

— Грѣхъ этотъ я приму на себя; не безпокойся, я за него буду въ отвѣтѣ передъ Богомъ, а не ты.... Ну, милый мой, хорошій мой! ты только подумай, какъ мы заживемъ съ тобою,

какъ всѣ будутъ почитать тебя—моего красавца,—сказала она осыпая его поцѣлуями.

Вильгенъ былъ въ чаду, грудь его высоко поднималась.

— Вотъ такъ проворкуемъ мы съ тобою цѣлую жизнь, какъ теперь, продолжала княгиня, все плотнѣе и плотнѣе прижимаясь къ нему: ну скажи же, любишь ты меня?...

— Люблю, люблю, шепталъ Вильгенъ....

— Умертви Кейстута, и я твоя....

— Страшно.... грѣшно.... безчестно!....

Марія Ольгердовна замѣтила колебаніе его и съ большимъ жаромъ пристала къ Вильгену.

— Не страшись ничего, я въ отвѣтѣ буду; своими ласками я заставлю забыть тебя все.... У брата выхлопочу тебѣ славный удѣлъ и буду раба твоя...

Она встала, дѣлая видъ, что хочетъ удалиться...

— Постой, Марія! куда же ты? спросилъ Вильгенъ, тоже вставая съ травы и удерживая ее за руку.

— Въ замокъ.... меня ждутъ тамъ.... Прощай....

— Погоди еще одинъ мигъ.... Марія! пожалѣй меня, я теперь рабъ твой....

— А потомъ я буду твоей рабой. Наше женское дѣло такое.... Прощай и забудь обо мнѣ, я постараюсь отъ нашего княжескаго двора удалить тебя. У меня найдутся и получше тебя, сказала Марія Ольгердовна, дѣлая нѣсколько шаговъ по направленію къ замку.

Постой, княгиня, дай подумать....

— Некогда мнѣ ждать, говори скорѣй: умертвишь Кейстута?...

— Хорошо, я убью его; но только пусть вина въ его смерти падетъ на твою голову.... Помни, княгиня, что въ эту же ночь я исполню твое страшное приказаніе, а завтра вечеромъ въ этотъ же часъ будь здѣсь, на этомъ мѣстѣ. Кровавыми руками я буду обнимать тебя, и на твоей груди своими слезами смою неповинную кровь.... За ту цѣну, которой я купилъ любовь твою, напотѣшусь надъ тобою. Прощай! заключилъ съ особеннымъ злорадствомъ Вильгенъ.

Княгиня Марія, подбѣжала къ нему, обвила его руками и, горячо поцѣловавъ, исчезла въ цвѣтущей зелени.

— Вильгенъ долго стоялъ, какъ вкопаный въ землю, съ

ылъ въ какомъ то непріятномъ опьяненіи, вечерняя прохлада го освѣтила и привела въ нормальное состояніе. Въ саду было тихо и свѣжо, съ разныхъ мѣстъ неслись звуки соловья, въ воздухѣ разливался тонкій ароматъ цвѣтовъ. На чистомъ небѣ заблестѣли звѣздочки.

— Боже! Какой рай въ природѣ и какой адъ у меня въ сердцѣ! сказалъ Бильгенъ, выходя вонъ изъ саду.

ГЛАВА 12-я.

Смерть Кейстута.

Престарѣлый князь Кейстутъ, безъ всякой пощады къ его лѣтамъ и заслугамъ отечеству, по приказанію Ягайлы былъ заключенъ въ душное, сырое подземелье кревскаго замка *). За Кейстутомъ добровольно послѣдовалъ его любимый оруженосецъ, Григорій Русинъ. Замокъ и въ особенности башня, подъ которой находилось подземелье, были окружены крѣпкимъ карауломъ. Небольшое окно, чрезъ которое едва проникалъ лучь солнечный, было завалено каменьями.

Клевреты Ягайлы не позаботились даже объ удобномъ сидѣньи и лежаньи для Кейстута и только въ видѣ милости бросили ему нѣсколько пучковъ соломы.

Низскій, подлый поступокъ Ягайлы до того потрясъ восьмидесятилѣтняго старца, доблести котораго высоко цѣнились даже

---

1) „Развалины его существуютъ доселѣ и возвышаются въ долинѣ, омываемой съ сѣвера ручьемъ, съ востока прудомъ. Стѣны ихъ изъ камня и краснаго кирпича, вышиною около 20 аршинъ, занимаютъ въ протяженіи своемъ 150 шаговъ. Двое воротъ, съ подъемными нѣкогда мостами, вели въ замокъ, въ срединѣ, котораго былъ прудъ и деревянныя строенія. На сѣверномъ углу возвышалась четырехъ-этажная квадратная башня, служившая для защиты во время нападенія и заключавшая въ себѣ жилья. До сихъ поръ видны готическія окна въ трехъ этажахъ; но въ прежнее время башня эта была еще выше, ибо изъ третьяго этажа замѣтна лѣстница, которая вела еще вверхъ. Фундаментъ башни, вышиною 5 аршинъ, и подъ нею подземелье, въ которомъ была устроена темница, съ небольшимъ окошкомъ вверху. Въ этомъ то подземельѣ мученически умерщвленъ князь Кейстутъ."

врагами его,—что онъ, казалось, на нѣкоторое время лишился разсудка и безмолвно, безропотно покорился своей участи.

Молча вошелъ онъ въ сырое подземелье и, не окинувъ его даже взглядомъ, опустился на снопъ соломы.

Захлопнулась желѣзная дверь, загремѣли ключи, въ подземельи воцарилась могильная тишина и непроницаемая тьма.

— Изрѣдка только доносились звуки, похожіе на голоса человѣческіе, да слышался какой то неясный гулъ вверху.

Долго Кейстутъ хранилъ глубокое молчаніе, не вѣря всему видѣнному и слышанному,—пока не убѣдился въ горькой дѣйствительности. Сердце его сжалось отъ скорби.

— О, Прамжу! Зачѣмъ ты такъ жестокъ ко мнѣ?!..... Зачѣмъ твое предопредѣленіе, начертанное на унтейскомъ камнѣ,—отравляетъ лютой скорбью мою старость?

Пощади, сжальсянадъ моими сѣдинами и будь справедливъ ко мнѣ! Я не заслужилъ подобной кары...... Измѣни свое суровое рѣшеніе, я принесу тебѣ великіе жертвы,—говорилъ Кейстутъ голосомъ, въ которомъ звучали сдержанныя слезы, скорбь и мольбы.

Кейстутъ, какъ упорный язычникъ, вѣрилъ въ предопредѣленіе Прамжинаса, и свое несчастіе на закатѣ дней своихъ приписывалъ его волѣ.

Едва только Кейстутъ успѣлъ сказать эти слова, какъ въ углу подземелья послышались человѣческія рыданья.

Кейстутъ вздрогнулъ отъ неожиданности и, немного приподнявшись, спросилъ: кто здѣсь плачетъ?

— Я......твой вѣрный холопъ, Гришка, отвѣчалъ Григорій Русинъ.

Тебя тоже заключили со мной? спросилъ Кейстутъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Нѣтъ, я самъ, почти силою послѣдовалъ за тобою, великій князь......Что мнѣ въ жизни безъ тебя?!.. отвѣчалъ Григорій Русинъ, стараясь подавить свои рыданія.

— Спасибо тебѣ, Гриша, что ты меня старика не покинулъ при несчастіи, но напрасно ты промѣнялъ лазурное небо и золотую свободу на могильное заключеніе...... Меня ты спасти не можешь, а себя погубишь,—сказалъ Кейстутъ.

— О своемъ спасеніи я не думаю, великій князь. На что

мнѣ лазурное небо, зачѣмъ золотая свобода, когда ты, государь, въ цѣпяхъ закованный томишься въ тяжкомъ заключеньи ? !.....О, Господи! Царь нашъ небесный! Покарай ты этого нечестивца Ягайлу; пошли на его и на всѣхъ его слугъ черную смерть; пусть онъ, окаянный, издохнетъ въ страшныхъ мученіяхъ; пусть все тѣло его покроется язвами; пусть......

— Полно, Гриша, перебилъ его Кейстутъ: не проклинай его, онъ все таки мой племянникъ......

— Нѣтъ, великій князь,—онъ не достоинъ быть твоимъ племянникомъ, онъ поступилъ съ тобою, какъ лютый врагъ........ Да будетъ онъ проклятъ, въ порывѣ негодованія, кричалъ Григорій.

— Отъ твоего проклятія ему ни чего не сдѣлается, а мой слухъ оскорбляется....Вѣдь онъ мой кровный.....Пойми ты.....

— Прости меня, великій князь; но, видитъ Богъ, что я не лукавлю......

— Вѣрю....

— Обманомъ взять въ полонъ!...... Охъ, кажется, если бы онъ мнѣ попался въ руки, я растерзалъ бы его на мелкіе кусочки, какъ собаку...... Поднять руку на защитника и радѣтеля всей родной земли! да вѣдь и злой татаринъ этого не сдѣлаетъ. Будь ты проклятъ трижды! продолжалъ Григоріи.

— Угомонись ты.....Вчерашняго дня пальцемъ не задержишь,“ заключилъ Кейстутъ извѣстной литовской пословицей.

— А побѣда была бы наша......со вздохомъ и послѣ довольно продолжительнаго молчанія, сказалъ Григорій.

— Вѣрно ужъ таково предопредѣленіе Пражжиняса, замѣтилъ Кейстутъ.

— Гдѣ то теперь великая княгиня Бирута? гдѣ князь Витовтъ Кейстутовичъ? спрашивалъ вѣрный слуга Кейстута.

— Ахъ, Гриша! зачѣмъ ты тревожишь мое сердце: въ немъ и такъ много горя...... что случилось, то должно было случиться...

Григорій снова принялся бранить Ягайлу.

Черезъ нѣсколько времени къ узникамъ принесли кувшинъ воды, хлѣбъ и нѣсколько кусковъ мяса,

— Великій князь нашъ Ягайло Ольгердовичъ, по добротѣ своей, посылаетъ князю Кейстуту хлѣба и воды, сказалъ витязь-Лисица, отдавая узникамъ принесенное.

Кейстутъ ничего не сказалъ, но Григорій не вытерпѣлъ.

— Будь онъ проклятъ,—твой великій то князь вмѣстѣ съ тобой—пройдохою, сказалъ онъ.

— Хорошо, Гришка, ты лаешься какъ собака, я скажу это нашему великому князю Ягайлу Ольгердовичу, онъ пожалуетъ тебя собачьей смертью, улыбаясь отвѣчалъ Лисица.

— Говори, я не бюсь ни тебя, ни твоего негоднаго князя... жаль что тебя окаяннаго мы прежде не повѣсили, а держали въ заключеніи! повѣсить тебя слѣдовало бы, какъ гадину, продолжалъ Григорій.

Лисица проворчалъ что то такое себѣ подъ носъ и вышелъ изъ подземелья.

— Зачѣмъ ты связываешься съ этимъ холопомъ, Гриша! пусть его дѣлаетъ, что ему приказано, замѣтилъ ему Кейстутъ.

— Не могу молчать я при видѣ этого предателя, отвѣчалъ Григорій.

Кейстутъ выпилъ немного воды, а до хлѣба и мяса и не дотронулся. Его примѣру послѣдовалъ Григорій.

— Ты бы, великій князь, отвѣдалъ немного хлѣба и мяса, вѣдь со вчерашняго дня ты ничего не ѣлъ; сказалъ Григорій Русинъ, подавая ему хлѣбъ и мясо.

— Не хочу, Гриша! не до ѣды мнѣ теперь.....Душа говоритъ, я пить хочу, отвѣчалъ Кейстутъ.

Григорій подалъ воду, Кейстутъ снова выпилъ нѣсколько глотковъ.

— Отдохни, князь; сонъ подкрѣпитъ тебя, сказалъ Григорій, потихоньку подстилая свою солому Кейстуту.

Кейстутъ легъ, и задумался; все блестящее прошлое возстало въ его воображеніи. Мысль его витала то на берегахъ Балтійскаго моря, въ Полунгѣ, то въ Кіевѣ, Корсунѣ, Москвѣ, въ Маріенбургѣ, то на любимомъ озерѣ Гальвѣ.

Между тѣмъ постоянные обитатели подземелья, голодныя крысы и мыши, почуявъ добычу, сдѣлали безцеремонное нападеніе на хлѣбъ и мясо. Они прыгали и лазали черезъ смирно лежавшаго Кейстута, Григорій же старался разогнать ихъ, для чего началъ стучать ногами.

— Что ты стучишь, Гриша? спросилъ Кейстутъ.

— Да вотъ здѣсь что-то ползаетъ, точно ужъ, такъ я его

отгоняю, отвѣчалъ Григорій, умышленно скрывая настоящихъ непрошенныхъ посѣтителей, которыхъ очень недолюбливалъ Кейстутъ.

— Такъ пусть его ползаетъ. Ужи не кусаются и дурнаго не сдѣлаютъ людямъ..... Въ храмѣ Перкунуса есть много священныхъ ужей, сказалъ Кейстутъ.

Григорій зналъ что ужи безвредны, потому то и сказалъ на нихъ.

— А знаешь ли ты, Гриша, какъ Жалтисъ 1) женился на дѣвицѣ Егле 2) спросилъ Кейстутъ.

— Нѣтъ не знаю, отвѣчалъ Григорій, продолжая стучать ногами.

— Дѣвица Егле, началъ Кейстутъ, пошла разъ вечеромъ купаться въ ближайшее озеро. Когда зашло солнце, дѣвицы вышли на берегъ и начали надѣвать свои рубашки. Вдругъ Егле вскрикнула и бросила свою рубашку: въ рукавѣ ея она увидѣла ужа. Но какъ его выгнать изъ рубашки?

Во время ея раздумья, изъ рукава показывается голова ужа и начинаетъ говорить: «выйду самъ, если дашь мнѣ слово, что будешь моей женой» Сестры, чтобы отвязаться отъ ужа, заставили Егле дать ему слово. Получивъ это слово, докучливый ужъ вышелъ изъ рубашки и исчезъ. Сестры, вмѣстѣ съ Егле, одѣлись и воротились домой. По слѣдамъ ихъ пріѣхали на дворъ три ужа въ корытѣ изъ тѣста и повели такую рѣчь къ родителямъ Егле: „Жалтисъ проситъ прислать ему невѣсту; Егле дала ему слово". Родители незнали что дѣлать, что отвѣчать и побѣжали къ знахаркѣ. Старая знахарка совѣтовала обмануть ужей и дать послать вмѣсто дочери гуся. Такъ и сдѣлали родители. Сваты сѣли и уѣхали съ гусемъ; но на дорогѣ кукушка закричала: „куку! куку! куку! обманули васъ сватовъ: вмѣсто невѣсты дали вамъ бѣлаго гуся». Ужи возвращаются назадъ, съ гнѣвомъ выбрасываютъ гуся и требуютъ невѣсты. Родители Егле опять къ старой сосѣдкѣ; на этотъ разъ знахарка посовѣтовала дать ужамъ бѣлую овцу. Кукушка опять открыла обманъ, они снова возвращаются съ угрозами и требуютъ невѣсты. Имъ

1) По Литовски ужъ.
2) Ель.

дали бѣлую корову, но кукушка предостерегла ихъ и они съ страшными угрозами возвращаются къ родителямъ Егле. Родители отдали имъ старшую дочь. Но, узнавъ отъ кукушки, что ихъ въ четвертый разъ обманули, они возвратились, угрожая засухою, наводненіемъ, голодомъ, моровою язвою, за неоднократный обманъ царя ихъ жениха—ужа.

Залились горькими слезами родители Егле и отдали ее сватамъ. Теперь кукушка закричала: „поѣзжайте! спѣшите! женихъ ждетъ невѣсту". Со страхомъ поглядываетъ Егле на озеро и думаетъ, что ея насталъ конецъ. Вдругъ изъ глубины озера является не страшный ужъ а прекрасный юноша, богъ водъ — самъ Атримпосъ. Пять лѣтъ живутъ счастливо Егле и Жалтисъ; но Егле тоскуетъ по своей родинѣ и родителяхъ. Проходитъ еще пять лѣтъ, и еще пять; она все также счастлива, но часъ отъ часу сильнѣе желаетъ посѣтить своихъ родителей. Мужу, однако, это непонравилось. Онъ откладывалъ это посѣщеніе день-за день. Наконецъ, измученный просьбами жены, соглашается, но съ тѣмъ условіемъ, что бы она прежде износила стальные башмаки. Егле бросила ихъ въ печку, пережгла и скоро износила. Вотъ я и готова въ дорогу, сказала она; надо печь пироги. Хорошо, отвѣчаетъ Жалтисъ, но прежде наноси воды рѣшетомъ. Егле наносила воды и испекла пироги. Мужъ наконецъ позволилъ ей отправиться; но, прощаясь съ нею, сказалъ: „когда придешь на берегъ озера, кликни меня три раза такъ: „мужъ мой! жена зоветъ тебя. Если ты живъ, выйди молочною пѣною, если мертвъ, покажись кровью на водахъ"

Егле съ дѣтьми своими отправилась къ роднымъ, и конечно, принята была ими съ восторгомъ: распросамъ не было конца; день ея отъѣзда откладывали безпрерывно. Между тѣмъ братья ея уѣхали въ лѣсъ на ночлегъ и взяли съ собою старшаго сына Егле. Зайдя въ глухую чащу лѣса и разведя огонь начали его кормить, ласкать и распрашивать, какъ мать будетъ кликать отца, когда возвратится домой? Мальчикъ отвѣчалъ, незнаю. Напрасно его упрашивали, напрасно грозили, наконецъ висѣкли вѣниками. Онъ безпрестанно повторялъ: что мать скажетъ, я не знаю". Когда они возвратились, мальчикъ имѣлъ заплаканные глаза. Мать спросила у него: отъ чего у него глаза красные? Ничего! отвѣчалъ онъ: мы сидѣли у огня, лучина была смолис-

тая, вѣтеръ нагналъ мнѣ дыму въ глаза. Въ слѣдующую ночь братья взяли съ собой меньшаго сына, и также напрасно его били; они, онъ ни чего не хотѣлъ имъ открыть. Въ третью ночь взяли съ собою дочь и, погрозивъ ей вѣниками, заставили разсказать все. Послѣ этого братья, взявъ съ собою косы, пошли къ озеру и вызвали мужа Егле. Изъ водяной пѣны вышелъ на берегъ ужъ, и они схвативъ косы, разсѣкли его на части. Егле собралась къ мужу. Забравъ дѣтей и простившись съ родными, она подошла къ озеру, зоветъ мужа; но вмѣсто бѣлой пѣны показалась кровь на водѣ, знакомый, голосъ далъ ей послѣднее прощанье и объявилъ, кто были убійцы ея мужа. Услышавъ это, Егле воскликнула: „куда дѣваться мнѣ! куда идти! какъ жить съ убійцами мужа?“ Атримпосъ превратилъ ее въ ель, старшаго сына въ дубъ, младшаго въ ясень, а дочь въ осину.“ Ну что, Гриша, каковъ Жалтисъ то? спросилъ Кейстутъ, кончивъ разсказъ свой.

— Да, молодецъ! жаль, что убили.....замѣтилъ Григорій.

— Вотъ съ тѣхъ то поръ почитаютъ ужей, держатъ въ каждомъ Ромнове....

— А что, великій князь, нельзя ли намъ изъ этой берлоги выползти потихоньку на бѣлый свѣтъ? спросилъ Григорій, перебивъ Кейстута.

— Невозможно, Гриша...

— Невозможнаго на свѣтѣ нѣтъ.... Нужно только хорошенько присмотрѣться... Тутъ я знаю есть гдѣ то окно,—маленькое оно, ну да желѣзомъ можно сдѣлать большое....

— Гдѣ ты достанешь желѣзо?...

— Да въ здѣшнемъ же замкѣ. Уйду изъ подземелья, когда принесутъ тебѣ пищу или питье, а потомъ и сдѣлаю свое дѣло...

— Нѣтъ, Гриша, не уходи отъ меня, твои труды будутъ напрасны, убѣжать изъ этаго подземелья нельзя, я знаю лучше тебя этотъ замокъ. Да и не выпустятъ тебя живаго за стѣны Кревскаго замка; они знаютъ, что ты послѣ разскажешь какъ и гдѣ томятъ стараго Кейстута....Обожди лучше со мною здѣсь, пройдетъ нѣсколько дней и намъ самъ Ягайло отворитъ дверь, говорилъ Кейстутъ.

Но вотъ наступилъ пятый день, а судьба заключенныхъ нисколько не улучшилась. Имъ было сыро, холодно, голодно и

жестко, Григорій, какъ милостыню выпросилъ себѣ двухъ *ежей* для усмиренія и уничтоженія мышей. Но ежи не могли справиться съ гадами, такъ много было ихъ. Каково же было сидѣть въ такомъ подземельи великому князю Кейстуту?

— Счастливецъ ежъ! свернется въ клубокъ и его никакіе зубы звѣря не тронутъ, а человѣка не спасаютъ и желѣзныя доспѣхи, нуженъ умъ, нужна хитрость, со вздохомъ говорилъ Кейстутъ.

— Минулъ и пятый день, наступила ночь. Кейстутъ былъ очень мрачемъ.

— Ахъ, Гриша! я чувствую, что мнѣ недолго осталось жить....сердце мое шепчетъ мнѣ о близкой кончинѣ. Душа моя уже живетъ на калнасѣ вѣчной радости. Недавно я забылся сладкимъ сномъ, и видѣлъ моего отца Гедимина: онъ звалъ меня къ себѣ въ голубую лазурь, въ янтарный дворецъ... Вотъ что, Гриша, если я умру здѣсь, то передай моей милой женѣ Бирутѣ мой сердечный поклонъ и скажи ей, что я и послѣ своей смерти буду тамъ гдѣ она. Витовту тоже поклонись и скажи, что его доброта и довѣрчивость погубили меня, но я его прощаю....

— Да полно, великій князь, о смерти думать! Все, Богъ дастъ, поправится, изъ этой проклятой берлоги выйдемъ и будешь ты опять княжить по добру—по здорову, утѣшалъ Григорій своего князя.

— Нѣтъ. Гриша, я знаю, что скоро мнѣ придется покинуть эту жизнь....Не утѣшай меня напрасно, я готовъ умереть, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, томиться и мучиться мнѣ надоѣло, отвѣчалъ Кейстутъ.

— Да зачѣмъ же умирать теперь, на радость враговъ твоихъ? замѣтилъ Григорій.

— Литва и Жмудь не забудутъ меня.... Пройдутъ года, народъ сложитъ обо мнѣ пѣсню, а буртинникъ или гусляръ пропоетъ ее.... Будетъ пѣть онъ про жизнь мою, про удаль и отвагу молодецкую, не забудетъ и о томъ, что я любилъ родную землю больше жизни своей,—продолжалъ Кейстутъ.

Въ это время загремѣли ключи въ желѣзной двери и черезъ минуту въ подземелье вошли съ факелами Бильгенъ, Лисица, Кревскій мѣщанинъ Кучукъ, и два дружинника Ягайлы: Готко и Пракша.

Войдя въ подземелье, они плотно затворили за собою дверь.

— Ну, старый сычь! мы пришли тебя отправить въ жизнь вѣчную. Спасибо тебѣ за твою хлѣбъ и соль, сказалъ Лисица, бросаясь на Кейстута и хватая его за горло.

Съ быстротою молніи и визгомъ бросился Григорій на защиту своего князя. Началась борьба, отчаянная, ожесточённая и продолжительная.

Кейстутъ напрягалъ свои послѣднія силы, и какъ левъ откидывалъ отъ себя, то одного то другаго; но численность превозмогла. Его начали душить Кучукъ, Бильгенъ и Лисица, а съ Григоріемъ справлялись Готко и Прокша. Кейстутъ захрапѣлъ и сказалъ: „Литва... Бирута... Прощайте“, и испустилъ духъ.

Въ слѣдъ за княземъ захрапѣлъ его любимый оруженосецъ, Григорій Русинъ.

— Боже! спаси моего князя.... Кейстута! произнесъ онъ невнятно и тоже улетѣлъ въ другой міръ за своимъ княземъ.

Убійцы долго хранили молчаніе и удостовѣрялись въ смерти своихъ жертвъ.

— Оба готовы, прервалъ первый молчаніе Кучукъ[1]), внимательно осмотрѣвъ оба трупа: ну, не будь меня, вамъ бы однимъ съ этимъ волкомъ несправится, добавилъ онъ же.

— За это тебя великій князь Ягайло Ольгердовичъ пожалуетъ своими милостями, сказалъ ему Лисица, похлопывая рукою по плечу.

— Ну и намъ съ этимъ соколикомъ было много возни, замѣтилъ Готко, вытирая выступившій потъ на лбу.

— У меня палецъ откушенъ, сказалъ Прокша.

Молчалъ только Бильгенъ; его била лихорадка, а въ глазахъ вертѣлись кровавые круги.

— Ну теперь нужно въ кревскомъ замкѣ распустить слухъ, какъ приказалъ князь Ягайло, что Кейстутъ самъ задушилъ себя...... Только чѣмъ? Какъ бы лучше выдумать? обратился Лисица съ вопросомъ къ Бильгену.

---

1) Потомки этого Кучука,—какъ мнѣ передавалъ А. К. Киркоръ, до сихъ поръ есть въ мѣстечкѣ Крево. (Авторъ).

Авторитетъ—не изъ крупныхъ! Да и что удивительнаго, если у человѣка осталось потомство! Ред.

— Не знаю, дѣлай какъ хочешь, отвѣчалъ онъ, несмотря на соучастниковъ.

— А вотъ чѣмъ, сказалъ Кучукъ срывая позументъ съ ферязи мученика—Кейстута и туго затягивая имъ его горло.

— Молодецъ Кучукъ! за такое дѣло князь Ягайло тебя боярскою цѣпью пожалуетъ....Ну а съ этимъ поросенкомъ-то, что мы будемъ дѣлать? продолжалъ Лисица указывая на мертваго Григорія.

— Скажемъ, что онъ не перенесъ смерти Кейстута и тоже удавился съ горя. Всѣмъ вѣдома его любовь къ покойному князю,—замѣтилъ Кучукъ.

— Ай да Кучукъ! Умнѣе покойнаго Войдыйлы, сказалъ Лисица.

При этомъ имени Бильгенъ вздрогнулъ и, осмотрѣвшись кругомъ, бросился вонъ изъ подземелья.

— Что съ нимъ? спросилъ Кучукъ.

— А что? переспросилъ Готко.

— Онъ самъ не свой, сказалъ Прокша.

— Испугался что князя задушилъ, со смѣхомъ сказалъ Лисица: ну Кучукъ затяни горло и Гришкѣ, пожалуй его этой милостью......

— Пожалую, сказалъ Кучукъ, снимая поясъ съ Григорія и затягивая имъ его горло: ну работа кончена, теперь, чай, надо покойничковъ-то нашихъ отъ сюда перенести, а то, пожалуй ихъ здѣсь попортятъ крысы......

— Ну, Кучукъ! быть тебѣ бояриномъ, помяни мое слово.... Да поправь ты у Гришки языкъ то, вишь какъ высунулъ его, продолжалъ Лисица.

— Онъ прикусилъ его.....

— Ну, Кейстутъ Гедиминовичъ! обратился Лисица къ покойному князю: мы съ тобой расчитались.

Что Бога гнѣвить, мѣшалъ ты многимъ! Безъ тебя лучше будетъ намъ..... Ну пойдемте же, братцы, объявить о смерти. Одинъ изъ васъ останься здѣсь. Да чуръ, говорить всѣмъ и каждому, что сами удавились, а кто проболтается, того князь Ягайло висилицей пожалуетъ. Ну идемте......

Не далѣе какъ черезъ полчаса тѣло Кейстута было перене-

-ено въ княжескіе покои кревскаго замка, а Григорія осталось въ подземельѣ.

Въ назначенный часъ Бильгенъ ждалъ въ саду Марію Ольгердовну, но она не пришла. Онъ рѣшился ждать до глубокой ночи, но напрасно. Наступила полночь, огни въ замкѣ давно уже потухли, а ее нѣтъ, какъ нѣтъ. Вдругъ онъ слышитъ по близости какой то шорохъ и неясный зловѣщій шепотъ; ему дѣлается безотчетно страшно, но онъ все таки прислушивается.

Таинственный шопотъ превращается въ тихій говоръ и глухія нечеловѣческія вопли. Онъ собирается съ духомъ и едва слышно произноситъ: Марія! это ты?

Въ отвѣтъ на это, надъ самымъ его ухомъ кто то прошепталъ слово: „убійца!“

„Убійца, убійца, убійца!“ слышалось кругомъ его во всѣхъ кустахъ. Точно хоръ демоновъ повторялъ это роковое слово на разныя голоса.

„Убійца!“ снова и громко раздалось надъ его ухомъ.....

„Убійца!!!“ раскатилось эхомъ по саду и святой рощѣ и замерло гдѣ-то далеко, далеко!

Кровь бросилась къ головѣ Бильгена, въ ушахъ послышался свистъ, онъ бросился бѣжать, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, упалъ безъ чувствъ на траву.

(конецъ 3-й части).

С. Калугинъ.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННАГО БЫТА ЗАПАДНАГО КРАЯ.

*(Окончаніе *).*

Составленный Василемъ планъ дѣйствій противъ его родителей неудался вовсе не потому, чтобы онъ былъ не вѣренъ, а по причинѣ случайно сложившихся неблагопріятныхъ для Василя обстоятельствъ. Честный и энергическій волостной, на котораго такъ разсчитывалъ Василь, безъ сомнѣнія не извинилъ бы Лысаго, узнавъ о его продѣлкахъ съ роями пана Пржепржендржевскаго, и Лысый по всей вѣроятности, послѣ долгихъ торговъ и переговоровъ, скорѣе согласился бы на отдѣлъ сыновей, чѣмъ

---

*) См. книж. 11.

подвергаться гнѣву и суду волостнаго; но какъ на зло для Василя, волостной дня за два до описаннаго нами въ предыдущей главѣ дня, сломилъ себѣ ногу, и такъ какъ болѣзнь его угрожала быть весьма продолжительпой, то, по распоряженію мироваго, онъ былъ смѣщенъ съ должности а на его мѣсто временно, назначенъ былъ другъ и пріятель волицкаго старосты, староста изъ деревни Писаревки, такой же пройдоха и плутъ, какъ и его волицкій сослуживецъ. Василь и Лысый, зная хорошо направленіе и образъ дѣйствій волостнаго, вовсе не подозрѣвали о случившемся съ нимъ несчастіи, и потому то Василь съ такою увѣренностью пугалъ волостнымъ, а Лысый такъ струсилъ, когда въ началѣ боя съ сыномъ, ему угрожали справедливымъ и рѣшительнымъ администраторомъ и судьей. Но староста еще съ утра зналъ, что власти перемѣнились, и хотя онъ и показалъ видъ, когда Василь угрожалъ ему волостнымъ, что онъ смущенъ, но это онъ сдѣлалъ потому только, чтобы имѣть время одуматься и посовѣтоваться съ Лысымъ и съ Мотрой. Когда послѣ прихода старосты на пасѣку, Мотра позвала его къ себѣ въ хату, то староста сейчасъ же сообщилъ ей и Лысому что волостнымъ теперь его пріятель, и Лысый, обрадовавшись, предложилъ старостѣ, такъ какъ староста засѣялъ поля многихъ бѣдныхъ крестьянъ а потомъ бралъ за то половину урожая, спахать ему еще одинъ *поединокъ* 1) поля, съ тѣмъ только, чтобы онъ усмирилъ взбунтовавшихся Василя и его сподвижниковъ. Староста съ удовольствіемъ принялъ предложеніе, и мы видѣли какъ неблагополучно кончался для Василя и Маруси, полный тревогъ ожиданій и надеждъ, день.

На слѣдующій день назначено было въ волости сходка крестьянъ, на которой должно было рѣшиться обществомъ, по скольку собирать съ хозяина денегъ для устройства волостной школы. Сходка назначена была мировымъ и онъ самъ долженъ былъ на ней присутствовать. Волость находилась въ деревнѣ Чернелевкѣ, отстоящей недалѣе какъ верстахъ въ трехъ отъ Волицы. Новенькій и чистенькій домикъ волостнаго управленія построенъ былъ на пригоркѣ; впереди домика находился обширный дворъ, на которомъ толпилось болѣе сотни крестьянъ, къ чести которыхъ

1) Поединокъ—четыре морга или съ небольшимъ двѣ десятины

нужно замѣтить, что между ними совсѣмъ не было пьяныхъ. Даже и находившійся тутъ Лысый повоздержался, и хотя было уже далеко за полдень, а онъ выпилъ не болѣе двухъ-трехъ чарокъ. Мировой не пріѣзжалъ еще, и крестьяне шумно и съ большимъ одушевленіемъ толковали о дѣлѣ, ради котораго они собирались. Мнѣнія крестьянъ о школахъ и сопряженныхъ съ устройствомъ ихъ расходахъ были весьма разнообразны.

— На кой намъ чортъ эти школы. Мужикъ лишь бы зналъ какъ жать, да пахать, а учености вовсе не нужно ему, толковалъ сѣдой старикъ.

— Ну не говорите этого, *дядку*, замѣтилъ старику его сосѣдъ: мужику не мѣшаетъ умѣть читать и писать. Если бы между нами были грамотные, то мы не нуждались бы въ наемныхъ волостныхъ писаряхъ, которые не разъ больно надуваютъ нашего брата, вотъ хоть бы тотъ паничъ, котораго недавно прогналъ изъ волости, нашъ бывшій волостной.

— Что правда, то правда, вмѣшался еще одинъ изъ крестьянъ; но Богъ еще знаетъ, когда наши дѣти научатся грамотѣ и когда изъ этого выйдетъ польза, а между тѣмъ денежки на школу подавай сей часъ же.

— Деньги то велики, правду сказать, отозвался кто то изъ толпы, но дѣло въ томъ, что наши дѣти вмѣсто того, чтобы помогать намъ по хозяйству, станутъ напрасно время тратить, торча по пусту въ школѣ.

— И что тутъ толковать попусту, прикрикнулъ, услыхавъ этотъ разговоръ, одинъ изъ старостъ. Начальствомъ сказано быть школѣ, и будетъ школа; а нужна ли она или нѣтъ, про то лучше насъ знаетъ нашъ мировой.

— Конечно, мировой лучше насъ знаетъ, согласились крестьяне.

— А все таки, спорилъ одинъ изъ крестьянъ, по пятидесяти копѣекъ собирать съ хозяина на школу—много: достаточно и по тридцати копѣекъ.

— Прикажутъ, такъ дадите и по рублю, замѣтилъ ближайшій.

— Конечно, если прикажутъ, то дадимъ и по рублю, опять согласились крестьяне и замолчали, а только нѣкоторые изъ нихъ съ неудовольствіемъ почесали затылки.

Между тѣмъ послышался звонъ колокольчика и крестьяне догадавшись, что ѣдетъ мировой, почтительно поскидали шапки. Нейтечанка мироваго не замедлила подкатить, и остановиться возлѣ волости.

Мировой, отставной, молодцоватый на видъ гусаръ былъ человѣкъ еще молодой; онъ одѣтъ былъ въ партикулярное платье, на груди у него висѣла медаль—эмблема его власти, а на головѣ надѣта была шапка съ краснымъ околышемъ и со звѣздочкой. Вновь назначенный волостной и староста подбѣжали къ нейтечанкѣ и хотѣли было пособить мировому выйдти изъ нея, но мировой устранилъ ихъ и самъ съ легкостью молодости соскочилъ на землю.

— Здраствуйте, братцы! ну какъ здоровье Грыцюка, освѣдомился о прежнемъ волостномъ мировой.

— Совсѣмъ переломилъ ногу, и вѣрно на всегда останется калѣкой, отвѣтилъ новый волостной.

— Жаль, очень жаль. Что собрались уже люди?

— Собрались, ваше высокоблагородіе, да не всѣ; съ ними не сладишь, жаловался новый волостной.

— Не распорядителенъ ты, братъ, какъ я вижу, замѣтилъ мировой уже третій часъ, и кажется всѣ могли бы доселѣ собраться.

— Да что я сдѣлаю съ громадой, оправдывался волостной. Я одинъ, а мужиковъ по всѣмъ селамъ цѣлые табуны.

— А староста на что?

— Да гдѣ же и старостѣ справиться одному съ цѣлою громадой?

— Хотя, какъ я вижу, ты, братъ, глупъ, сказалъ мировой и совсѣмъ не чета своему предмѣстнику; но все таки я тебѣ совѣтую, смотри ты у меня въ оба, чтобы у тебя въ волости все было въ порядкѣ.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе.

— Арестанты есть въ холодной?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, отвѣтилъ волостной, значительно переглянувшись съ находившимися тутъ Лысымъ и волицкимъ старостой, а потомъ нѣсколько покраснѣлъ.

Согласно съ сдѣланнымъ уговоромъ, въ соображенія новаго волостнаго, волицкаго старосты и Лысаго, никакъ не входило

сообщить мировому объ арестованіи Василя, а съ Срулемъ волостной надѣялись покончить, слупивъ съ него малую толику домашнимъ образомъ; и потому, хотя волостной и покраснѣлъ отъ ложнаго отвѣта, но все таки предпочелъ умолчать о своихъ арестантахъ. Мировой замѣтилъ смущеніе волостнаго и пристально взглянулъ ему въ глаза. Опытный пройдоха понялъ угрожающую ему опасность и, употребивъ всѣ силы души своей, совладѣлъ съ собою и, чтобы скрыть выраженіе своихъ глазъ, заворочалъ ими съ необыкновенной быстротой. Мировой понялъ, что волостной плутуетъ, но спустя полъ минуты волостной смотрѣлъ уже такъ безстрастно и имѣлъ такой спокойный видъ, что мировой подумавъ, будто ему показалось и тоже успокоился.

— Некогда мнѣ ожидать, пока всѣ соберутся, сказалъ мировой, и я думаю сей часъ же начать сходку. Подойдите-ка ко мнѣ, братцы, обратился онъ къ крестьянамъ.

Крестьяне столпились, но впрочемъ на довольно благородной дистанціи вокругъ мироваго.

— Знаете ли, братцы, для чего я васъ собралъ? спросилъ мировой.

— Знаемъ, отвѣтили съ увѣренностью, въ одинъ голосъ, крестьяне.

— Понимаете ли вы всю важность дѣла, для котораго вы собрались.

— Понимаемъ, отозвалось нѣсколько робкихъ голосовъ.

— Хотя я и надѣюсь, что вы понимаете, продолжалъ мировой, но все таки хочу вамъ объяснить всю важность и необходимость школъ и огромную пользу, которой вы должны ожидать отъ нихъ. Теперь вы не развиты, и потому не привыкли къ самоуправленію, а кромѣ того хозяйства ваши идутъ не совсѣмъ раціонально, и ваше благосостояніе не вполнѣ еще обезпечено. Между тѣмъ нашъ институтъ поставленъ въ главѣ васъ для того, чтобы направлять васъ къ благотворной дѣятельности, которая возможно только тогда когда, научась кое чему въ школахъ вы будете больше развиты? Понимаете? крестьяне отъ роду не слыхали словъ: развитіе, раціональность, институтъ, а потому почти ничего не поняли, но такъ какъ было бы очень невѣжливо сказать своему мировому, что они его не понимаютъ, то они изъ вѣжливости объявили, что все понято. Лысому со

словъ мироваго показалось, что придется учиться и взрослымъ людямъ грамотѣ, и онъ подумалъ о томъ, можно ли будетъ носить съ собой въ школу *алечыкъ*, или покрайней мѣрѣ бутылку съ водкой и сожалѣлъ, что ежели это будетъ воспрещено, то онъ, по всей вѣроятности, окажется самымъ нерадивымъ ученикомъ.

— Теперь когда мы потолковали о важности и пользѣ школъ, продолжалъ мировой порѣшникъ, по сколько нужно собирать съ хозяина на устройство и поддержаніе ихъ.

Эти слова прекрасно были поняты крестьянами, и они навострили уши.

— Всѣхъ хозяевъ въ нашей волости, говорилъ дальше мировой, около четырехъ сотъ; слѣдовательно, ежели взять съ хозяина ежегодно по одному рублю, то соберется четыреста рублей. На эти деньги, такъ какъ вы сами будете работать по очереди, можно будетъ построить деревянную школу, а въ слѣдующіе годы за эти четыреста рублей будемъ содержать учителя, покупать книги и давать награды болѣе способнымъ и рачительнымъ ученикамъ.

Я думаю достаточно по рублю?

Крестьяне молчали.

Отвѣчайте! что вы думаете?

Всякій думалъ свою думу, и почти всякій хотѣлъ высказать то, что думаетъ, и потому нѣсколько десятковъ голосовъ заговорили въ одно время, и мировой не могъ разобрать, что они толкуютъ, и приказалъ крестьянамъ замолчать.

— Что они говорятъ? спросилъ мировой волостнаго.

Еще до пріѣзда мироваго предрѣшено было собирать никакъ не болѣе какъ по пятидесяти копѣекъ съ двора, а, какъ мы видѣли, нѣкоторые изъ крестьянъ находили и этотъ сборъ великимъ; но мы слышали также, что однимъ изъ старостъ предречено было, что ежели велятъ собирать по цѣлому рублю, то соберутъ по рублю. Слова этого старосты сбылись, и волостной отвѣтилъ мировому, что крестьяне согласны давать по рублю.

— Ну и хорошо, что согласны, отвѣтилъ мировой и приказалъ торчавшему на крыльцѣ юному семинаристу, служащему волостнымъ писаремъ, составить приговоръ.

Когда приговоръ былъ написанъ, мировой прочелъ его, испра-

вилъ болѣе грубыя въ приговорѣ ошибки, приложилъ печать и скрѣпилъ своею подписью документъ волостной, послюнивъ прежде бумагу, приложилъ къ ней накопченную на сальной свѣчѣ мѣдную дощечку, съ вырѣзанной на ней фамиліей его, крестьяне поставили вмѣсто подписей крестики возлѣ написанныхъ на приговорѣ писаремъ названій своихъ,—и актъ былъ окончательно составленъ, и найформальнѣйшимъ образомъ укрѣпленъ.

— Теперь поздравляю васъ, братцы, съ хорошимъ дѣломъ и желаю, чтобы ваша будущая школа принесла желанные плоды, сказалъ мировой.

— О какомъ это *приплодкѣ* 1) въ школѣ толкуетъ мировой? Да и хорошо ли это будетъ? подумалъ Лысый, и въ головѣ его мелькнула хотя довольно смутная, но весьма несообразная съ достоинствомъ школы мысль.

Устроивъ полезное дѣло, мировой собрался ѣхать и уже сидѣлъ въ своей нейтачанкѣ, когда совсѣмъ неожиданное обстоятельство остановивъ мироваго, причинило не мало хлопотъ волостному, волицкому старостѣ и Лысому. Къ воротамъ волости подъѣхалъ возъ, запряженный парою крестьянскихъ лошадей, и изъ воза, когда онъ остановился, вылѣзла жена Сруля Перля, и Федько Лысый. Перля одѣта была въ новый ситцевый оранжевый капотъ, на плечахъ былъ накинутъ шерстяной ярко-зеленый платокъ, а на головѣ синій бумажный платочекъ. Нарядная Перля имѣла весьма озабоченный видъ, и лишь только вошла въ дворъ и увидѣла тамъ мироваго, начала вопить такъ плачевно, и такимъ отчаяннымъ и громкимъ голосомъ, что мировой тотъ часъ обратилъ на нее вниманіе. Волостной и волицкій староста вовсе не знали того, что вошедшая въ дворъ еврейка законная супруга Сруля, и потому глядѣли на нее совершенно спокойно; но за то Лысый, узналъ Перлю, которую недавно видѣлъ въ корчмѣ, и замѣтивъ, что рядомъ съ ней шелъ его Федько, до того перепугался, что не предупредилъ старосту и волостнаго объ угрожающей всѣмъ имъ близкой опасности.

— Что за жидовка, и что ей нужно? спросилъ мировой волостнаго.

— Не знаю, спокойно отвѣтилъ волостной.

---

1) Припадокъ плодъ, потомство.

— Не знаю, передразнилъ мировой волостнаго. Болванъ! Узнай сію минуту.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородіе, волостной подошелъ къ Перлѣ, чтобъ исполнить приказаніе мироваго; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ разинуть ротъ, Перля устремилась къ нейтачанкѣ и съ отчаяннымъ крикомъ: ай вей! Ай вей миръ! Ратуйте! 1) Упала на колѣна, успѣвъ, однакожъ, подобрать, чтобы не испачкать, свое новое платье.

— Что случилось и что тебѣ нужно? спрашивалъ Перлю мировой.

— Случилось большое несчастье! Ой вей! Ой вей миръ! сквозь рыданія говорила Перля. Мужики убили моего мужа!

Мы должны однакожъ разсказать читателямъ какимъ образомъ Перля узнала о постигшемъ ея мужа несчастіи; и почему она явилась въ волость вмѣстѣ съ Федькомъ.

Когда наканунѣ Сруля вели изъ пасѣки Лысаго въ холодную, то караульные остановились возлѣ корчмы, чтобы выпить по чаркѣ водки, а Сруль успѣлъ въ это время разсказать волицкому арендарю о томъ, почему и куда его ведутъ и просилъ его увѣдомить Перлю для того, чтобы она приняла свои мѣры къ его освобожденію. Волицкій арендаръ былъ незнакомъ съ Срулемъ, но все-таки онъ счелъ своею обязанностью исполнить въ такомъ важномъ дѣлѣ просьбу своего единовѣрца и собрата по *гандлю*, и чуть свѣтъ послалъ къ Перлѣ посланца, давъ ему за трудъ двадцать пять грошей, изъ злотого, который Сруль оставилъ ему на эту надобность, а остальные пять грошей онъ оставилъ себѣ за комиссію. Мы не можемъ воздержаться, чтобы не воздать достойной хвалы честности волицкаго арендаря, который, хоть и оставилъ себѣ пять грошей за трудъ, и даже, чтобы выгадать ихъ, долгое время торговался съ посланнымъ, но все-таки въ точности исполнилъ возложенное на него порученіе. Намъ весьма интересно знать какимъ образомъ поступилъ бы Лысый, ежели бы ему довѣрено было незнакомымъ, или мало знакомымъ человѣкомъ, съ которымъ, по всей вѣроятности, Лысому не скоро пришлось бы встрѣтиться, въ его безсчетное распоряженіе, наличными деньгами пят-

1) Ратовать—спасать.

надцать копѣекъ серебромъ? т. е. оправдалъ либы онъ возложенное на него довѣріе, или соблазнившись суммой, за которую можно купить полштофа водки, и еще въ добавокъ за оставшіеся деньги булку на закуску, присвоилъ бы ее себѣ. Мы не видѣли никогда Лысаго въ подобныхъ обстоятельствахъ, и потому не беремся рѣшить этого вопроса; но полагаемъ, что соблазнъ былъ бы слишкомъ великъ. А вотъ устоялъ же однакожъ волицкій арендаръ! А если бы Сруль былъ ему хорошо знакомъ и если бы волицкій арендаръ бывалъ съ Срулемъ въ торговыхъ отношеніяхъ, или даже принадлежалъ къ тому же что и Сруль обществу, то безъ всякаго сомнѣнія онъ передалъ бы по принадлежности даже и врученную ему безъ всякой росписки и цѣлую сотню рублей.

Получивъ печальныя вѣсти о своемъ мужѣ, Перля, такъ какъ можно было ожидать что для того, чтобы освободить Сруля ей придется побывать у становаго и другихъ властей, нарядилась въ свои лучшіе наряды и пройдя пѣшкомъ до ближайшаго села, наняла тамъ подводу и отправилась въ Чернеліовку. Перля хотѣла хлопотать прежде у волостнаго, а потомъ въ случаѣ ежели она тутъ не успѣетъ, отправиться, судя по обстоятельствамъ, или къ становому, или къ мировому. Волица была Перлѣ по дорогѣ, и она остановилась возлѣ корчмы, гдѣ узнала отъ арендаря болѣе подробно о томъ, гдѣ, какимъ образомъ, и за что именно арестованъ ея мужъ и что въ волости находится теперь самъ мировой. Перля совершенно убѣждена была въ томъ, что Сруль не воровалъ двухъ рублей, но все-таки она видѣла, что ей предстоитъ много хлопотъ, такъ какъ были свидѣтели факта, что деньги найдены у Сруля въ карманѣ. Желая еще больше разъяснить себѣ дѣло, Перля отправилась въ хату къ Лысому. Когда Перля пришла къ Лысымъ, Юзько былъ уже на сходкѣ, Мотра, измученная вчерашними подвигами, чувствовала себя нездоровой и спала, запершись въ хатѣ, Прыська полола въ огородѣ и была весьма разстроена, Данило съ Иваномъ, пользуясь отсутствіемъ Лысаго и болѣзнью Мотры, отправились удить рыбу, а Маруся съ Федькомъ сидѣли возлѣ хаты, и Федька сквозь слезы улыбался, а Маруся, съ большимъ энтузіазмомъ, мылила своему муженьку голову, вымѣщая по немъ постигшія ее наканунѣ неудачи и

бѣдствія, и въ тоже время раздумывала о томъ, какимъ бы образомъ выручить Василя и потомъ изобрѣсть вмѣстѣ съ нимъ новое, болѣе удачное средство освободиться и отдѣлиться отъ родителей. Маруся была очень сердита, и потому, по всей вѣроятности, она прогнала бы Перлю, не объяснивъ ей ничего, вонъ со двора, если бы Перля не приняла своихъ мѣръ. Желая задобрить Марусю, Перля, отрекомендовавшись, поподчивала ее пряниками, которыми запаслась на всякій случай; Маруся благосклонно приняла пряники и вступила въ разговоръ.

— Раскажите мнѣ, какъ все это случилось? спрашивала Перля.

— Право не знаю, отвѣтила Маруся; тогда какъ вашего мужа взяли въ холодную, я сидѣла запершись въ каморѣ, и мнѣ было во все не до него.

— Понять не могу, какимъ образомъ эти деньги могли попасть въ карманъ моего Сруля? продолжала допрашивать Перля, пытливо глядя въ глаза то Марусѣ, то Федьку.

— Да Данило положилъ ихъ туда, со свойственною ему откровенностью отвѣтилъ Федько.

— Данило положилъ ихъ туда!? Какой это Данило, съ одушевленіемъ спросила Перля.

— Разумѣется нашъ Данило, сказалъ Федько.

— А! Вашъ Данило! и вы это видѣли?

— Да, я видѣлъ, какъ во время драки батьки съ Василемъ, а матери съ Марусей, Данило подполз къ сидящему тогда Срулю и всунулъ руку ему въ карманъ. Я еще подумалъ было, что Данило хочетъ украсть у вашего мужа его деньги.

— Почему же вы не сказали всю правду тогда, какъ моего мужа брали въ холодную спросила Перля.

— А мнѣ какое дѣло? Меня не спрашивали, такъ я и не говорилъ, а вотъ вы спрашиваете, и отвѣчаю то, что знаю, объяснялъ Федько, и говорилъ сущую правду.

— Голубчикъ вы мой, одумавшись умоляла Перля, поѣзжайте со мной въ волость и разскажите мировому, который теперь тамъ все, что вы мнѣ разсказываете, а я дамъ вамъ за то карбованца. Ей Богу дамъ! А ежели не вѣрите, то берите деньги впередъ, хоть сейчасъ.

Ежели бы мировой невзначай спросилъ Федька, какимъ об-

мазомъ попали Срулю въ карманъ деньги хромаго Ивана, если бы это было даже при Лысомъ, Мотрѣ и Данилѣ, и ежели бы даже, изъ страха къ родителямъ, Федько употребилъ всѣ силы души своей, чтобы скрыть истину, то, по всей вѣроятности, и тогда да же онъ не устоялъ бы и сказалъ бы мировому всю правду; поѣхать къ мировому нарочно для того только, чтобы откровенничать съ высокимъ сановникомъ и при такихъ обстоятельствахъ, показалось Федьку до того несообразнымъ, что онъ рѣшительно отказался и отъ предлагаемаго ему карбованца, и отъ поѣздки въ волость.

— Чего вы боитесь мироваго? убѣждала Перля Федька. Мировой такой добрый и такой справедливый, что его никто не боится. Маруся прислушивалась и соображала что то.

— Нѣтъ не поѣду, ни за что не поѣду, отвѣчалъ Федько. Во первыхъ, я никогда не говорилъ съ мировымъ и не знаю, какъ съ нимъ говорить, а кромѣ того въ волости теперь батько.

— Я сама буду за васъ говорить мировому, увѣряла Федька Перля, а вы въ знакъ того, что я говорю правду, кивайте только головой, и въ крайней лишь нуждѣ, скажите: *такъ, такъ*... Ну что мудренаго сказать: *такъ*?

— И *такъ* не скажу, потому что не поѣду.

— Поѣзжайте, голубчикъ, я дамъ вамъ карбованецъ сейчасъ же, а еще другой карбованецъ, когда выпустятъ моего Сруля.

— Батька боюсь.

— При мировомъ вамъ нечего бояться батька. На вашемъ мѣстѣ я бы еще пожаловалась ему, что вашу жену бьютъ родители, подбавила Перля.

Когда Маруся услыхала эти слова, въ ней сильно заговорила жажда мщенія, и она вспыхнула.

— Разумѣется, ты долженъ ѣхать къ мировому и разсказать ему всю правду, рѣшительно сказала Маруся Федькѣ. Пускай мировой знаетъ, какъ мучатъ, какъ бьютъ насъ на смерть, и какъ батько крадетъ у пана Пржепржендржевскаго его рои, а староста не только потакаетъ ему, но еще и помогаетъ мучить насъ. Сейчасъ же поѣзжай, Федько!

Федько не на шутку перепугался. Онъ зналъ хорошо свою

жену и чувствовалъ, что не отдѣлаться ему уже, и придется ѣхать.

— Да какъ же я поѣду, попытался, однакожъ Федько, когда я не знаю, какъ говорить съ мировымъ?

— Я вѣдь говорю вамъ, что буду за васъ говорить, сказала Перля. Я обо всемъ скажу и о томъ, что васъ мучатъ, и бьютъ, и что вашъ батько крадетъ у пана Прже.... Прже...... не выговорю.

— У пана Пржепржендржевскаго, подсказала Маруся.

— Ну да, у пана Прзепрзепржскаго рои, а вы скажите одно только слово: *такъ*, я буду говорить о томъ, что вашъ Данило всунулъ моему Срулю въ карманъ чужіе деньги.

— Помните же *пани Срулева*, убѣждала Ядвига, не забудьте сказать мировому, что насъ бьютъ, мучатъ, и крадутъ рои.

— Не забуду, ей Богу не забуду.

— Ну, собирайся, Федько. Впрочемъ что тутъ собираться, вонъ твой кошлюхъ, да и полѣзай сейчасъ же въ возъ. Садитесь *пани Срулева*.

Перля не заставила ожидать себя, а Маруся, не давъ Федьку опомниться, подталкивая его то подъ бокъ, то въ спину, усадила его возлѣ Перли, возъ тронулся и Федько, весьма смутно понимая, что съ нимъ творится, укатилъ въ волость къ мировому. Волость, какъ мы сказали уже, была очень близко отъ Волицы, а Перля, торопясь, понукала своего подводчика, и въ скоромъ времени Федько очутился возлѣ воротъ волости, и хотя, завидѣвъ кучу мужиковъ, старостъ, волостнаго, своего отца и самаго мироваго, чрезвычайно струсилъ, но отступать назадъ, какъ ни желалъ этого въ душѣ Федько, было уже поздно.

— Что ты тутъ дѣлаешь? спросилъ Лысый Федька, подойдя къ нему въ то время, когда Перля кричала мировому: ай вей! Ратуйте!

— Къ мировому я пріѣхалъ, отвѣтилъ Федько.

— Къ мировому?! А зачѣмъ?

— А затѣмъ, чтобы сказать ему, наивно говорилъ Федько, что вы мучите насъ и бьете, и крадете у пана Пржепржендржевскаго рои, и еще чтобы сказать, что жидокъ вчера не во-

ровалъ у Ивана денегъ, а что ему всунулъ ихъ въ карманъ Данило.

— *Чы* ты *сказывся,* Федько *чы* що? спросилъ испуганный Лысий сына.

— *Ни* я не сказывся, откровенно возразилъ Федько, а Маруся приказала мнѣ ѣхать и обо всемъ разсказать.

Лысий хотѣлъ было убѣдить сына немедленно возвратиться въ Волицу, но его въ то самое время потребовали къ мировому.

— Ратуйте, ратуйте, ясне вельможный панъ мировой! кричала между тѣмъ Перля. Мужики убили моего мужа.

— Мужики убили еврея! Гдѣ? и когда? спрашивалъ съ волненіемъ мировой.

— Вчера, ясне вельможный панъ, въ Волицѣ.

— Какъ! Вчера еще крестьяне въ моемъ участкѣ совершили убійство, возмущался мировой, и я ничего не знаю?! Волостной! объясни мнѣ, что это значитъ?

— Никакого жида мужики не убивали, отвѣтилъ волостной.

— Никогда ничего подобнаго и не бывало, добавилъ волицкій староста, догадываясь, однакожъ, въ чемъ дѣло.

— Что же ты толкуешь, спросилъ мировой Перлю. Кто убилъ твоего мужа?

— Въ Волицѣ, продолжала Перля есть мужикъ Лысый, такъ у него на полѣ убили моего мужа. Ой вей! Ой вей миръ! убили—на смерть убили. Ратуйте панъ мировой ратуйте!

Перля очень хорошо знала, что ея мужа вовсе не убивали, и что онъ живехенькій сидитъ теперь въ холодной, но разсчитала, что ежели она сообщитъ мировому о томъ только, что ея мужа посадили въ холодную, то быть можетъ, мировой, не обратитъ на подобный пустякъ и вниманія, и пожалуй, безъ суда и расправы укатитъ себѣ съ Богомъ; если же она скажетъ, что мужъ ея убитъ, то безъ всякаго сомнѣнія, это извѣстіе произведетъ эффектъ, и мировой вникнетъ въ сущность дѣла, и тогда можно будетъ объяснить ему, что мужъ ея, быть можетъ, еще и не убитъ, но близкій отъ страха и истязаній къ смерти, сидитъ теперь невинно въ холодной.

— Ой вей! Въ Волицѣ на пасѣкѣ у мужика Лысаго убили моего мужа, вопила Перля.

— У Лысаго? повторилъ мировой. А есть здѣсь этотъ Лысый? просилъ онъ у волостнаго.

— Есть, ваше высокоблагородіе.

— Позвать его сюда.

— Есть два Лысыхъ, кричала Перля, старый Лысый, пьяница и воръ и молодой Лысый, очень хорошій человѣкъ.

— Позвать и стараго и молодаго Лысаго, скомандовалъ мировой.

Юзько Лысый и Федько предстали предъ лицемъ мироваго.

— У васъ на пасѣкѣ убитъ жидъ? спросилъ ихъ мировой.

— Боже борони! перекрестившись, а потомъ склонивъ на бокъ голову, и растопыривъ руки, съ удивленіемъ отвѣтилъ Лысый. Отъ роду у меня никого еще не убивали.

— Что же это еврейка толкуетъ.

— Чы ни *придуркиваться* она? хитро и ловко замѣтилъ Лысый.

— Эо! догадался волицкій староста. Эта жидовка, ваше высокоблагородіе, *мае будь* (можетъ быть) та самая *скаженная*, которая, какъ я слышалъ, въ послѣднее время все разъѣзжаетъ по селамъ и выкидываетъ съ дуру разныя штуки.

— Какъ! сумашедшая? спросилъ повѣрившій этимъ словамъ мировой.

— Сумашедшая, отвѣтилъ Лысый.

— Сумашедшая, сумашедшая, съ увѣренностью подтвердилъ и волостной.

— Ну, Богъ съ ней, съ сумашедшей, нѣкогда мнѣ съ ней толковать, сказалъ мировой.

— Трогай! приказалъ онъ своему кучеру.

Кучеръ мироваго дернулъ возжами и, по всей вѣроятности, нейтачанка, не смотря на вопли Перли; спустя минуту укатила бы, ежели бы Федько, совершенно безсознательно, а собственно только по своей врожденной откровенной натурѣ, не далъ дѣлу совсѣмъ другаго оборота.

Федько перепуганный присутствіемъ отца, столькихъ сановниковъ, архи-сановника мироваго, и кромѣ того, будучи въ непоколебимомъ убѣжденіи, что онъ не знаетъ, какъ говорить

съ мировымъ, рѣшился, что тамъ ни скажи послѣ Маруся, и будь что будетъ, не произносить ровно ни одного слова. Исполняя свою рѣшимость, Федько уставилъ въ одинъ пунктъ неподвижно глаза и упорно молчалъ, когда до слуха его дошла вѣсть, что Перля скаженная. Федько, хоть и видѣлъ часто скаженныхъ собакъ, коровъ и свиней, но никогда не видѣлъ еще скаженной женщины, и потому, удивившись, что скаженная не укусила его, когда онъ съ нею ѣхалъ на одномъ возу переставилъ глаза съ избраннаго имъ прежде пункта на Перлю. Это было какъ разъ въ то время, когда Перля убѣдилась, что ея вопли не помогаютъ и что мировой уѣзжаетъ, и она съ отчаяніемъ, какъ бы ища вокругъ себя спасенія и оглядываясь кругомъ, встрѣтилась глазами съ Федькомъ, и вспомнила о его присутствіи тутъ и о помощи, которой она отъ Федька ожидала.

— Ясне вельможный панъ, закричала мировому Перля, вотъ и молодой Лысый знаетъ, что мой мужъ не кралъ денегъ, и что его не за что было убивать.

Федько продолжалъ молчать.

— Не слушайте сумашедшую, ваше высокоблагородіе, отозвался къ мировому Лысый.

— Трогай! повторилъ мировой своему кучеру.

— Постойте! Ай вей! Постойте! Постойте! умоляла Перля. Да что же ты молчишь? топнувъ ногой, въ энтузіазмѣ прикрикнула она на Федьку.

— Боюся, громко и внятно отвѣтилъ Федько.

— Ты боишься? Почему же и кого ты боишься? спросилъ Федька мировой, а промолчи или увѣрнись Федько, дѣло было бы кончено.

— Боюсь васъ и батька.

— Ты меня боишься, обидѣлся мировой, и батька? Значитъ въ самомъ дѣлѣ что то случилось.

— Онъ тоже придурковатый, сказалъ, надѣясь поправить дѣло, волостной, и при этомъ заморгалъ глазами точно также, какъ и тогда, когда увѣрялъ мироваго, что у него въ холодной нѣтъ арестантовъ.

— Онъ хоть и мой сынъ, но я не могу не признаться, что совсѣмъ *дурный*, сказалъ Юзько.

— Отъ роду дурень, увѣрялъ волицкій староста.

— Молчать всѣмъ! прикрикнулъ мировой, глядя на мигающіе глаза волостнаго. Да молчи же, еврейка! А ты, прибавилъ онъ, обращаясь къ Федьку, разскажи мнѣ все, что тамъ у васъ въ Волицѣ случилось.

— Боюся, повторилъ Федько.

— Чего же ты боишься? горячился мировой. Неужели тебѣ до сихъ поръ никто не разтолковалъ, что меня нечего бояться.

— Нѣтъ никто не разтолковалъ, откровенно отвѣтилъ Федько.

— Странно удивился мировой. Однакожъ внушительно прибавилъ онъ, долженъ же ты мнѣ говорить, если я тебѣ приказываю.

— Боюся, упорно твердилъ Федько.

Мировой понялъ, что путемъ убѣжденій не сладишь съ Федькомъ, и принялъ другаго рода тактику, которая оказалась успѣшнѣе.

— Говори, прикрикнулъ онъ на Федька,—кто убитъ въ Волицѣ?

— Никто не убитъ, но батько колотилъ Василя, а мати чуть чуть не убила мою Марусю.

— За что?

— За то, что мы хотѣли отдѣлиться, а Василь и Маруся хотѣли разсказать волостному, что батько крадетъ у пана Пржепржендржевскаго его рои.

Лысый такъ и обомлѣлъ.

— Жидъ былъ тамъ? предложилъ допросъ мировой.

— Былъ у насъ и жидъ.

— Гдѣ же онъ теперь?

— Сидитъ вмѣстѣ съ нашимъ Василемъ здѣсь въ волости въ холодной.

Волицкій староста перепугался не меньше Лысаго, а волостной тутъ же составилъ въ головѣ своей планъ оправданія и защиты.

— Какъ! Въ холодной находятся арестанты, а ты солгалъ предо мной, что ихъ тамъ нѣтъ, обратился съ гнѣвомъ мировой къ волостному.

— Въ холодной нѣтъ арестантовъ, упирая съ особенной си-

лой на слово *арестанты*, съ увѣренностью отвѣтилъ волостной. Правда, что тамъ сидитъ Василь Лысый изъ Волицы, и еще одинъ жидокъ, но развѣ это арестанты?

— Да что ты съ ума сошелъ или шутишь со мной? удивлялся мировой, какъ же это не арестанты, когда они сидятъ арестованными въ холодной.

— Они, ваше высокоблагородіе, не арестованы, потому что никто и не думалъ арестовать ихъ, а просто ихъ заперли въ холодную. Вотъ ежели бы они кого нибудь убили, или ограбили, или украли что нибудь, тогда они были бы арестанты, разсуждалъ волостной; а это что за арестанты? мужикъ, котораго посадили въ холодную за то что побуянилъ, и жидокъ, на котораго сказали, что онъ укралъ два рубля? Да и укралъ ли онъ еще ихъ? Быть можетъ на него выдумали, что онъ укралъ, такъ какой же онъ арестантъ?

— Мировой очень хорошо понималъ, что волостной дурачилъ его и ему стало досадно.

— Да что ты врешь, кричалъ онъ. Я тебя смѣню съ должности, я тебя самого въ холодную посажу.

— Воля ваша, ваше высокоблагородіе, но я тутъ ровно ничего не виноватъ, упорно твердилъ волостной. Не могъ же я не посадить въ холодную мужика, который буянилъ и лѣзъ драться съ роднымъ отцомъ!

— Да какъ же ты осмѣлился солгать мнѣ, что въ холодной нѣтъ арестантовъ? кричалъ мировой.

— Я не солгалъ, а сказалъ сущую правду, смѣло глядя на мироваго и только моргая глазами, твердилъ волостной. Я не привыкъ называть арестантомъ всякаго, кто провинится немного.

— Вонъ! потерявъ терпѣніе, закричалъ мировой и, соскочивъ съ своей нейтачанки, приказалъ одному изъ старостъ вести себя въ холодную, а когда онъ скрылся изъ виду, волостной продолжалъ говорить мужикамъ, съ непоколебимою увѣренностью о своей невинности, что на него совсѣмъ напрасно нападаютъ, потому что когда его спросилъ мировой: нѣтъ ли въ холодной арестантовъ, то ему никакъ не могла придти въ голову подобная несообразность, чтобы можно было назвать арестантомъ мужика, который немного побуянилъ, или жидка, по-

дозрѣваемаго, быть можетъ, совсѣмъ безвинно въ покражѣ какихъ-нибудь двухъ рублей!

Когда мировой вошелъ въ холодную, Василь растянувшись на голой землѣ храпѣлъ во всю грудь, а Сруль, усѣвшись на корточкахъ въ уголкѣ, задремавъ отъ душевнаго и физическаго утомленія кивалъ своей бородкой. Когда Василя привели наканунѣ въ холодную, онъ долго волновался, вспоминая постигшія его жестокія неудачи, но потомъ успокоился, заснулъ и спалъ уже болѣе полусутокъ непробуднымъ сномъ. Сруль, напротивъ того, во всю ночь не могъ уснуть. Въ холодной было и тѣсно, и грязно, и сыровато; но все это еще бы ничего; но Сруля мучило воспоминаніе о томъ, что день начался для него при такихъ блестящихъ надеждахъ, а между тѣмъ онъ не только *непогандлевалъ* ни на одинъ грошъ, но, по всей вѣроятности, ему и не придется купить уже въ Волицѣ ни одной шкуры, потому что цѣлое село знаетъ уже о томъ, что онъ заподозрѣнъ въ воровствѣ; а кто захочетъ имѣть дѣло съ заподозрѣннымъ и осрамленнымъ публично человѣкомъ? Кромѣ того хотя Сруль и убѣжденъ былъ, что его скоро выпустятъ; но онъ зналъ и то, что ему придется откупиться, тѣмъ болѣе, что волицкій староста предупреждалъ его, что новый волостной не любитъ шутить по пустякамъ, и его мучилъ вопросъ: сколько-то съ него слупятъ? На мироваго Сруль совсѣмъ не разсчитывалъ: онъ убѣжденъ былъ, что отъ него скроютъ его арестъ. Срулю приходило въ голову, что ему слѣдуетъ вопить и стонать что есть мочи, и что такимъ образомъ, быть можетъ, его вопли дойдутъ до слуха мироваго, и, дѣйствительно, Сруль попытался было заревѣть; но вскорѣ онъ убѣдился, что трудъ его напрасенъ, такъ какъ холодная такъ далеко отъ волости, что, какъ онъ ни кричи, а его тамъ не услышатъ. На Перлю тоже малая была надежда. Во первыхъ, Сруль не былъ убѣжденъ въ томъ, что волицкій арендаръ пошлетъ посланца, а не предпочтетъ оставить данный ему злотый у себя, потомъ найдется-ли неопытная Перля, что ей дѣлать, наконецъ, застанетъ ли она еще въ волости мироваго?

Всѣ эти соображенія до того терзали Сруля, что онъ во всю ночь не могъ сомкнуть глазъ. Отъ безсонницы, нервы Сруля разстроились пуще прежняго, а воображеніе воспламенилось, и

тѣмъ дольше Сруль сидѣлъ въ холодной, тѣмъ ярче въ воображеніи его рисовались самыя страшныя и мрачныя картины. То мерещилось Срулю, что мужики станутъ бить и терзать его такъ же, какъ Мотря била и терзала Марусю, то казалось, что его продержутъ здѣсь нѣсколько сутокъ, и что онъ съ голоду не вытерпитъ и, пожалуй, наѣстся *трефной*, 1) и Сруля тошнило, отъ отвращенія къ *трефному*,—то наконецъ, что всего хуже-ему воображалось, что мужики сдерутъ съ него всѣ деньги и ему, о ужасъ! не будеть, ой вей миръ, не будетъ, чѣмъ заплатить пану *квартальовой раты* и, увы! Сруля прогонятъ изъ его корчмы! Утомленный, почти въ бреду, Сруль задремалъ наконецъ какъ разъ за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, когда мировой вошелъ въ холодную. Срулю мерещилось во время кратковременнаго сна, что Мотря грызетъ его за ноги, а страшный волицкій староста бьетъ по щекѣ и требуетъ за освобожденіе цѣлыхъ двадцать пять карбованцевъ! Волицкій староста тоже сопровождалъ мироваго въ холодную, а его длинная сѣдая борода, была первымъ предметомъ попавшимся Срулю въ глаза послѣ того, какъ онъ проснулся. Думая, что его сей часъ же станутъ бить, неуспѣвшій еще совсѣмъ очнуться Сруль, вообразилъ себѣ, что ему слѣдуетъ бѣжать; но видя, что дверь занята людьми, онъ метался, куда попало и, хлопнувшись лбомъ объ стѣну, упалъ лицемъ на землю. Ударъ и паденіе заставили Сруля опомниться, и Сруль разсудилъ, что ему слѣдуетъ притвориться, что онъ убился до смерти, потому что такимъ образомъ онъ можетъ возбудить если не состраданіе, то опасеніе слѣдствія по поводу происшествія, и тогда быть можетъ, дѣло такъ устроится, что его выпустятъ, не взявъ съ него ни гроша.

Мировой былъ еще за дверьми холодной, когда Сруль упалъ, а въ холодной было темно, и потому, когда мировой вошелъ туда и нѣсколько попривыкъ къ темнотѣ, то былъ пораженъ, увидѣвъ лежащими замертво, на землѣ, въ грязи, два человѣческія существа. Мысль возможности убійства, сдѣланнаго крестьянами въ его участкѣ, не выходила изъ головы мироваго, а

---

1) Трефное—нечистое. Всякая птица употребляемая христіанами почитается евреями трефною.

тутъ какъ разъ неподвижно лежитъ въ болотѣ жидъ, а Перля, ворвавшись въ холодную, съ оглушительнымъ воплемъ припала къ покойнику. У мироваго воображеніе было довольно пылкое, и онъ пришелъ въ страшное волненіе, убѣдившись, что Перля говорила правду.

— Ну что-не говорила ли я вамъ, что его убили? вопила Перля, а Сруль, ущипнувъ ее за ногу, подалъ сигналъ, что онъ живехенекъ.

— Но разскажи мнѣ, какъ все это случилось?

— Моему Срулю, когда онъ заснулъ на пасѣкѣ у Лысаго, Данило всунулъ нарочно въ карманъ два рубля, а потомъ къ Срулю привязались, били, убили и бросили въ холодную. Федько самъ говоритъ, что видѣлъ, какъ Данило всунулъ Срулю въ карманъ эти деньги. Ты видѣлъ это Федько?

— А видѣлъ, отвѣтилъ Федько.

Когда Сруль услыхалъ эти слова, то убѣдился, что онъ вполнѣ оправданъ и что къ нему не могутъ уже привязаться. Прійдя къ этому заключенію, Сруль рѣшился, что ему нѣтъ болѣе никакой надобности валяться въ грязи и пачкать свой парадный купеческій кафтанъ, а потому сію же минуту бодро вскочилъ на ноги, чѣмъ привелъ не въ малое удивленіе мироваго. Спустя минуту, дѣло о двухъ рубляхъ разъяснилось окончательно, и Сруль былъ свободенъ какъ птица. Но, увы! онъ не радовался своей свободѣ, потому что улетѣли, безъ всякихъ барышей, цѣлыхъ два дня, погибли розовыя мечты о блестящихъ спекуляціяхъ и мало того, еще и Перля порядочно поистратилась, освобождая своего возлюбленнаго узника.

Между тѣмъ проснулся Василь, и мировой пожелалъ самъ разобрать его дѣло съ родителями.

— Бьютъ насъ родители и мучатъ, жаловался мировому Василь, и не хотятъ отдѣлить, а только держатъ насъ при себѣ, какъ *наймытовъ* и заставляютъ цѣлые дни и ночи работать.

— За что же ты съ женой бьешь и мучишь дѣтей? спросилъ мировой Лысаго.

Лысый, какъ мы уже это знаемъ, былъ человѣкъ практическій и тонкій, и потому лишь только мировой вмѣшался въ его дѣло съ дѣтьми, то сей часъ же рѣшилъ въ умѣ своемъ,

что ему гораздо выгоднѣе раздѣливъ дѣтей, отдѣлиться отъ нихъ разъ на всегда, чѣмъ поднимать исторію о рояхъ пана Пржепржендржевскаго, и онъ отвѣтилъ:

— Ваше высокоблагородіе! мы не бьемъ и не мучимъ дѣтей, а чтобы доказать, что мы для нихъ снисходительные родители, я готовъ хоть сей часъ же отдѣлить отъ себя женатыхъ сыновей.

— И прекрасно сдѣлаешь, отвѣчалъ мировой: такимъ образомъ избѣжишь ссоръ и дракъ. Я хочу, однакожъ, знать, обратился онъ къ Василю, правда ли то, что твой отецъ крадетъ у какого то пана его пчелы?

— Это сущая ложь, поспѣшилъ съ отвѣтомъ Лысый. Василь выдумывалъ на меня съ досады всякія небылицы за то, что я не спѣшилъ отдѣлить его, а теперь, вѣрно, онъ и самъ сознается, что *сбрехалъ*.

Василь подумалъ, что такъ какъ Лысый объявилъ въ присутствіи самого мироваго, что онъ отдѣлитъ его и Федька, то теперь уже не увернется и таки отдѣлитъ, а потому ему нѣтъ ни малѣйшей уже надобности обвинять отца и лишать его благосостоянія, и онъ покаялся, что *обрехалъ*, будто его отецъ крадетъ у пана Пржепржендржевскаго рои. На счастье Лысаго мировой былъ утомленъ безконечной возней и уѣхалъ изъ волости, не спросивъ на счетъ роевъ Федька, который непремѣнно сказалъ бы всю правду. Дня три спустя, мировой смѣстилъ съ должностей новаго волостнаго и волицкаго старосту, и на ихъ мѣста назначены болѣе надежные люди.

Когда Лысый возвратился домой и объявилъ Мотрѣ, что онъ согласился уже на отдѣлъ сыновей и даже объявилъ объ томъ самому мировому, то Мотра, въ увлеченіи и крайней досадѣ, вцѣпилась было Лысому въ бороду; но Василь весьма безцеремонно вмѣшался въ дѣло и не допустилъ родителей къ дракѣ, а Маруся злилась, что ей не удалось быть свидѣтельницей, какъ Лысый таскаетъ Мотру за косу. Приступили наконецъ къ отдѣлу; но дѣло долго не ладилось. Лысый и Мотра наровили дать дѣтямъ какъ можно поменьше, а Василь, Маруся и Прыська, если бы могли, то все забрали бы. Ссоры были нескончаемыя, часто доходило и до дракъ, но наконецъ сыновья Лысаго таки отдѣлились и зажили своими хозяйствами. Но хо-

зяйства у молодыхъ хозяевъ, къ превеликой радости Мотры не клеилось; потому что лѣнивая Прыська ничего не хотѣла дѣлать, а неизлечимое простодушіе Федька, вѣчно парализировало всѣ хозяйственные и спекуляційные замыслы и планы Маруси. Лысый, послѣ отдѣла сыновей началъ еще чаще прежняго обращаться къ своему *глечику* и уже пилъ не изъ рюмки, а тянулъ прямо изъ *глечика*.

Послѣ неудачныхъ похожденій въ Волицѣ, Сруль окончательно упалъ духомъ.

— Мешигене ты, мешигене, Перля! не разъ гнусливо бормоталъ онъ, сидя въ своей корчмѣ. Зачѣмъ нечистая сила попутала твоихъ родителей отдать тебя замужъ за несчастнѣйшаго изъ жидковъ, которому никогда не удасться ни одинъ счастливый *гандель*. Горе мнѣ! Несчастіе мое! Молитва обо мнѣ самаго Абрамка Коростышевскаго, какъ видно изо всего, неугодна Богу!

ЗАПИСКА

о предварительныхъ дѣйствіяхъ епархіальнаго начальства къ открытію Кіево-миссіонерскаго Комитета.

Инородцы, обитающіе въ предѣлахъ Сибири, съ самаго покоренія этого края, составляли и доселѣ составляютъ попечительную заботу православной Церкви Русской о просвѣщеніихъ свѣтомъ вѣры Христовой; съ этою цѣлію учреждены православныя миссіи, долженствующія внесть свѣтъ вѣры Христовой въ коснѣющую тьму невѣрія. Дѣло святое, въ высшей степени благотворное, но въ такой же степени и трудное. Миссіонеры, какъ извѣстно изъ офиціальныхъ и частныхъ свѣдѣній, на каждомъ шагу должны бороться и съ грубымъ упорствомъ невѣрія, и съ неудобствами мѣстной природы, и съ нуждами обыденной жизни, а часто со всѣми вмѣстѣ. Препобѣждая, съ помощію Божіею, нравственныя препятствія своею личною энергіею въ борьбѣ съ послѣдними двумя, миссіонеры нерѣдко сами бываютъ если не совсѣмъ побѣждаемы, то значительно обезсиливаемы, оттого недостигаютъ полнаго успѣха въ своихъ многотрудныхъ подвигахъ. Вѣрные своему призванію и подви-

заясь въ немъ до готовности принесть въ жертву миссіонерскому дѣлу свои личныя силы, миссіонеры одушевляются надеждою на помощь въ матеріальномъ отношеніи со стороны сыновъ православной русской церкви, и тогда только дѣло миссіонерское можетъ быть благоуспѣшно, когда примутъ въ немъ участіе православные своими посильными жертвами. Необходимо пособіе не для удовлетворенія только личныхъ нуждъ миссіонеровъ, но и для самыхъ обращаемыхъ ими; симъ послѣднимъ нужна пища, нужна одежда и другія потребности житейскія. А что всего нужнѣе для миссіонерскаго дѣла, такъ это—устройство и содержаніе миссіонерскихъ церквей, устройство и содержаніе школъ, изданіе книгъ, приспособленныхъ къ разумѣнію и духовнымъ потребностямъ инородцевъ и т. п. Доколѣ эти потребности не будутъ удовлетворены въ достаточной мѣрѣ, дотолѣ проповѣдуемая вѣра твердо стоять тамъ не можетъ; а доколѣ не утвердится между инородцами вѣра Христова, дотолѣ невозможно расчитывать на ихъ готовность удовлетворить всѣмъ этимъ потребностямъ изъ мѣстныхъ источниковъ. Такъ разсуждаютъ тѣ, кои лично знаютъ положеніе миссіонерскаго дѣла, и вотъ по ихъ-то инниціативѣ, съ Высочайшаго соизволенія, подъ Высочайшимъ покровительствомъ Благочестивѣйшей Государыни нашей Императрицы Маріи Александровны, учреждено центральное миссіонерское общество въ Москвѣ, а въ губернскихъ городахъ россійской Имперіи открываются, какъ отдѣленія его, комитеты, съ цѣлію содѣйствовать православнымъ миссіямъ въ дѣлѣ обращенія въ православную вѣру, обитающихъ въ предѣлахъ русской имперіи не христіанъ, и утвержденія обращенныхъ какъ въ истинахъ св. вѣры, такъ и въ правилахъ христіанской жизни. (Уст. пр. мис. общ. § 6). Содѣйствіе это состоитъ въ томъ, что, возбуждая и развивая между православными христіанами дѣятельное сочувствіе къ достиженію указанной цѣли, общество миссіонерское и его комитеты доставляютъ матеріальныя пособія на содержаніе миссіонерскихъ церквей, школъ, больницъ и т. п., а также на изданіе книгъ, приспособленныхъ къ разумѣнію и духовнымъ потребностямъ инородцевъ, и содѣйствуютъ миссіямъ въ устраненіи всякаго рода препятствій успѣху миссіонерской дѣятельности (тамъ-же § 7). Съ этою же цѣлію, и на такихъ же основаніяхъ открывается отдѣленіе миссіонер-

скаго общества и въ нашемъ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, подъ предсѣдательствомъ высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, митрополита кіевскаго (Уст. § 49), и будетъ именоваться „кіевскимъ комитетомъ православнаго миссіонерскаго общества." Кіевскій комитетъ будетъ состоять, кромѣ предсѣдателя, изъ товарища его и изъ 8 членовъ (§§ 50, 51), и сверхъ сего при комитетѣ состоитъ казначей и дѣлопроизводитель. Кіевскій комитетъ православнаго миссіонерскаго общества имѣетъ свою печать съ изображеніемъ св. Евангелія и св. Креста въ сіяніи, съ надписью: „Печать Кіевскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества," и пользуется правомъ безплатной почтовой пересылки, письменной корреспонденціи и тюковъ съ вещами. Въ дѣйствіяхъ своихъ кіевскій комитетъ руководится правилами, указанными для него въ Высочайше утвержденномъ уставѣ.

Принимая во вниманіе важность дѣла миссіонерскаго, и желая доставить ему благопотребное содѣйствіе, высокопреосвященнѣйшій Арсеній, митрополитъ кіевскій, и его викарій, преосвященнѣйшій Порфирій, епископъ чигиринскій, предварительно открытію въ Кіевѣ миссіонерскаго комитета сочли нужнымъ войти въ соображеніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, которыя-бы могли благопріятствовать открытію его и упрочить дальнѣйшее его существованіе. Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Арсеній, увѣдомляя (изъ Петербурга), отъ 3 февраля сего 1870 года, преосвященнѣйшаго Порфирія объ открытіи въ Москвѣ миссіонерскаго общества, и препровождая уставъ сего общества, поручилъ ему войти въ сношеніе съ г. генералъ-губернаторомъ кіевскимъ и съ г. начальникомъ губерніи, съ начальниками отдѣльныхъ частей управленія военнаго и гражданскаго, съ епархіальнымъ духовенствомъ, съ городскимъ обществомъ, присовокупивъ притомъ, что онъ и съ своей стороны отнесся къ г. кіевскому генералъ-губернатору и начальнику губерніи. Его сіятельство, г. кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, генералъ-лейтенантъ князь А. М. Дондуковъ Корсаковъ, въ отношеніи своемъ къ преосвященному Порфирію, отъ 7 марта (№ 1167) выразилъ, что онъ съ своей стороны не преминетъ оказать самое живое содѣйствіе при открытіи и учрежденіи миссіонерскаго общества въ Кіевѣ. Его превосхо-

дительство г. кіевскій губернаторъ М. К. Катакази въ отношеніи своемъ къ преосвященному Порфирію, (отъ 7 марта за № 2585), выразилъ также „особенное сочувствіе къ богоугодному (миссіонерскому) дѣлу, и полную готовность содѣйствовать къ достиженію начала его и движенія." Съ духовенствомъ города Кіева преосвященнѣйшій Порфирій вошелъ въ сношеніе лично, пригласивъ къ себѣ преосвященнаго епископа Александра, ректора кіевской академіи, архимандрита Филарета, ректора кіевской семинаріи, архимандрита Ѳерапонта, благочиннаго монастырей кіевской епархіи, архимандрита Ѳеофила, каѳедральнаго протоіерея П. Лебединцева, ключаря собора, протоіерея Н. Оглоблина, благочинныхъ кіевскихъ градскихъ церквей, протоіереевъ В. Каменскаго и Н. Дашкевича, и намѣстника михайловскаго монастыря архимандрита Дамаскина. Въ этомъ собраніи выслушано было предложеніе высокопреосвященнѣйшаго митрополита Арсенія преосвященнѣйшему Порфирію касательно открытія въ Кіевѣ комитета православнаго миссіонерскаго общества, прочитанъ Высочайше утвержденный уставъ миссіонерскаго общества и его епархіальныхъ комитетовъ. Послѣ сего преосвященнѣйшій Порфирій, въ качествѣ председателя, обратился къ собравшимся съ приглашеніемъ принять участіе въ богоугодномъ миссіонерскомъ дѣлѣ, и когда всѣ изъявили на то свое согласіе, избралъ изъ нихъ 4-хъ въ дѣйствительные члены открываемаго кіевскаго комитета миссіонерскаго общества, а именно: ректора кіевской академіи, архимандрита Филарета, ректора семинаріи архимандрита Ѳерапонта, каѳедральнаго протоіерея П. Лебединцева, ключаря собора, протоіерея Н. Оглоблина, а преосвященнѣйшій епископъ Александръ принялъ на себя должность 2-го помощника председателя. Такъ какъ этимъ первоначальнымъ актомъ положено, можно сказать, и основаніе комитету, и начало дѣйствіямъ его, то для дальнѣйшихъ дѣйствій его, какъ то: для сношенія съ лицами, приглашенными къ участію въ кіевскомъ комитетѣ, для принятія и храненія денегъ, вносимыхъ изъявившими согласіе участвовать въ миссіонерскомъ комитетѣ и проч., преосвященнѣйшій Порфирій назначилъ казначеемъ намѣстника михайловскаго монастыря архимандрита Дамаскина, а дѣлопроизводителемъ протоіерея Василія Каменскаго. Наконецъ преосвященнѣйшій Порфирій всѣмъ

выше поименованнымъ лицамъ поручилъ приглашать къ участію въ миссіонерскомъ дѣлѣ подвѣдомственныхъ имъ лицъ, предоставивъ и себѣ отнестись о томъ же къ вліятельнымъ лицамъ въ городѣ Кіевѣ. Независимо отъ сего высокопреосвященнѣйшій Арсеній, митрополитъ кіевскій, желая распространить извѣстность открытія въ Кіевѣ комитета православнаго миссіонерскаго общества во всей паствѣ своей и вызвать ея сочувствіе къ благому миссіонерскому дѣлу, предложилъ (4 августа за № 8) кіевской консисторіи извѣстить о томъ все духовенство кіевской епархіи чрезъ благочинныхъ, съ приглашеніемъ отъ имени его высокопреосвященства, чтобы оно и по званію своему и сану, съ миссіонерскимъ дѣломъ неразрывно и неотложно соединеннымъ, и по извѣстной ему готовности его на все доброе, и само приняло въ семъ богоугодномъ дѣлѣ живое участіе, и наилучшихъ членовъ паствъ своихъ словомъ пастырскихъ увѣщаній къ тому же располагало и призывало, не требуя большихъ пожертвованій, но довольствуясь и самыми малыми, ежегодными или единовременными; ибо и малое пожертвованіе, во славу Божію и для спасенія ближняго сдѣланное, Господь пріемлетъ съ благоволеніемъ. Причемъ высокопреосвященнѣйшій архипастырь предложилъ выразить со благочиннымъ не только его желаніе, но и убѣдительную просьбу, чтобы они, если сами, по какимъ-либо причинамъ уважительнымъ, не могутъ ко времени открытія комитета прибыть въ Кіевъ для личнаго присутствія, то прислали бы отъ каждаго благочинническаго округа, въ качествѣ депутатовъ, по одному или по два священника вмѣсто себя, съ именными списками изъявившихъ согласіе участвовать въ дѣйствіяхъ сего въ строгомъ смыслѣ благотворительно христіанскаго учрежденія. О томъ же объявлено монастырскимъ настоятелямъ чрезъ благочиннаго монастырей. Въ тоже время высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Арсеній, имѣя въ виду 14 § устава миссіонерскаго общества, отнесся къ ея сіятельству, княгинѣ Надеждѣ Александровнѣ Дондуковой-Корсаковой съ приглашеніемъ принять и свое личное участіе въ миссіонерскомъ дѣлѣ, и пригласить къ тому-же особъ ея пола, чтобы, такимъ образомъ, составивъ отдѣльное общество, онѣ своимъ служеніемъ святому миссіонерскому дѣлу напоминали то благословенное время, когда благочестивыя жены, во время земнаго служенія Го-

вода вашего дѣлу спасенія рода человѣческаго, служили Ему отъ своихъ имѣній. Слѣдствіемъ этихъ сношеній было самое охотное заявленіе сочувствія къ миссіонерскому дѣлу; особенно сочувственно отозвались на приглашеніе служащіе на кіевской станціи желѣзной дороги. Такимъ образомъ по первому приглашенію къ настоящему времени считается 237 участниковъ въ кіевскомъ комитетѣ миссіонерскаго общества, изъ нихъ 195 съ правомъ именоваться членами комитета; собрано денегъ 760 р. 39 к., изъ нихъ употреблено въ расходъ на вырѣзку 2-хъ печатей (для сургуча и для чернилъ), на напечатаніе членскихъ книжекъ и билетовъ и на другіе канцелярскіе предметы, всего 68 р.; въ наличности къ настоящему времени состоитъ 692 р. 39 к., кои хранятся въ церковной кладовой при михайловскомъ монастырѣ. Сверхъ сего ея превосходительство Софія Васильевна Бутовичъ, извѣстная своею любовію къ благотворительности, пожертвовала два священническихъ парчевыхъ облаченія, 2 плащаницы вышитыя золотомъ по пунцовому бархату, наперсную дароносицу для болящихъ, 2 иконки финифтевыя и двѣ вытиснутыя на рогѣ; Кіево-Печерская Лавра пожертвовала разныхъ книгъ своей типографіи на 237 р. 80 коп. Настоятель корсунскаго монастыря, игуменъ Іона съ братіею пожертвовалъ книгъ и вещей на 40 р. Всѣ подобнаго рода приношенія, какъ и денежныя, хотя бы и самыя малыя, для миссіонеровъ составляютъ значительное пособіе, потому что нужды ихъ многочисленны и многообразны. Для крещенныхъ инородцевъ нужны крестикъ, ленточка, платочекъ и т. п., и все принимается какъ жертва богоугодная. Весьма небольшія доли беретъ пчела съ полевыхъ цвѣтовъ, но изъ нихъ она составляетъ соты; и такое малое приношеніе въ забвеніи не остается: въ сотахъ слышенъ запахъ цвѣтовъ, а цвѣты благоухаютъ ароматами сотовъ. Такъ у Бога, устрояющаго обращеніе грѣшника, и малая услуга того, кто содѣйствуетъ обращенію его, сторицею воздается.

Матерь городовъ русскихъ Кіевъ, прежде другихъ просвѣтившийся свѣтомъ вѣры Христовой, въ свою очередь служилъ хранилищемъ этого свѣта для странъ русскихъ. Онъ и теперь благоухающею святынею своею привлекаетъ къ себѣ любящихъ благочестіе, сообщая имъ благодатное утѣшеніе, и, ко-

жетъ быть, не одну мрачную душу озаритъ свѣтомъ благодатнымъ. Посему естественно ожидать отъ него материнскаго сочувствія къ дѣлу просвѣщенія свѣтомъ вѣры Христовой сѣдящихъ во тьмѣ невѣрія соотечественниковъ нашихъ.

Протоіерей *В. Каменскій.*

ОТКРЫТІЕ КІЕВСКАГО КОМИТЕТА ВСЕРОССІЙСКАГО ПРАВОСЛАВНАГО МИССІОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА.

14-е сентября сего года надолго останется въ памяти кіевлянъ; въ этотъ день послѣдовало открытіе кіевскаго комитета всероссійскаго православнаго миссіонерскаго общества и—совершено съ полною торжественностію.

По распоряженію предсѣдателя комитета высокопреосвященнѣйшаго владыки нашего митрополита Арсенія открытіе комитета совершилось въ кіево-братскомъ монастырѣ, въ академической для торжественныхъ собраній залѣ. Знаменателенъ въ этомъ случаѣ выборъ владыкою мѣста для открытія комитета: братскій монастырь въ началѣ своего существованія составлялъ православное братство для противудѣйствія католицизму; что иное и учрежденное миссіонерское общество, какъ не общее всероссійское братство, имѣющее задачею распространеніе свѣта Христова ученія между живущими въ Россіи язычниками? При кажущейся разности въ задачѣ, и древнее богоявленское братство и новое миссіонерское общество имѣютъ однакожъ одну главную цѣль—господства и торжество въ Россіи истиннаго свѣта ученія Христа Спасителя нашего надъ мракомъ невѣрія и иновѣрія. Поэтому какъ нельзя болѣе кстати было—новымъ ревнителямъ по вѣрѣ собраться въ тѣхъ стѣнахъ, гдѣ жили и подвизались древніе ревнители православія.

Открытію комитета предшествовала божественная литургія, которую торжественно совершилъ въ братской богоявленской церкви его высокопреосвященство, при сослуженіи преосвященнаго Порфирія викарія кіевскаго и преосвященнаго Александра, шести архимандритовъ, двухъ протоіереевъ и двухъ іеромонаховъ. Большая братская церковь не могла вмѣстить въ себѣ всѣхъ, поспѣшившихъ во св. храмъ, сколько ради церковнаго праздника, столько же и еще болѣе для выраженія своего со-

ственнаго и матеріальнаго сочувствія и содѣйствія благому начинанію, на которое испрашивалось благословеніе Божіе. Въ концѣ литургіи протоіерей Н. А. Ѳаворовъ произнесъ поучительное слово, примѣнительное сколько ко дню церковнаго праздника, столько же и къ открытію миссіонерскаго комитета (Слово его помѣщено въ предыд. № Кіев. Епарх. Вѣдомостей).

Вслѣдъ за божественной литургіей высокопреосвященнѣйшимъ владыкою митрополитомъ и двумя преосвященными, съ участіемъ 8 архимандритовъ и многочисленнаго собора протоіереевъ и священниковъ, отправлено было нарочитое молебное пѣніе о преуспѣяніи миссіонерскаго общества и дѣла; въ концѣ молебна возглашено многолѣтіе: Государю Императору и всему Царствующему Дому, Св. Синоду и митрополиту кіевскому Арсенію, наконецъ всѣмъ ревнителямъ и благожелателямъ православнаго миссіонерскаго общества.

Непосредственно по окончаніи молебна (былъ часъ по полудни) владыка митрополитъ прямо изъ церкви, въ мантіи, съ посохомъ въ рукѣ, въ сопровожденіи преосвященныхъ и всѣхъ, изъявившихъ желаніе принять участіе въ предначинаемомъ спасительномъ дѣлѣ, шествовалъ въ академическую залу, въ которую общество вступило при пѣніи пѣвчими тропаря: днесь благодать Св. Духа насъ собра и проч., и за тѣмъ, по преподаніи архипастыремъ благословенія, собраніе заняло свои мѣста. Многочисленно было это собраніе; оно наполняло обширную академическую залу,—и душа не могла не радоваться при видѣ множества различнаго званія и состоянія лицъ, столь сочувственно отнесшихся къ предпринимаемому дѣлу. Здѣсь были: его сіятельство К. П. и В. генералъ-губернаторъ, князь А. М. Дундуковъ-Корсаковъ съ супругою его превосходительство кіевскій губернаторъ М. К. Катакази, начальникъ мѣстныхъ войскъ, около 100 лицъ духовнаго вѣдомства—настоятели монастырей, мѣстные протоіереи и священники и уѣздные оо. благочинные, нарочито по приглашенію владыки прибывшіе къ этому дню въ Кіевъ, лица ученыхъ сословій, лица гражданскаго вѣдомства и кіевскій градскій голова съ обществомъ купцовъ и мѣщанъ. Изъ среды святителей русскихъ, изображенія которыхъ украшаютъ стѣны академической залы. Святитель христовъ Иннокентій иркутскій, просвѣтитель язычниковъ сибир-

скихъ, невидимо благословлялъ изъявившихъ желаніе и усердіе споспѣшествовать продолженію начатаго имъ дѣла—просвѣщенія свѣтомъ христовымъ языческихъ племенъ на дальнемъ востокѣ нашего отечества.

Затѣмъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Арсеній, вставши съ своего предсѣдательскаго мѣста, причемъ и все собраніе встало также съ мѣстъ своихъ, обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой, указавши на значеніе Кіева въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи свѣтомъ христіанства и на нашъ долгъ,—слѣдуя примѣру предковъ,—по мѣрѣ своихъ силъ и возможности содѣйствовать сѣятелямъ Слова Божія тамъ, куда не проникъ еще благотворный его свѣтъ, убѣждалъ всѣхъ словомъ апостольскимъ: *изнести благіе плоды праведныхъ трудовъ своихъ въ житницу небесную*, на пользу дѣла по преимуществу богоугоднаго и благоплоднаго (Рѣчь помѣщена въ предыдущемъ №).

Вслѣдъ за рѣчью высокопреосвященнѣйшаго митрополита Арсенія, прочитана была, по распоряженію его, краткая записка, составленная дѣлопроизводителемъ протоіереемъ Василіемъ Каменскимъ. (Записка помѣщена выше).

Послѣ прочтенія записки высокопреосвященнѣйшій предсѣдатель комитета предложилъ собранію избрать изъ среды своей четырехъ членовъ комитетскаго совѣта въ помощь къ стольким же членамъ, уже предъизбраннымъ изъ среды кіевскаго духовенства, въ каковое званіе избраны: дѣйствительный статскій совѣтникъ Ѳаддей Семеновичъ Виноградовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Давидъ Александровичъ Подгурскій, купцы: Николай Николаевичъ Насоновъ и Иванъ Ивановичъ Козловскій.

По окончаніи сего избранія высокопреосвященнѣйшій предсѣдатель предложилъ комитету для обсужденія слѣдующія заявленія:

а) не угодно ли будетъ членамъ комитета собираться дважды въ годъ въ маѣ и ноябрѣ для слушанія отчетовъ комитетскаго совѣта и для обсужденія миссіонерскихъ дѣлъ, а совѣту предоставить свободу собираться смотря по надобности. По этому предложенію для собранія членовъ комитета назначены 3-е мая и на 21-е ноября;

б) да благоволятъ члены комитета уполномочить председателя, помощника его и совѣтъ расходовать комитетскія деньсогласно съ уставомъ миссіонерскаго общества, въ размѣрѣ рочемъ достаточномъ только для покрытія существенныхъ нуждъ митета;

в) да благоволятъ поручить переписку комитетскихъ дѣлъ ›бому наемному письмоводителю, съ вознагражденіемъ за сей удъ по 4 руб. въ мѣсяцъ. На то и другое предложеніе ьявлено полное согласіе.

Когда, такимъ образомъ, все относящееся къ устройству митета было определено и окончено, высокопреосвященнѣйшій едсѣдатель обратился къ собранію съ приглашеніемъ о пожертвованіяхъ на дѣло богоугодное и благоплодное, и самъ подалъ первый благій примѣръ, записавши 500 руб. Въ слѣдъ владыкой записали: генералъ-губернаторъ 100 руб., его супруга 25 руб., попечитель кіевскаго учебнаго округа генералъйтенантъ Антоновичъ 100 руб., начальникъ города 25 р., пецъ Лавровъ 100 руб., полковникъ Демидовъ 50 руб., княгиня В. С. Голицына, кіевскій градскій голова Ѳ. И. Войэнко, купецъ Богадицъ — по 25 р. генералъ Бобрищевъ — [ушкинъ 20 руб. *). Нужно было видѣть, съ какимъ сердіемъ, съ какою ревностію члены собранія спѣшили къ голу, чтобы записать или новое пожертвованіе, какъ это дѣали прежніе члены комитета, или записаться въ число новыхъ членовъ; епархіальные оо. благочинные представляли отъ одвѣдомственнаго имъ духовенства записи собранныхъ пожертвованій и самыя пожертвованія. Деньги принималъ казначей, амѣстникъ михайловскаго монастыря архимандритъ Дамасинъ, а дѣлопроизводитель раздавалъ уставъ миссіонерскаго общества. Запись пожертвованій и пріемъ денегъ продолжались олѣе часа. Слѣдствіемъ такого сочувственнаго отношенія къ огоугодному дѣлу было то, что собрано въ залѣ пожертвованій до 2,000 руб., записались членами 344 человѣка и 79 лицъ внесли пожертвованія менѣе 3 руб., такъ что въ день открыія комитета состояло 539 членовъ, а пожертвованій съ преж-

---

*) Полный списокъ всѣхъ жертвователей будетъ напечатанъ особо.

ними 2,989 руб. 93 коп., за исключенiемъ 68 руб., употреб-
ленныхъ прежде въ расходъ.

Высокопреосвященнѣйшiй предсѣдатель изъявилъ собра-
благодарность за горячее сочувствiе къ предпринимаемому св-
тому дѣлу и споспѣшествованiю успѣхамъ онаго своими пожер-
вованiями и выразилъ надежду, что таковое сочувствiе не ох-
дѣетъ и на дальнѣйшее время, и вмѣстѣ съ тѣмъ всему с-
бранiю преподалъ свое архипастырское благословенiе; за тѣ-
хоръ пѣвчихъ пропѣлъ: Слава въ вышнихъ Богу и на зем-
миръ и проч. Собранiе разошлось въ половинѣ четвертаго час-
а желавшiе записать и внести свои пожертвованiя оставал-
въ залѣ до четырехъ часовъ.

На другой день уѣздное духовенство, прибывшее ко дн-
открытiя комитета, испросивъ предварительно чрезъ каѳедр. прот-
Лебединцева у высокопреосвященнѣйшаго владыки дозволен-
явиться къ нему для принятiя предъ отъѣздомъ въ домы ег-
благословенiя, въ $10^1/_2$ часовъ утра собралось въ покои ег-
высокопреосвященства. Здѣсь архипастырь снова благодари-
духовенство за принятое имъ участiе въ миссiонерской дѣятел-
ности, приглашалъ его неослабно содѣйствовать увеличенiю чи-
сла пожертвованiй на святое дѣло и умноженiю числа членовъ
комитета, и затѣмъ предложилъ ему завтракъ.

Такъ совершилось открытiе кiевскаго комитета правосла-
наго миссiонерскаго общества! Такъ мать градовъ русскихъ—
Кiевъ заявилъ о своемъ искреннемъ сочувствiи святому дѣл-
евангельской проповѣди между языческими племенами, вход-
щими въ составъ членовъ любезнаго отечества нашего! А как-
и наше сочувствiе святому дѣлу, и наши пожертвованiя дл-
споспѣшествованiя успѣхамъ онаго безъ благословенiя и помощ-
Божiей не принесутъ ожидаемыхъ плодовъ, то будемъ усердн-
молиться Господу: да изведетъ Онъ на жатву Свою, какъ Го-
подинъ жатвы, многихъ и достойныхъ дѣлателей жатвы, да от-
верзетъ сердца слушающихъ слово святаго евангелiя Его, д-
увеличивается число членовъ православнаго миссiонерскаго об-
щества болѣе и болѣе и да не охладѣетъ никогда въ душахъ
нашихъ нынѣшнее желанiе и усердiе наше—содѣйствовать св-
тому дѣлу и добрымъ словомъ и посильными пожертвованiями.

А. Воскресенскiй.

РѢЧЬ,

при открытіи Кіевскаго Комитета Всероссійскаго Миссіонерскаго Общества, произнесенная Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, 14 сентября 1870 года 1).

Почтенное собраніе!

Возлюбленныя о Господѣ чада и братія!

Душевно радуюсь и благодарю Бога-Благодѣтеля, давшаго мнѣ утѣшеніе высокое—видѣть себя среди сего столь многочисленнаго и благоподвижнаго къ добру собранія, одушевленнаго одною благотворною мыслію и однимъ святымъ желаніемъ—служить, по мѣрѣ силъ своихъ, такимъ или другимъ образомъ благу человѣчества и просвѣщенію евангельскою истиною заблудшихъ братій своихъ,—собранія любителей Христовой вѣры и ревнителей просвѣщенія духовнаго. Это вѣрный признакъ и неложное свидѣтельство, что древлепрестольный градъ равноапостольнаго князя Владиміра Кіевъ, не позабылъ еще своего первоначальнаго призванія—быть не только колыбелію, но и плодотворнымъ разсадникомъ спасительной вѣры во Христа для всей Руси необъятной,—быть, такъ сказать, богообщительнымъ органомъ для всѣхъ народовъ, населяющихъ ее, — быть нашимъ Сіономъ и новымъ Іерусалимомъ, откуда, по судьбамъ промысла Божія, надлежало изыти спасенію на лице всея земли русскія. И возможно ли было забыть? Не возстала ли бы тогда противъ насъ, какъ неблагодарныхъ и нечувствительныхъ въ славѣ своихъ предковъ, сыновъ, съ упрекомъ жестокимъ и жезломъ карательнымъ неподкупная свидѣтельница временъ и народовъ исторія, которая обращеніе народа русскаго къ вѣрѣ православной, его искреннее усердіе къ ней и пламенную ревность къ сохраненію и распространенію ея, какъ событіе, вѣчно для нея славное, отмѣтила на своихъ скрижаляхъ каменныхъ чертами неизгладимыми? Не послужили ли бы въ такомъ

---

1) Не можемъ отказать себѣ и другимъ въ удовольствіи, помѣстить эту [illegible] на страницахъ нашего журнала, наглядно доказывающую, что духъ знаменитаго Кіевскаго іерарха не только не старѣется, но, можно сказать, юнѣетъ и обновляется.

Ред.

случаѣ обличеніемъ для насъ эти каменныя громады, окружающія насъ, эти стремнины, зіяющія предъ нами, и этотъ сѣдовласый Днѣпръ, который, вмѣстѣ съ низверженнымъ въ него идоломъ Перуномъ, принявъ въ свои волны все языческое суевѣріе древнеславянское, быстро перенесъ и на вѣки погрузилъ въ бездны морскія? Не отозвалась ли бы противъ насъ тяжелымъ и гробовымъ ропотомъ самая почва земли града благословеннаго, святынею святыхъ мужей и женъ обновленная и пропитанная, по которой мы недостойные нынѣ такъ небрежно ходимъ, и на которой каждый, можно сказать, шагъ, каждое урочище, едва замѣтная развалина, отторженный изъ нѣдръ земныхъ фундаментъ, изсохшій ручей, открытые изъ подъ вѣковаго слоя штукатурки древніе фрески и мозаика, сохраненное живымъ преданіемъ названіе, все вмѣстѣ и каждый порознь, и особенно храмы Господни, на прославленныхъ въ языческой древности мѣстностяхъ устроенные, напоминаютъ и свидѣтельствуютъ о сильной вѣрѣ отцевъ нашихъ и пламенной ихъ ревности объ ея распространеніи? Не съ этихъ ли холмовъ вѣчныхъ, видѣвшихъ рожденіе царства русскаго и не разъ въ теченіи вѣковъ торжествовавшихъ его славу и величіе всемірныя, не съ этихъ ли, говорю, горъ и холмовъ, освященныхъ стопами Первозваннаго Апостола и благословенныхъ свыше его словомъ пророческимъ, которыя такъ величаво и своеобразно, какъ-бы гордясь своими воспоминаніями славными, предъ нами высятся, свѣтъ Христовъ струями обильными и потоками быстрыми разлился по всему пространству земли русскія, и вскорѣ достигъ до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ ея на востокѣ и западѣ, на югѣ и сѣверѣ—отъ моря Балтійскаго до Азовскаго, отъ Бѣлаго до Чернаго, отъ Каспійскаго до Ледовитаго.

Да! достигъ дѣйствительно, но не охватилъ всего необъятнаго пространства разнородныхъ населеній, особенно на восточныхъ нашихъ окраинахъ; достигъ, но не вездѣ равномѣрно проникъ, по разнообразію почвы воспріемлющей, не вездѣ съ одинакою силою начала свѣтоноснаго, по недостатку самыхъ первыхъ условій для просвѣтительнаго дѣйствія: въ иныхъ мѣстахъ онъ только коснулся суевѣрныхъ и звѣрообразныхъ обитателей и мгновенно отразился, какъ лучъ солнечный отъ скалы каменистой, а въ другихъ хотя и пробилъ грубую кору чув-

ственности въ этихъ одичалыхъ дѣтяхъ природы, и чрезъ то открылъ себѣ путь въ самыя сердца ихъ, но внезапно, встрѣтивъ на семъ пути преграду непреодолимую въ лжеименной мудрости человѣческой, прикрывающей себя именами почетными вѣротерпимости, свободомыслія и гуманности, въ настоящемъ впрочемъ своемъ видѣ отнюдь не мудрыхъ и не гуманныхъ, принужденъ былъ остановиться и сокрыть лучи свои во глубинѣ христіанскаго терпѣнія, оставивъ чрезъ то свободу необузданную всѣмъ противохристіанскимъ вѣрованіямъ дѣйствовать въ свою пользу и во вредъ нашей святой вѣрѣ и церкви, во вредъ нашему любезному отечеству и къ душевной пагубѣ нашихъ единоплеменныхъ и иноплеменныхъ соотечественниковъ.

Противъ сихъ-то враждебныхъ благу церкви и отечества стремленій иновѣрія, преимущественно на восточныхъ окраинахъ имперіи обнаружившихся, а отчасти и среди насъ, вблизи и сосѣдствѣ нашемъ нерѣдко проявляющихся, мы нынѣ призваны, возлюбленные о Господѣ чада и братія, и волею монаршею и долгомъ христіанской своей совѣсти и многочисленными указаніями слова Божія, дѣйствовать по мѣрѣ силъ своихъ и возможности, и словомъ братолюбнаго убѣжденія и посильными приношеніями въ пользу посольствующихъ о Христѣ и обращающихся ко Христу, и благими совѣтами, и разумными увѣщаніями, и благовременными возбужденіями, и поощреніями во славу Божію и спасеніе ближнихъ. И у кого изъ насъ станетъ духа на это многообразное и многочастное призваніе отозваться отрицательно, или, выслушавъ оное съ безучастнымъ равнодушіемъ, отойти спокойно и небрежно, не оставивъ слѣда своего сочувствія къ дѣлу богоугодному, овъ на село свое, овъ же на купли своя? Кто изъ насъ во глубинѣ души своей не почувствуетъ, что здѣсь дѣло идетъ о христіанскомъ моемъ званіи, о правѣ быть или не быть христіаниномъ, о вѣрномъ способѣ заслужить или потерять благоволеніе Божіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ обезпечить, или утратить для себя блаженство вѣчное? Кто изъ насъ въ семъ случаѣ не вспомнитъ, что самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, проходя грады и веси съ евангельскою проповѣдію, научая вѣрѣ невѣрующихъ, а своимъ Апостоламъ давъ прямую заповѣдь, идти въ весь міръ и учить всѣ народы, просвѣщая ихъ св. крещеніемъ, съ тѣмъ притомъ, чтобы нико-

кихъ съѣстныхъ припасовъ съ собою не брали, а во всякомъ домѣ, въ который будутъ приняты, пребывали ядуще и піюще, яже суть у нихъ: достоинъ бо есть дѣлатель мзды своея. (Лук. 10, 7), тѣмъ самымъ узаконилъ для однихъ изъ насъ дѣло проповѣди блуждающимъ во тмѣ невѣрія или иновѣрія, а для другихъ дѣло благотворенія и снабженія вещественными пособіями тѣхъ и другихъ? Осмѣлимся ли мы и сего гласа божественнаго ослушаться и такимъ образомъ открыто явиться сынами противленія? На сыновъ же противленія, по словамъ Апостола, грядетъ уже гнѣвъ Божій, который егда возгорится, не угаснетъ, дондеже вся потребитъ (Колос. 3, 6). Да сохранитъ насъ отъ сего Господь: мы сыны послушанія, освободившіеся во св. крещеніи отъ грѣха и поработившіеся правдѣ, плодъ убо имамы во святыню, кончину же жизнь вѣчную (Римл. 6, 22). Мы, конечно, не допустимъ себя до такой тщеты, чтобы изъ-за какихъ либо мелочныхъ разсчетовъ своекорыстія и ничтожныхъ выгодъ земныхъ потерять столь высокое и безцѣнное пріобрѣтеніе. И вотъ Апостолъ Іаковъ указываетъ намъ между прочимъ легкое и вѣрное къ тому средство въ миссіонерскомъ дѣлѣ обращенія заблудшихъ: братіе, говоритъ онъ, аще кто въ васъ заблудитъ отъ пути истины и обратитъ кто его, да вѣсть, яко обратившій грѣшника отъ заблужденія пути его спасетъ душу отъ смерти и покрыетъ множество грѣховъ (Іак. 5, 19, 20). Не то же ли обѣщаетъ намъ за подобный подвигъ и самъ Господь, будущій Судія живыхъ и мертвыхъ, имущій въ день онъ воздати комуждо по дѣломъ его, когда говоритъ: иже сотворитъ и научитъ (тако человѣки), сей велій наречется во царствіи небеснѣмъ (Матѳ. 5, 19), или: иже аще напоитъ вы чашею воды во имя Мое, яко Христовы есте, аминь глаголю вамъ, не погубитъ мзды своея (Марк. 9, 41), или: понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе. Пріидите убо, благословеннія Отца Моего, и наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра (Матѳ. 25 40, 34)?

Послѣ сего остается намъ только благодарить промыслъ Божій, даровавшій намъ случай и возможность малыми лептами земнаго сокровища стяжать некрадомое и безцѣнное сокровище небесное. Въ заключеніе всего убѣждаю васъ словомъ апостоль-

скимъ: облецытеся убо, якоже избраннія Божіи, святи и возлюбленніи, во утробы щедротъ, и отъ благаго сокровища своего изнесите благіе плоды праведныхъ трудовъ вашихъ въ житницу небесную, на пользу дѣла, по преимуществу богоугоднаго и благоплоднаго. Благодать и милость Божія да будетъ съ вами. Вознесыйся на крестъ волею Христосъ Господь и, вознесшеся на крестъ, обѣщавый вся привлещи къ Себѣ, да привлечетъ къ Себѣ силою благодати Своея вся люди, сущія на земли, и да будетъ едино стадо и единъ пастырь, а мы людіе Его и овцы пажити Его.

(Кіев. Епарх. Вѣд.)

Новая православная церковь на западной границѣ Россіи.

Между Вержболовомъ и Эйдкуненомъ, на самой границѣ Россіи и Пруссіи, есть посадъ Кибарты; здѣсь послѣдняя станція вержболовской или эйдкуненской вѣтви петербургско-варшавской желѣзной дороги; здѣсь таможня, и въ кибартовскомъ вокзалѣ вещи пассажировъ подвергаются таможенному осмотру. И тутъ же на самой границѣ Россіи, саженяхъ въ 20 отъ вокзала—только перейти черезъ нѣсколько рядовъ рельсовъ—возвышается православная церковь, византійско-русскаго стиля. Церковь не велика; издали смотритъ почти часовней; но подойдя ближе, вы убѣдитесь, что это не часовня, а церковь, достаточно вмѣстительная для небольшаго, по всей вѣроятности, кружка постоянно живущихъ здѣсь православныхъ, и уже безъ сомнѣнія вполнѣ достаточная для того, чтобы принять подъ свой благодатный кровъ православныхъ путниковъ, оставляющихъ православное отечество на болѣе или менѣе продолжительное время, либо возвращающихся въ него послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго отсутствія. Не правда ли, прекрасна была мысль устроить православный храмъ на самомъ рубежѣ Россіи, чтобы онъ провожалъ и встрѣчалъ тѣхъ, которые, оставляя отечество, надолго лишены были или будутъ утѣшенія православнаго богослуженія! А между тѣмъ мысль эта возникла, можно сказать, почти случайно; по крайней мѣрѣ первоначально совсѣмъ не это,

а другое побужденіе возбудило то усердіе, ту оживленную дѣятельность, плодомъ которыхъ является нынѣ этотъ православный храмъ: онъ—памятникъ благодарнаго чувства мѣстныхъ жителей къ дивному покровительству Божію надъ православнымъ нашимъ отечествомъ, явленному Россіи 4-го апрѣля 1866 г. въ спасеніи священныхъ дней Монарха отъ злодѣйскаго покушенія на нихъ политическаго и антирелигіознаго фанатизма. Окрестные жители сначала возымѣли намѣреніе увѣковѣчить память объ этомъ благодѣяніи Божіемъ сооруженіемъ часовни. Но потомъ, общее сочувствіе къ ихъ усердію дало имъ возможность, а религіозная потребность указала побужденія—ходатайствовать, чтобы часовню дозволено было обратить въ церковь. И дѣйствительно, усердіе и дѣятельность строителей кибартской церкви, благодаря сочувствію всѣхъ тѣхъ, къ кому они обращались съ предложеніемъ—принять участіе въ ихъ благочестивомъ предпріятіи, оказали результаты весьма замѣчательные: сколько намъ извѣстно, ни одна изъ церквей, строившихся и строящихся въ послѣднее время въ привислинскомъ краѣ при пособіи отъ правительства, не была возведена такъ быстро, какъ церковь въ Кибартахъ; а на построеніе ея не пошло ни одной копѣйки изъ суммы отпускаемой на построеніе православныхъ храмовъ въ привислинскомъ краѣ правительствомъ. Правда, строители кибартской церкви, занимаясь этимъ дѣломъ на самой людной изъ дорогъ, ведущихъ за границу, имѣли большое удобство предлагать участіе въ ихъ дѣлѣ людямъ болѣе или менѣе состоятельнымъ; но все же быстрое поступленіе пожертвованій не можетъ не служить замѣчательнымъ и неопровержимымъ доказательствомъ всеобщаго сочувствія дѣлу устроенія этого религіознаго и вмѣстѣ патріотическаго памятника. Къ январю 1869 г. пожертвованія на сооруженіе храма простирались до 9000 р. съ небольшимъ, между тѣмъ какъ, по смѣтѣ, постройка исчислена была на сумму безъ малаго до 20,000 р., и хотя комитетъ по постройкѣ церкви надѣялся, что, при экономическомъ заготовленіи матеріаловъ и особенно при продолжающемся содѣйствіи главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, предложившаго безплатную перевозку матеріаловъ и нѣкоторую долю матеріаловъ безвозмездно отъ себя,—хотя комитетъ надѣялся, что благодаря этимъ обстоятельствамъ, постройка

храма въ дѣйствительности обойдется дешевле смѣты; но на дѣлѣ оказалось, что и здѣсь, какъ всегда почти бываетъ, привелось выйти даже за предѣлы первоначальной смѣты. Мы слышали, что только стѣны храма, со внутренней и внѣшней отдѣлкой, не считая иконостаса, утвари, ризницы, обошлись тысячъ въ 25. И все это одними доброхотными пожертвованіями! И церковь, которая въ началѣ 1869 не была еще разрѣшена къ постройкѣ, къ концу 1870 г. уже отстроена и освящена.

Освященіе ея совершилось 4 октября. Наканунѣ этого дня прибылъ высокопреосвященный архіепископъ варшавскій Іоанникій, съ немногочисленною свитою. Посреди храма совершено было всенощное бдѣніе настоятелемъ будущаго прихода, молодымъ священникомъ, получившимъ академическое образованіе, о. Семеновскимъ, съ соучастіемъ двухъ заслуженныхъ оо. протоіереевъ. На другой день, въ воскресенье, въ 9 съ половиною часовъ утра начался перезвонъ въ колокола, напомнившій намъ, заѣзжимъ изъ православной Россіи въ здѣшній край, гдѣ православіе теперь только еще начинаетъ укореняться,—нашу родину; гдѣ я ни живалъ въ здѣшнемъ краѣ, мнѣ не приводилось слышать этого перезвона—быть можетъ потому, что не было еще, до самаго послѣдняго времени, ни отдѣльно выстроенныхъ церквей, ни колоколенъ съ надлежащимъ подборомъ колоколовъ. Большая часть православныхъ церквей въ здѣшнемъ краѣ все еще, какъ домовыя, помѣщаются въ зданіяхъ, имѣвшихъ первоначально иное назначеніе—въ учебныхъ заведеніяхъ, госпиталяхъ и казармахъ. Не удивляйтесь поэтому, что насъ такъ радуетъ всякая подробность, напоминающая церковные обычаи и бытовыя особенности коренной Россіи. Вскорѣ церковь наполнилась православными. Къ освященію прибыли не только православные жители ближайшихъ уѣздовъ сувалкской губерніи, но и изъ Ковно,—по желѣзной дорогѣ. Служащіе при таможнѣ артельщики, въ русскихъ кафтанахъ, съ бородами и русской стрижкой волосъ, придавали толпѣ богомольцевъ общій видъ русскаго населенія, что особенно поражало неожиданностью въ такомъ отдаленномъ уголкѣ Польши, какъ Кибарты. Но нѣтъ сомнѣнія, что не мало было въ этой толпѣ и такихъ русскихъ, которые впервые видѣли православнаго архіерея, торжественность архіерейскаго священно-служенія, не говоря уже о такомъ рѣдкомъ

торжествѣ, каково архіерейское освященіе церкви. Однако, кромѣ православныхъ, тутъ были и наши пограничные сосѣди-пруссаки; около церкви стоялъ простой народъ, въ своихъ сѣрыхъ сюртукахъ съ бритыми бородами, а въ самой церкви было нѣсколько военныхъ чиновниковъ...Архипастырь, по освященіи, совершалъ божественную службу при сослуженіи ему четверыхъ протоіереевъ или священниковъ, а священникъ-настоятель храма произнесъ къ слушателямъ слово, въ которомъ, сказавъ вообще о великой важности храма, весьма умѣстно напомнилъ своимъ будущимъ прихожанамъ, что ихъ усердіе къ построенію этого храма тогда только будетъ для нихъ плодотворно, если они будутъ и пользоваться новоосвященнымъ храмомъ, усердно посѣщая его.

Нѣсколько словъ о внутренности храма. Надо отдать честь чистотѣ и строгости вкуса, какъ въ чертежѣ храма, такъ и въ исполненіи его въ подробностяхъ; ничего лишняго, пестраго, нарушающаго гармонію частей; а что сдѣлано—то сдѣлано не скупясь, прилично: стѣны храма бѣлыя, пирамидальный куполъ, бѣлый съ позолоченной рѣзьбою иконостасъ, витая чугунная лѣстница на хоры и такая же бронзированная балюстрада отдѣляющая клиросы, паркетный полъ,—все это, взятое вмѣстѣ, производитъ очень пріятное общее впечатлѣніе. Живопись иконостаса очень хороша, мѣстныя иконы Спасителя, Божіей Матери, архангеловъ Михаила и Гавріила на боковыхъ дверяхъ иконостаса напоминаютъ византійскую иконопись ея лучшаго времени; особенно хороша икона архистратига Гавріила; другія иконы составляютъ копіи съ извѣстныхъ произведеній искуства: Благовѣщеніе на царскихъ вратахъ—Боровиковскаго, моленіе о чашѣ—большаго размѣра запрестольный образъ—копія съ Бруни, Тайная Вечеря надъ царскими вратами по Леонардо да Винчи и т. д. Жаль, что общее впечатлѣніе нарушается нѣсколько изображеніями Евангелистовъ, которыя однимъ изъ строителей церкви (академикомъ—говорили мнѣ) написаны въ трапеціяхъ, образуемыхъ уступами стѣнъ, на которыя опирается куполъ; лучше кажется было бы, даже въ видахъ сохраненія цѣлостности архитектурнаго впечатлѣнія, оставить эти мѣста сводовъ свободными отъ росписанія. Ея Величество Государиня Императрица даровала кибартской церкви два полныя священническія и діаконскія

облаченія, равно какъ облаченія на св. престолъ, жертвенникъ и аналой. Вел. княгиня Елена Павловна пожаловала священническое же и діаконское облаченіе изъ золотоцвѣтной парчи съ бархатными крестами. Этимъ драгоцѣннымъ дарамъ августѣйшихъ особъ соотвѣтствуютъ, по цѣнности своей и изяществу, и другія пожертьованія вещами отъ различныхъ частныхъ лицъ изъ Петербурга; между ними не можемъ не упомянуть о прекрасномъ напрестольномъ крестѣ, осмиконечной формы, серебряномъ, позолоченомъ, съ темноголубой эмалью, работы Сазикова, о дарохранительницѣ въ формѣ храма византійской архитектуры, и напрестольномъ евангеліи. Усердіе православныхъ чтителей старины церковной особенно будетъ привлекать иконописный образъ Божіей Матери Абалатскій или Абалакскій; икона эта, какъ значится изъ надписи, вычеканенной на ея серебряной позолоченной ризѣ, принадлежала нѣкогда упраздненной уже теперь Семипалатинской таможнѣ, и вотъ странною судьбою изъ такой глубины востока попала на самый крайній пунктъ западныхъпредѣловъ православной Россіи. Высокопреосвященный Іоанникій принесъ въ даръ новоосвященному храму икону святаго благов. в. к. Александра Невскаго, имени котораго посвященъ храмъ въ Кибартахъ; а по сторонамъ святаго—ангела хранителя Монарха, изображены святая покровительница благочестивѣйшей государыни—Марія Магдалина и преп. Іосифъ, которому празднуетъ церковь въ достопамятный день 4 апрѣля. Не могу наконецъ не упомянуть еще о двухъ иконахъ, на которыя мнѣ указали, какъ на даръ искренняго и благочестиваго усердія: на хорахъ поставлены двѣ, довольно большаго размѣра иконы—Спасителя и Божіей Матери; ихъ нельзя назвать ни живописными, ни иконописными; это, говорили мнѣ, работа самоучки-солдата, одного изъ служащихъ при желѣзной дорогѣ, который писалъ ихъ стоя на колѣнахъ, отрываясь отъ кисти къ шлагбауму, отворять и затворять который составляетъ его обязанность; конечно, строители церкви хорошо сдѣлали, что приняли этотъ, хотя и неискусный даръ усердія, и помѣстили его тамъ, гдѣ онъ не будетъ портить общаго художественнаго впечатлѣнія, производимаго подробностями храма.

Духовное торжество заключилось обѣдомъ въ залѣ кибартскаго вокзала, давшимъ возможность общественному выраженію

патріотическихъ чувствъ, значительно служившихъ побужденіемъ къ устроенію новоосвященнаго храма. П. С.

1870 г. октября 5 дня.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Надежда поляковъ на Пруссію.

Положительно можно сказать, что въ настоящую пору ни одинъ нумеръ европейскихъ газетъ не является безъ того, чтобы въ немъ по нѣсколько разъ не упоминался графъ Бисмаркъ. Личные его замыслы примѣшиваютъ къ каждому политическому вопросу, такъ что, повидимому, безъ его воли рѣшительно ничего не можетъ быть сдѣлано въ цѣлой Европѣ. Переходя, подъ вліяніемъ этого, господствующаго нынѣ мнѣнія, отъ одного вопроса къ другому, европейская журналистика останавливается, между прочимъ, и на польскомъ вопросѣ, при чемъ оказывается, что и въ немъ прусскій премьеръ начинаетъ принимать значительное участіе. О томъ, какое направленіе графъ Бисмаркъ думаетъ придать ему, толкуютъ весьма различно, но всѣ толки въ сущности сводятся къ тому, что Пруссія, располагая всѣми силами Германіи, постарается поставить Польшу въ такое положеніе, что она будетъ служить для нѣмцевъ оплотомъ противъ Россіи. Планъ этотъ, конечно, слишкомъ слабъ самъ по себѣ, но и независимо отъ этого нельзя не подумать прежде всего объ исходѣ нынѣшней французско-германской войны и спросить: удастся ли еще Пруссіи выйдти изъ нея такъ побѣдоносно, что она въ состояніи будетъ развивать потомъ и дальнѣйшіе свои планы, не обращая никакого вниманія на тѣ столкновенія, которыя при этомъ могутъ произойти между ею и Россіею?

Способность поляковъ увлекаться политическими мечтами слишкомъ хорошо извѣстна, и потому было бы нисколько неудивительно, если бы они, ослѣпленные настоящимъ могуществомъ Пруссіи, сдѣлались послушнымъ орудіемъ политики графа Бисмарка, въ ожиданіи будущихъ благъ. Мы вполнѣ понимаемъ, и даже отчасти извѣдали уже на опытѣ, что въ этомъ случаѣ внушенія и предостереженія полякамъ со стороны русской печати были бы совершенно безполезны и даже неумѣстны. Польскіе

тріоты не придали бы имъ никакого значенія и скорѣе все-увидѣли бы въ нихъ только появленіе робости передъ при-ікомъ воскресающей Польши. Несмотря на это, мы далеки, яако, отъ того, чтобы винить поляковъ за такое предубѣжде-, и если они увѣрують въ Пруссію какъ въ свою избавитель-цу, то намъ не останется ничего болѣе, какъ только примѣ-гъ къ нимъ русскую поговорку, которая гласитъ, что тотъ,) тонетъ, хватается и за соломинку.

Но если сужденія русскихъ газетъ о несбыточности надеждъ, клагаемыхъ поляками на Пруссію, не могутъ имѣть въ глазахъ слѣднихъ никакого вѣса, то имъ не излишне было бы обра-ть вниманіе на то, какъ обсуждаетъ этотъ вопросъ газета, литическія симпатіи которой стоятъ несомнѣнно на сторонѣ)льши, но никакъ не на сторонѣ Россіи.

Такъ газета «Pester Lloyd», говоря вообще о политикѣ гра-ı Бисмарка, коснулась, между прочимъ, и его плановъ относи-льно Польши. Названная газета твердо убѣждена въ живу-сти польской національности, она признаетъ польскій вопросъ ною изъ слабыхъ сторонъ Россіи, сочувственно относится къ дьбѣ поляковъ и находитъ, что вопросъ этотъ существуетъ не ı области отвлеченныхъ симпатій и антипатій, но имѣетъ важ-е значеніе и во всѣхъ политическихъ комбинаціяхъ. Относясь ı польскому дѣлу съ такой благосклонной точки зрѣнія, пешт-ая газета высказываетъ, однако, увѣренность, что замыслы гра-ı Бисмарка не могутъ встрѣтить среди поляковъ никакого со-вствія, и что если онъ теперь, въ направляемыхъ имъ газет-іхъ статьяхъ, съ такимъ участіемъ отзывается о судьбахъ Поль-и, то этому нельзя придать ни малѣйшей искренности.

Въ подтвержденіе своихъ словъ, пештскій публицистъ ука-зваетъ на то, что полякамъ нечего ожидать отъ такой поли-іки графа Бисмарка, которая не допустила представить рус-:ому правительству тождественную съ другими кабинетами ноту ı счетъ образа его дѣйствій въ бывшихъ польскихъ провин-яхъ, и которая съ протестантской точки зрѣнія оправдываетъ реобладанія православія надъ католическимъ элементомъ. Къ гому мы прибавимъ, что странно было бы, если бы поляки ста-и разсчитывать на покровительство ихъ національности со сто-оны прусскаго министра. Онъ, какъ извѣстно, поборникъ ис-

ключительно одной только германской національности, да и т втиснутой въ прусскія формы. Достаточно вспомнить тотъ фактъ что три года тому назадъ, когда въ берлинской палатѣ депу татовъ, представители познанской области попробовали было за вести рѣчь о полякахъ въ отдѣльности, то графъ Бисмаркъ ко ротко и рѣшительно прекратилъ ихъ разсужденія, заявивъ, ч онъ въ прусской палатѣ не видитъ вовсе поляковъ, но видит однихъ только нѣмцевъ. Вообще же,—по замѣчанію нѣмецко газеты, — конгрессовая часть Польши не слишкомъ сочувствен будетъ смотрѣть на водвореніе въ ней Пруссіею такого госу дарственнаго порядка, при которомъ, въ теченіе нѣсколькиг десятковъ лѣтъ, познанская область почти совсѣмъ обратилас въ нѣмецкую провинцію, и при которомъ главною задачею бер линскаго правительства считалось—ввести эту область въ со ставъ Сѣверо-Германскаго Союза, т. е. окончательно признать е нѣмецкою территоріею. Противъ всѣхъ этихъ указаній, едв ли могутъ возразить что нибудь даже тѣ изъ поляковъ, кото рые сгоряча готовы, пожалуй, видѣть въ Пруссіи свою безко рыстную покровительницу.

Затѣмъ, слѣдуетъ обратиться къ вопросу—насколько можетъ быть практично возстановленіе Пруссіею Польши, въ видѣ от дѣльнаго государства, съ цѣлію сдѣлать изъ нея оплотъ для Гер маніи противъ Россіи? Въ такомъ государствѣ непремѣнно долж ны будутъ господствовать нѣмецкія симпатіи, но какъ бы н были поляки нерасположены къ Россіи, все же позволительно сомнѣваться, чтобы среди ихъ чувствовалось тяготѣніе къ нѣм цамъ въ противовѣсъ такому нерасположенію. Кромѣ того, при упомянутомъ условіи, Польша должна сдѣлаться сильнымъ и по корнымъ орудіемъ нѣмцевъ, отказавшись рѣшительно отъ своихъ національныхъ стремленій и въ случаѣ, если бы по чему либо между Россіею и Пруссіею произошли столкновенія, то принять на себя первые удары, направленные противъ нѣмцевъ. Несом нѣнно, что такая страдательная будущность слишкомъ печальн и она должна заставить поляковъ отстранить ту помощь, кото рая съ подобною цѣлію была бы имъ предложена изъ Берли на.

Независимо отъ всего этого, устроенная на нѣмецкую стат Польша должна была бы быть объявлена нейтральною. Въ ней

ральное положеніе небольшихъ государствъ современные полити-
и вѣруютъ какъ въ какое то лучшее средство для поддержа-
ія въ Европѣ гарантій, установленныхъ мирными договорами.
бщій по этому предмету вопросъ долженъ былъ бы вызвать
асъ на слишкомъ пространныя разсужденія и за и противъ по-
обныхъ политическихъ комбинацій. По этому, оставляя его те-
ерь въ сторонѣ, мы скажемъ только о томъ, какъ смотритъ на
эрриторіальный нейтралитетъ, устроенный Пруссіею, польско-нѣ-
ецкая газета. Она говоритъ: «Графъ Бисмаркъ самъ долженъ
ылъ бы хорошо знать ничтожность такихъ гарантій, когда онъ
элъ переписку съ Луи-Наполеономъ о нейтральной Бельгіи, и,
онечно, онъ съумѣетъ дать опредѣленный на счетъ этого от-
ѣтъ, когда, какъ теперь, идетъ рѣчь о нейтрализаціи Эльзаса или
отарингіи, или когда впослѣдствіи, быть можетъ, заведутся пе-
эговоры о нейтрализаціи Константинополя съ его округомъ. По
сей вѣроятности, заключаетъ газета «Pester Lloyd», не най-
этся ни одинъ сторонникъ полумѣръ, который сталъ бы считать
вропейскій миръ болѣе прочнымъ, если бы передѣлка Европы
овершалась при подобныхъ условіяхъ.»

Невозможно предполагать, что бы такой дальнозоркій поли-
гкъ, какимъ, не безъ основанія, признаютъ графа Бисмарка,
малъ серьезно измѣнить нынѣшнее положеніе поляковъ. Онъ,
зъ сомнѣнія, взвѣсилъ заранѣе всѣ шансы такого предпріятія.
акая же, однако, причина побуждаетъ его забавлять теперь по-
яковъ несбыточными мечтами? Онъ,—по словамъ пештскаго
блициста,—видитъ больное мѣсто на гигантскомъ тѣлѣ Россіи,
старается безжалостною рукою растравить эту начинающую за-
ивать рану, призывая къ тому и глупцовъ. Такое уподобле-
е вопроса о возстановленіи политической самостоятельности Поль-
и во вредъ Россіи весьма вѣрно и если бы коварное пригла-
эніе графа Бисмарка было принято тѣми, къ кому оно обра-
ено, то пришлось бы не столько тревожиться на счетъ Рос-
и, сколько жалѣть о полякахъ, попавшихся въ разставленную
іъ новую ловушку.

Главнымъ органомъ для возбужденія поляковъ служитъ гра-
у Бисмарку газета «Kraj». Точно также дѣйствуетъ онъ и
, отношеніи Австріи, высказывая прусскія симпатіи къ націо-
льнымъ стремленіямъ чеховъ, въ газетѣ «Norddeutsche All-

gemeine Zeitung.» Но такая пропаганда не относится къ сущности дѣла, а служитъ только рычагомъ для движенія двухъ славянскихъ народностей въ направленіи, благопріятствующемъ прусскимъ интересамъ. Руководитель Пруссіи и Германіи видитъ передъ собою двѣ пригодныя для него силы и играетъ ими по собственному произволу, не давая имъ такого хода, какой онѣ приняли бы сами по себѣ. Въ такихъ словахъ отзывается нѣмецкая газета о тѣхъ внушеніяхъ, какія дѣлаются нынѣ полякамъ со стороны графа Бисмарка. Къ этому она прибавляетъ, что настоящія обстоятельства способствуютъ прусскому премьеру къ тому, чтобы онъ держалъ своихъ противниковъ въ сильномъ напряженіи. Это составляетъ, конечно, цѣль всѣхъ его агитацій и было бы очень прискорбно, если бы, подъ вліяніемъ Пруссіи, сердца польскихъ патріотовъ забились сильнѣе и если бы была пролита хоть одна капля польской крови для поддержанія эгоистическихъ разсчетовъ союзнаго канцлера.

Приводя мнѣніе иностранной газеты о нынѣшнихъ заискиваніяхъ графа Бисмарка у поляковъ, а также о вѣроятныхъ результатахъ этихъ заискиваній, мы старались избѣгать выраженія нашихъ собственныхъ взглядовъ на тѣ отношенія, какимъ пора было установиться между русскими и поляками, безъ всякаго вмѣшательства нѣмцевъ. Этому вопросу мы посвятимъ особую статью, цѣль же настоящей статьи заключалась единственно въ томъ, чтобы показать, до какой степени должны быть тщетны и шатки тѣ надежды, которыя стараются возбудить въ полякахъ органы печати, получающіе свои вдохновенія изъ Берлина, а теперь быть можетъ и изъ главной прусской квартиры. Долгое время поляки возлагали напрасныя упованія на Францію, но она оказалась не на столько могущественною, чтобы взять подъ свою рѣшительную оборону польское дѣло и нынѣ сама находится въ такомъ положеніи, что ей, быть можетъ, въ скоромъ времени придется смириться передъ Пруссіею. Неужели же поляки будутъ столь легкомысленны, что увлекутся успѣхами прусско-германскаго оружія и станутъ разсчитывать на то, что оно обратится противъ Россіи, для поддержки ихъ національныхъ интересовъ? Такое заблужденіе прибавило бы еще одну громадную ошибку къ лѣтописямъ Польши. Стоитъ только подумать о томъ, что если сама Германія не слишкомъ довѣрчиво от-

сится къ прусской политикѣ, которая, повидимому, ставитъ выше своихъ собственныхъ интересовъ національное германское дѣло, то неужели же неосмотрительное легковѣріе поляковъ можетъ простираться до того, что они готовы будутъ кинуться въ объятія Пруссіи?

(*Бирж. Вѣд.*)

Краткій очеркъ исторіи Галиціи съ 1790 до 1869.

Исторія Галиціи, особенно въ теченіе нынѣшняго столѣтія, есть исторія борьбы русскихъ съ поляками, крестьянъ съ помѣщиками, православныхъ съ католиками. Это до самаго послѣдняго времени есть исторія порабощенія одного племени, именно русскаго, другимъ—польскимъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ это исторія попытокъ со стороны русскаго племени добиться политической свободы и сбросить съ себя постыдное и тяжское иго польщизны. Это, затѣмъ, есть борьба обоихъ племенъ населяющихъ Галицію, т. е. и польскаго и русскаго, противъ господства въ Галиціи нѣмцевъ. Борьбу относительно нѣкоторыхъ элементовъ народной жизни, какъ напримѣръ, религіозныхъ вопросовъ, можно считать почти поконченною. Рѣшеніе другихъ вопросовъ, какъ напримѣръ, объ автомоніи страны и независимости ея внутренней жизни отъ нѣмецкаго господства, можно усматривать въ недалекомъ будущемъ. Другіе вопросы, какъ напримѣръ, о взаимномъ отношеніи галицкихъ русскихъ и поляковъ, представляютъ, повидимому, немалую опасность для развитія въ странѣ правильной политической жизни. Въ этой несчастной странѣ еще много есть такого, что надолго будетъ для нея несчастіемъ.

Послѣ раздѣла Польши Галиція,—эта лучшая провинція покойной Рѣчи Посполитой,—досталась Австріи и, конечно, совершенно неожиданно для собя очутилась подъ скипетромъ габсбурговъ. Внутреннее состояніе новой австрійской провинціи было очень плачевное. Въ ней оставались отжившіе вездѣ средневѣковые порядки со всѣми ихъ вредными послѣдствіями. Низшій классъ былъ совершенно закрѣпощенъ высшимъ; бездна между этими сословіями была непроходимая. Къ довершенію бѣдствій присокуплялось то, что въ восточной Галиціи все закрѣ-

пощенное населеніе было русскаго происхожденія, говорило русскимъ языкомъ и исповѣдывало греко-восточную вѣру, тогда какъ землевладѣльцы и помѣщики (паны) были по происхожденію поляки, говорили по польски и молились въ католическом костелѣ. Понятно, какъ страшно вредно было это раздѣлені населенія во всѣхъ жизненныхъ интересахъ.

Сама Австрія была тогда тоже далеко не въ блестящем положеніи. Она только что успѣла сбросить съ себя древні средневѣковыя формы. Широкія и либеральныя преобразовані Іосифа II вызвали ее къ новой жизни; но она еще не знала какъ ей быть съ этими преобразованіями; она еще не повѣряла новымъ формамъ жизни. Оттого преемникамъ Іосифа легко был вернуться на путь реакціи. Въ самомъ дѣлѣ, почти все хорошее, что сдѣлалъ Іосифъ, пало вмѣстѣ съ его смертью. Старинный феодальный абсолютизмъ соблазнилъ преемниковъ великаго австрійскаго императора, которые при такихъ совѣтникахъ, какъ бурбоновскіе эмигранты и вновь пущенные въ Австрію іезуиты, не могли, конечно, понимать идей Іосифа II и всего меньше думали о томъ, чтобы дать провинціямъ боле или менѣе свободное развитіе. Они стремились къ централизаціи, хотя, какъ доказало послѣдующее время, они то и были всего меньше способны къ тому, чтобы обьединить самыя разнообразныя во всѣхъ отношеніяхъ провинціи Австріи. Они н понимали, что политическое опекунство, всесильный бюрократизмъ и неменѣе всесильная полицейщина не могутъ быть средствами достаточными для того, чтобы у всѣхъ племенъ наседяющихъ Австрію, у нѣмцевъ, венгровъ, италіянцевъ, чеховъ, поляковъ, русскихъ и т. д. были одни и тѣ же интересы, одни и тѣ же стремленія, одни и тѣ же идеалы политической, общественной и экономической жизни. Безусловное повиновені считали они первою добродѣтелью гражданина, мысль и критику—величайшимъ порокомъ. «Держитесь старины, это дѣло хорошее», говорилъ императоръ Францъ профессорамъ лайбахскаго лицея. «Появились теперь новыя мысли: я не могу ихъ одобрить, я никогда ихъ не одобрю. Берегитесь ихъ... Мнѣ нужны не ученые, а добрые граждане... Кто мнѣ служитъ, тотъ долженъ учить то, что я приказываю. Императоръ Леопольдъ былъ не лучше Франца. Понятно, что при такихъ пра-

жителяхъ нельзя было бы и ожидать болѣе или менѣе хорошей администраціи. Когда Галиція сдѣлалась австрійскою провинціею, административное и судебное дѣлопроизводство осталось въ ней въ старомъ хаосѣ. Разница вышла лишь въ томъ, что въ нее нахлынула толпа нѣмецкихъ чиновиновъ, подкупность которыхъ впослѣдствіи времени вошла въ пословицу въ Галиціи. Продажность и произволъ ихъ тормозили всякое дѣло. Дѣла дѣлались изъ за «благодарности».

Іосифъ, съ обычною своею проницательностью, тотчасъ понялъ насущныя нужды страны. Онъ обратилъ свое вниманіе на придавленный панами нисшій классъ и рѣшился дать ему хоть какую нибудь защиту. Устройствомъ уѣздныхъ судовъ для крестьянъ онъ пытался дать имъ покровительство. Онъ открыто признавалъ русскихъ столько же равноправными, какъ и поляковъ, заботился о свободѣ ихъ греко-восточнаго вѣроисповѣданія, устраивалъ для нихъ духовныя семинаріи и даже ввелъ русскій языкъ въ народныя школы. Но пытаясь, противодѣйствовать гнету поляковъ на русскихъ, онъ, какъ государь, прежде всего, нѣмецкій, старался и тѣхъ и другихъ подчинить нѣмецкому гнету, нѣмецкой культурѣ и колонизаціи. Съ этою цѣлію онъ дѣлалъ то же, что въ наши дни и въ нашихъ глазахъ дѣлаетъ вь той же Галиціи другое нѣмецкое правительство—прусское, т. е. предпринялъ колонизацію Галиціи нѣмецкими крестьянами.

Императоръ Францъ какъ будто поставилъ своею задачею, противодѣйствовалъ реформамъ и предпріятіямъ Іосифа и впалъ въ другую крайность. Если Іосифъ поставилъ своею задачею—защитить галицкихъ русскихъ отъ поляковъ, спасти ихъ національность отъ ополяченія и тѣмъ, вмѣстѣ съ нѣмецкою колонизаціею, противодѣйствовать стремленіямъ поляковъ къ возстановленію старой Польши въ старомъ ея блескѣ,—то не такъ смотрѣлъ на это дѣло Францъ. Ему казалась слишкомъ большимъ абсурдомъ самая мысль о томъ, что поляки могутъ когда либо мечтать о возстановленіи своего погибшаго государства, и что они не довольны благодѣяніями Австріи. Отъ того устранена была всякая попытка помочь русскимъ, всякая попытка содѣйствовать ихъ національному развитію. Францъ довѣрился польской аристократіи и возвратилъ галицкимъ полякамъ всѣ

ихъ старыя привиллегіи, все ихъ прежнее значеніе. Польскій языкъ опять сталъ повсюду господствовать, а русскій, въ соотвѣтствіе этому, отовсюду гнали и вытѣсняли. Францъ, подъ вліяніемъ самаго жалкаго консерватизма, самой ярой реакціи, боялся пускать образованіе въ массы народа, и отъ того попытка Іосифа, относительно устройства народныхъ школъ, нашла себѣ не содѣйствіе, а противодѣйствіе. Какія цѣли преслѣдовалъ Францъ въ вопросѣ о народномъ образованіи, видно уже изъ того что все это дѣло на всемъ пространствѣ Галиціи было почти безконтрольно отдано въ руки поляковъ. И безъ того образованіе русскаго крестьянина не шло дальше знанія и чтенія нѣсколькихъ церковныхъ книгъ. Но и это образованіе теперь поставили подъ надзоръ католическаго, а не православнаго клира. Римско-католической консисторіи, какъ высшему училищному начальству, подчинены были всѣ народныя школы въ странѣ. Понятно, что консисторія старалась придать народному образованію характеръ польско-католическій, и сдѣлалась, такимъ образомъ, центромъ пропаганды, наиболѣе вредной для русской народности. Вотъ къ чему повела реакціонная политика вѣнскаго правительства.

Но въ Вѣнѣ, кажется, думали, что и этого мало для подавленія народной русской массы. Оттого, старались еще больше возвысить польскій элементъ, еще больше унизить и обезсилить русскихъ. Конституція 1817 года была составлена въ этомъ духѣ и вела къ полному угнетенію русскихъ польскою аристократіею. Извѣстно, что населеніе Галиціи неодинаково. Въ восточной ея половинѣ живутъ русскіе, въ западной—поляки; именно мазурское племя. Несмотря на то, по силѣ конституціи 1817 года, и та, и другая половина Галиціи соединены въ одно цѣлое подъ названіемъ «Королевства Галиціи.» Какъ ни мало было предоставлено странѣ условій для свободнаго внутренняго развитія, какъ ни много мѣста эта конституція оставляла для правительственнаго произвола, понятно, однако, и то, что Галиція отдавалась въ руки однихъ только поляковъ. Полякамъ, правда, не было дано полной автономіи; но у русскихъ отнята была всякая свобода и отнята въ пользу высшаго класса, т. е. поляковъ. Это всего яснѣе сказалось на мѣстномъ ландтагѣ. Здѣсь были представители католическаго клира, здѣсь

были представители Львово: здѣсь были, наконецъ,—и это было большинство представителей—польскіе дворяне. Но здѣсь не было представителей отъ крестьянства. Точно также не было здѣсь представителей и отъ небольшихъ городовъ и мѣстечекъ: они были въ зависимости отъ знатныхъ польскихъ магнатовъ, которые и представляли ихъ въ ландтагѣ. Въ ландтагѣ можно было говорить на польскомъ языкѣ, на нѣмецкомъ, даже на латинскомъ, но ни какъ на русскомъ. Но русскій языкъ былъ изгнанъ не изъ одного ландтага. Вмѣстѣ съ открытіемъ ландтага правительство, боявшееся освобожденія народной массы и въ особенности русской и довѣрявшее только аристократіи, которой существующее положеніе вещей было, конечно, всего дороже, заботилось еще тѣснѣе привязать къ себѣ крупныхъ землевладѣльцевъ и для этой цѣли окончательно пожертвовало русскою національностью. Оно издало законъ, которымъ русскій языкъ изгонялся изъ всѣхъ учебныхъ заведеній Галиціи. Онъ оставленъ былъ только въ львовской духовной семинаріи.

Такимъ образомъ, всѣ надежды русскихъ на болѣе или менѣе самостоятельное развитіе были разрушены. «Федеративная конституція» 1817 года грозила уничтожить ихъ совершенно и если не удастся ихъ онѣмечить, то по крайней мѣрѣ ополячить. Конечно, галицкіе русскіе понимали всю опасность своего положенія и старались по возможности противодѣйствовать полонизаціи. Православный митрополитъ львовскій Левицкій горько жаловался на угнетеніе русской народности. Другіе русскіе патріоты старались поддержать свое національное дѣло иначе. Они, какъ, напрѣмѣръ Стацкевичь, Куженскій т др., всѣми средствами старались развить русскую литературу, сами много писали и собирали народныя пѣсни и историческія сказанія и т. п. Но дѣло понятное, что это были слишкомъ слабыя попытки уже по одному тому, что народная масса не знала ихъ, да и не могла бы понять ихъ. Всесильная польщизна господствовала надъ русскимъ народомъ; масса зависѣла отъ нея и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ. Противъ застарѣлой и трудной болѣзни нужны сильныя средства.

Мы уже указали одну причину того, почему австрійское правительство отдало галицкихъ русскихъ въ руки полякамъ; это—традиціонная и консерватиная боязнь передъ политическою

свободою народныхъ массъ,—боязнь, развитая вслѣдствіе французской революціи прошлаго столѣтія и характеризующая время самой мрачной реакціи послѣ 1815 года Но была и другая причина. Австрійское правительство боялось Россіи, боялось того, чтобы Россія не предъявила своихъ правъ на своихъ единоплеменниковъ, боялось, чтобы сами галиційскіе русскіе не почувствовали въ себѣ стремленіе къ политическому единству съ своими закордонными братьями. Въ Вѣнѣ рѣшительно всегда подозрѣвали русскихъ галичанъ въ сочувствіи и тягѣ къ Россіи, а Россію—въ томъ, что она будто бы посредствомъ спеціальныхъ агентовъ съ пресловутыми „русскими рублями" всегда интригуетъ въ Галиціи съ цѣлію отнять ее у Австріи. Оттого тамъ и приняли такую политику, чтобы совершенно затереть и, если можно, совсѣмъ уничтожить въ Австріи все русское: тогда де не о чемъ было бы хлопотать Россіи. Не забудемъ, что это было время знаменитаго „священнаго союза," когда политическая сентиментальность дошла до своего крайняго развитія и когда эти двѣ державы—Австрія и Россія—жили въ такой, повидимому, тѣсной, сердечной, неразрывной дружбѣ... Такова, впрочемъ, всегда политика Австріи. Отчасти она-то и довела ее до нынѣшняго безвыходнаго положенія.

Всего лучше эта двуличная, предательская политика Австріи выяснилась къ 1830 году, до котораго дѣла въ Галиціи оставались въ старомъ положеніи. Сущностію меттерниховской политики было противодѣйствіе всякой революціи. Она осудила даже греческое возстаніе, столько бывшее популярнымъ въ общественномъ мнѣніи Европы. Не такъ отнеслась Австрія къ польской революціи, разразившейся въ Россіи. Это не было сочувствіе къ подавленной Польшѣ; это не была уступка общественному мнѣнію. Это было злорадство русской бѣдѣ; это была радостная надежда на ослабленіе Россіи. Правда, въ видахъ самосохраненія Австрія приняла кое-какія мѣры противъ бунта. Такъ, она стянула на галицкую границу корпусъ войскъ, чтобы не пускать мятежниковъ на австрійскую почву и не дать распространиться здѣсь революціи, запретила вывозъ оружія въ Польшу и т. п. Но втайнѣ она была очень рада возстанію и покровительствовала ему. Она не отозвала изъ Варшавы своего резидента и ея канцлеръ довольно открыто

велъ переговоры съ племянникомъ Чарторыжскаго, графомъ Замойскимъ, о томъ, чтобы въ освобожденной Польшѣ посадить на престолъ австрійскаго эрцгерцога.

Польская революція имѣла большое значеніе для пробужденія національнаго сознанія въ племенахъ, населяющихъ Галицію. Доселѣ мы не видѣли энегрической борьбы въ ней между русскими и поляками; послѣдніе успѣли совершенно подчинить себѣ первыхъ. Съ этого времени борьба начинается на жизнь и на смерть и съ различными перемѣнами продолжаетси доселѣ. Народное сознаніе выразилось въ самомъ отношеніи Галиціи къ польской революціи. Въ то время, когда въ русской Польшѣ кипѣла страшная борьба, въ Галиціи было полное спокойствіе. Итакъ, Галиція не сочувствовала мятежу. Понятно, почему русскіе не имѣли къ нему симпатій. Возстаніе затѣяли поляки, и притомъ главнымъ образомъ высшаго сословія. Успѣхъ возстанія, очевидно, сопровождался бы еще большимъ усиленіемъ этого класса, а слѣдовательно,—если вслѣдъ за тѣмъ то же сдѣлалось бы и въ Галиціи,—еще большимъ униженіемъ русской народности. Не больше сочувствовали бунту и въ западной Галиціи. Только нѣкоторые лица изъ высшаго сословія принимали открытое участіе въ мятежѣ. Любопытный фактъ: изъ 418 человѣкъ, учавствовавшихъ въ дѣлѣ революціи, 26 подписывали передъ своею фамиліею титулъ „графъ“. Итакъ, и польскіе крестьяне Галиціи не сочувствовали революціи, конечно, потому что она была дѣломъ аристократіи и не обѣщала низшимъ классамъ ничего хорошаго, а развѣ еще большее закрѣпощеніе. Теперь дворянству пришлось поплатиться за свои непомѣрныя привиллегіи, за угнетеніе крестьянъ, за ихъ бѣдность и невѣжество. До какой степени доходило невниманіе пановъ къ насущнымъ крестьянскимъ нуждамъ, видно изъ того, что дворянство, засѣдавшее въ ландтагѣ въ теченіе почти двадцати лѣтъ (1828—1847), только и дѣлало, что жаловалось на бюрократисмъ, на придирки вѣнскаго правительства, на введеніе нѣмецкаго языка въ гимназіи и университеты, а о положеніи крестьянъ и не заикалось, между тѣмъ какъ у крестьянъ не было ни крупной поземельной собственности, ни порядочнаго жилья, ни хлѣба, ни одежды.

Съ 1840 года въ галиційскомъ ландтагѣ образовалась либераль-

ная партія, которая цѣлію своей дѣятельности поставила реформы. Она, наконецъ, обратила вниманіе на угнетенныхъ панами крестьянъ. Она не боялась трудности соціальной реформы и потребовала земли для крестьянина. Понятное дѣло, что на первыхъ порахъ эта партія была малочисленна и совершенно незначительна по вліянію. Дворяне рѣшительно противились ей и, естественно, ничуть не желали разстаться съ своею важнѣйшею привиллегіею. Впрочемъ, уже въ 1843 году либералы добились побѣды въ ландтагѣ, и вслѣдствіе этого ландтагъ рѣшился было на реформу и обратился къ правительству за разрѣшеніемъ. Но теперь само правительство воспротивилось реформѣ. Оно не хотѣло, чтобы вопросъ этотъ былъ рѣшенъ по инниціативѣ дворянства, столько заинтересованнаго въ немъ. По вѣковой австрійской политикѣ, оно не смѣло содѣйствовать развитію довѣрія между сословіями; оно боялось, что дворянство увлечетъ и крестьянъ въ свои интриги. Вопросъ о реформѣ отодвигали все дальше и дальше. Къ счастію, онъ былъ все ближе и ближе къ рѣшенію.

(Бирж. Вѣд.).

Изъ воспоминаній о почившемъ митрополитѣ Іосифѣ Сѣмашко *).

> Онъ (Сѣмашко) такъ горячо трудился надъ науками (въ главн. семинаріи), что казалось, что св. римско-католическую церковь или вознесетъ на высочайшую степень, или силою своей превратной науки совершенно ниспровергнетъ её въ Россіи. (Слова профессора Ходани, Wspomnienie Narodowe, Paryz 1861 стр. 167).

Двадцать третьяго ноября не одна литовская паства совершала двухгодичное молебственное поминовеніе по въ Бозѣ

1) Обращаемся съ покорнѣйшею просьбою ко всѣмъ лицамъ, знавшимъ покойнаго митрополита, имѣвшимъ къ нему отношенія и состоявшимъ съ нимъ въ переписке—сообщать въ редакцію епарх. вѣдомостей все, что только можетъ служить къ изученію личности этого великаго человѣка, времени, въ которое онъ дѣйствовалъ и дѣла имъ совершеннаго. Редакція съ благодарностію приметъ такія сообщенія. Ред.

почившемъ митрополитѣ Іосифѣ Сѣмашко. Два года прошло, какъ угасъ этотъ свѣтильникъ православія и поборникъ русской народности въ здѣшнемъ краѣ. Его отшествіе ко Господу было предметомъ многихъ и тревожныхъ нашихъ думъ; мы такъ привыкли къ нему, что его смерть показалась чѣмъ то роковымъ для насъ.

Смерть покойнаго митрополита была предметомъ воспоминаній изъ его жизни и его разносторонних отношеній къ людямъ, и по преимуществу къ учащемуся духовному юношеству. Въ послѣдней средѣ онъ всегда являлся истинно любимымъ и любящимъ отцемъ. Обстановка и судьба воспитывающагося юношества была всегдашнимъ предметомъ его особенной заботливости. «Не какъ ли отецъ вашъ, говорилъ онъ однажды съ церковной каѳедры воспитанникамъ семинаріи, заботился я объ устройствѣ для васъ многочисленныхъ пріютовъ духовнаго просвѣщенія? Не какъ ли отецъ призрѣвалъ въ нихъ особенно сиротъ и неимущихъ? Не какъ ли отецъ, радѣлъ я о возможномъ для васъ удобствѣ, при всей ограниченности прежнихъ средствъ содержанія? Не какъ ли отецъ, старался я доставить вамъ достойнѣйшихъ наставниковъ? Не какъ ли отецъ, заботился я обезпечивать участь оканчивавшихъ ученіе, соотвѣтственно достоинству каждаго, безъ всякаго лицепріятія?„ Эти то проявленія отеческой заботливости почившаго владыки болѣе всего присущи нашей памяти, и мы, что помнимъ изъ временъ нашей школьной жизни и что узнали послѣ, передаемъ печати. Покойный митрополитъ пользовался такимъ преимуществомъ относительно епархіи, какое чрезвычайно рѣдко бываетъ удѣломъ нынѣшнихъ архипастырей,—именно онъ около 30 лѣтъ управлялъ литовскою епархіей: такое долговременное служеніе на одномъ и томъже мѣстѣ—прибавимъ къ тому—и годы его образованія, проведенные тоже въ Вильнѣ, въ кругу товарищей изъ разныхъ мѣстностей края, помогли ему изучить епархію во всѣхъ подробностяхъ. Въ его лицѣ, безъ преувеличенія говоримъ, мы видѣли возможное осуществленіе идеала пастырства. Это былъ пастырь, который вполнѣ зналъ свою паству, и паства знала его, слушала его и слѣдовала за нимъ. Онъ зналъ каждаго священника и весьма многихъ причетниковъ *лично*, зналъ образъ ихъ мыслей, ихъ дѣятельность, поведеніе

и ихъ даже привычки, и нерѣдко семейную жизнь и обстановку, и разныя фамилійныя связи и отношенія, зналъ отцовъ и дѣдовъ ихъ по большой части тоже лично и меньше—по раскзамъ другихъ; а потому, при посѣщеніи семинаріи, при спросахъ и разговорахъ съ воспитанниками, онъ любилъ вспоминать объ отцахъ ихъ, дѣдахъ, дядяхъ, матеряхъ и проч. „Ну старайся, братецъ, говорилъ онъ одному ученику, твой отецъ у меня хорошій священникъ; я его люблю и уважаю; смотри и ты будь таковъ.“ При этомъ владыка долго и внимательно смотрѣлъ на ученика и уже помнилъ его. «А тебя отецъ твой строго держитъ»? спрашивалъ онъ другаго. „Нѣтъ—не строго,“ былъ отвѣтъ. „Ну—пользуйся его добротою, а то вашъ дѣдъ былъ человѣкъ строгій, хорошо держалъ и воспитывалъ сыновей, и вывелъ ихъ въ люди.“ Иной разъ владыка входилъ въ малѣйшія подробности семейной жизни; зналъ напримѣръ, какая священница особенно любила чѣмъ заниматься въ хозяйствѣ. Зная характеръ родителей, владыка внимательно слѣдилъ за поведеніемъ дѣтей—учениковъ, часто расправшивалъ у начальства о поведеніи и прилежаніи ихъ и при посѣщеніи семинаріи непремѣнно справлялся о нихъ, спрашивалъ уроки, спрашивалъ о поведеніи и, въ случаѣ неодобрительнаго отзыва, отечески вразумлялъ виновнаго; при этомъ онъ всегда напоминалъ о родителяхъ. Если и родители провинившагося тоже были извѣстны съ невыгодной стороны, то владыка приказывалъ внимательно слѣдить за нимъ. Владыка былъ врагъ исключеній изъ училищъ и если предстояла надобность исключить кого либо, то это было для него такъ непріятно, что онъ внушалъ начальству всѣми силами заботиться объ исправленіи попавшихъ въ третій разрядъ и поддерживать ихъ, и только крайность провинившихся заставляла его соглашаться на увольненіе ихъ изъ заведенія. Бывали впрочемъ случаи, что уволеннымъ только не заповеденіе—дозволялъ снова поступать въ училища подъ условіемъ полнаго исправленія. Малоуспѣшныхъ по неразвитости онъ почти всегда оставлялъ въ томъ же классѣ; на другихъ же указывалъ, какъ на могущихъ хорошо учиться, потому что отцы ихъ люди способные. Благодаря такому такту, многіе были спасены отъ незавидной доли исключеннаго, и теперь съ честью служатъ въ качествѣ священниковъ. Иногда онъ являлся въ семинарію въ грозномъ видѣ—это когда происходили въ ней ка-

кія либо выходки со стороны учениковъ; въ это время невольный страхъ нападалъ на всѣхъ—даже учащихъ. Вразумивши учениковъ и наказавъ виновныхъ, онъ не оставлялъ безъ наставленія и начальствующихъ, внушая имъ внимательно слѣдить за учащимися. Къ концу своего посѣщенія онъ становился такимъ же добрымъ и любящимъ отцемъ, какъ и въ другое время, и громогласное „исполла" было отвѣтомъ воспитанниковъ на его наставленія. Владыка весьма любилъ пѣніе, а потому, если и случалось ему быть недовольнымъ найденными въ учебныхъ заведеніяхъ порядками, особенно при его внезапныхъ посѣщеніяхъ, то пѣніе всегда обезоруживало его. Нерѣдко онъ являлся въ семинарію вечеромъ, совсѣмъ неожиданно; при этомъ часто садился на ученическій стулъ, спрашивалъ уроки, или же что-либо изъ прочитаннаго; при этомъ серіозно слѣдилъ за логической стороной отвѣта и за тѣмъ указывалъ, какъ надо отвѣчать, какъ надо учить, чтобы это ученіе не было похоже на зазубриванье. Онъ, впрочемъ, любилъ всегда бойкіе, но толковые отвѣты; болтливости-же и многословія въ отвѣтахъ, а равно и въ разговорахъ—не терпѣлъ; словоохотливые нерѣдко получали отъ него мѣткое замѣчаніе. Вообще онъ самъ больше дѣлалъ и думалъ, чѣмъ говорилъ.

Покойный владыка не малое вниманіе обращалъ на преподававшіеся въ то время предметы: медицину и сельское хозяйство. Въ изученіи первой онъ видѣлъ ту пользу, что священникъ, по своему положенію среди народа, можетъ быть лучшимъ лекаремъ въ незначительныхъ болѣзняхъ и своими совѣтами удержитъ крестьянъ отъ исканія помощи у жидовъ и знахарей. А сельское хозяйство онъ самъ любилъ и желалъ, чтобы и священники занимались имъ; этимъ онъ думалъ болѣе привязать ихъ къ мѣстамъ служенія и ввести кое-что новое въ сферу сельско-хозяйской жизни. Однимъ словомъ, онъ желалъ, чтобы священникъ былъ первый и лучшій человѣкъ въ приходѣ. Такъ называемые публичные экзамены, бывшіе всегда въ Іюлѣ мѣсяцѣ, оканчивалъ наставленіемъ, чтобы во время вакацій ученики помогали въ хозяйствѣ своимъ родителямъ. „Я и самъ возилъ снопы". „О. ректоръ, говорилъ съ улыбкой разъ владыка, не давайте благословенія тѣмъ, у которыхъ по пріѣздѣ въ Вильну будутъ бѣлые руки, это лѣнтяи, а благословляйте

тѣхъ, у которыхъ руки загорѣли отъ солнца, они, видно, трудились. Дѣти незабудьте—трудитесь, заканчивалъ онъ. Слово „дѣти“ какъ-то особенно звучало въ его устахъ, и единодушное „будемъ“ и „исполла“...... было отвѣтомъ.

Любовь владыки къ сельской обстановкѣ священника такъ была велика, что онъ у себя, въ загородномъ архіерейскомъ домѣ, въ саду устроилъ хижину на подобіе той, въ которой провелъ свою молодость. Это—чистый сколокъ малорусской избы. Разъ въ году владыка дѣлалъ на свой счетъ рекреацію ученикамъ семинаріи и училищъ. Гулянье происходило въ Тринополѣ, загородномъ домѣ, куда ученики являлись въ 9 часовъ утра и возвращались домой въ 10—11 часовъ вечера. Съ 9-ти до 3-хъ часовъ дозволялось посѣщать знаменитые Верки, имѣніе кн. Витгенштейна, пользоваться тамошними качелями, осмотромъ дворца и оранжерей и т. п., на что въ под. случаяхъ было разрѣшеніе князя. За тѣмъ въ три часа собирались всѣ въ домъ владыки, гдѣ было угощеніе. Ученикамъ богословія былъ при этомъ чай. Затѣмъ ученики посѣщали садъ, гдѣ раздѣлившись на нѣсколько группъ, пѣли пѣсни, играли и т. п.,—самъ владыка являлся тутъ же; однимъ словомъ, всѣмъ было весело и хорошо. Въ послѣдніе годы жизни, онъ уже не приглашалъ въ Тринополь учениковъ, но за то всегда присылалъ о. ректору деньги для устройства рекреаціи ученикамъ.

Владыка внимательно слѣдилъ за судьбою кончившихъ курсъ семинаріи и радовался, когда они вели свое дѣло хорошо. При личномъ съ ними свиданіи онъ высказывалъ имъ свою благодарность; припоминая при этомъ, какъ кто изъ нихъ велъ себя въ семинаріи, какъ отвѣчалъ на экзаменахъ, и обѣщалъ всегда помнить о нихъ. Старцевъ-священниковъ онъ тоже любилъ и защищалъ. Однажды, въ послѣднее время, стороной было указано на одного 70 лѣтняго священника, говорившаго у себя дома по польски. Владыка просилъ оставить его въ покоѣ, указывая на то, что его дни недолги, а между тѣмъ и онъ когда-то оказалъ большую услугу тѣмъ, что самъ принялъ православіе и мирно ввелъ его въ своемъ приходѣ. Въ одной надгробной рѣчи было сказано, что владыка понималъ смыслъ жизни и угадывалъ ея теченіе. Дѣйствительно, кому памятны годы возсоединенія уніатовъ съ православною церковію, тотъ не

огъ не поражаться умѣньемъ и находчивостію этого человѣка окорять себѣ сердца людей. Разсказывали намъ, что однажды въ Жировицкой семинаріи нѣкоторые изъ воспитанниковъ, несмотря на предварительное предостереженіе инспектора, условились во время пѣнія на литургіи символа вѣры вставлять и „отъ Сына.“ Это было еще во время возсоединенія—время колебанія. Прибывшій изъ Петербурга владыка, бывшій тогда въ церкви, обратилъ на это вниманіе. По окончаніи службы, онъ сталъ на клиросѣ, похвалилъ учениковъ за хорошее пѣніе и приказалъ отчетливо пѣть символъ вѣры, въ пѣніи котораго онъ замѣтилъ какую то нестройность. Пропѣли но безъ вставки „и отъ Сына.“ „Вотъ такъ и нужно пѣть всегда, сказалъ Іосифъ объяснилъ происхожденіе и при этомъ исторически этой вставки. Съ тѣхъ поръ слово и „отъ Сына“—болѣе уже не слышалось въ пѣніи семинаристовъ. Въ другой разъ, по пути изъ Петербурга въ Жировицы, онъ заѣхалъ въ Полоцкъ для ревизіи семинаріи; былъ экзаменъ изъ русской и польской литературы. Были представлены въ двухъ папкахъ Polskie czwiczenie и упражненія русскія. Сѣмашко любилъ читать ученическія сочиненія. Онъ обратился къ польскимъ и долго и серіозно смотрѣлъ на нихъ, какъ бы разбирая буквы. Что это Po, po, pol...... Неумѣю читать о. ректоръ. „Польске cwiczenie“, подхватилъ о. ректоръ. Польске cwiczenie! произнесъ знаменательно Іосифъ и отодвинулъ далеко отъ себя, исключительно занялся русскими упражненіями, хвалилъ успѣхи учениковъ и оказывалъ къ нимъ особенное вниманіе. Довольно было и этого случая, чтобы послѣ выѣзда его уже не стало класса польской литературы. Онъ былъ очень чутокъ къ готовящимся въ краѣ событіямъ. Когда въ 1861 году стали угощать поляки нашихъ священниковъ разнаго рода письмами и прокламаціями, и духовенство нуждалось въ совѣтѣ и укрѣпленіи, вдругъ явилось окружное посланіе владыки, которое произвело самое благопріятное дѣйствіе на духовенство. Еще болѣе возмутила его прокламація, которая появилась въ стѣнахъ самой семинаріи. Владыка тотчасъ же явился въ семинарію. Говорятъ, что въ эту минуту онъ былъ величественъ; его слова были такъ сильны и могучи, что тотчасъ успокоили оскорбленныхъ прокламаціею учениковъ, которые тутъ же рѣшились написать свое мнѣніе по этому поводу. Въ

свое время эти мнѣнія были напечатаны въ „Епарх. Вѣдомостяхъ.“

Покойный владыка всегда заботился не мало о судьбѣ сиротъ и оканчивавшихъ курсъ ученія, и весьма многіе должны быть ему вѣчно благодарны за то, что онъ далъ средство къ образованію и указалъ лучшую долю въ жизни. Желая казенное содержаніе въ семинаріи и училищахъ доставить нуждающимся и достойнымъ, онъ велѣлъ представлять ему ежегодно въ маѣ вѣдомость о требующихъ казеннаго содержанія. Вѣдомость эта составлялась на основаніи представленій благочинныхъ и частныхъ прошеній. Самъ митрополитъ внимательно просматривалъ эту вѣдомость, соображался съ извѣстнымъ ему состояніемъ и дѣятельностію отцовъ и полагалъ или свое согласіе или отказъ. Оканчивавшимъ курсъ обыкновенно сообщались изъ консисторіи свѣдѣнія о вакантныхъ мѣстахъ. Кандидаты священства выбирали себѣ то или другое мѣсто, которое владыка утверждалъ или не утверждалъ за ними, смотря по ихъ поведенію и успѣхамъ. Онъ сердечно любилъ своихъ семинаристовъ и отъ нихъ ожидалъ пользы всегда больше чѣмъ отъ другихъ. Долговременный опытъ жизни и хорошее знаніе людей побуждали его къ этому, и только недостатокъ своихъ кандидатовъ заставлялъ его принимать окончившихъ курсъ семинарскаго обученія въ другихъ епархіяхъ.

Наше духовенство съ непритворною скорбію слѣдило за развитіемъ его болѣзни, и многіе священники бывали въ Вильнѣ за тѣмъ только, чтобы принять отъ него благословеніе. Смерть митрополита вызвала непритворныя слезы, и многіе, очень многіе глубоко сожалѣли, что не были извѣщены въ свое время о кончинѣ въ Бозѣ почившаго владыки и не могли потому воздать ему послѣдній долгъ.

(Литовск. епарх. вѣд.).

ЗАМѢТКА О РИМСКОМЪ СОБОРѢ.

Съ 1 Іюня соборныя засѣданія сдѣлались чаще, едва не каждый день. Приверженцы папы и іезуитовъ хотѣли какъ можно скорѣе провозгласить непогрѣшимость римскаго первосвященника и такимъ образомъ осчастливить католическій міръ

вымъ ученіемъ. И потому они-то предписывали римско-каликамъ, чтобы они въ продолженіи двухъ недѣль молились ниспосланіи собору благодати св. Духа, увѣряя, что весь иной шаръ представляетъ самое жалкое зрѣлище, что чѣмъ лѣе тянется борьба собора съ міромъ, тѣмъ славнѣе будетъ бѣда,—то въ засѣданіяхъ собора говорили и читали громкія аторскія рѣчи; въ которыхъ всемѣрно старались доказать жность, необходимость и спасительность новаго догмата,—то, конецъ, для окончательнаго подавленія оппозиціи, употребляли, обинуясь, средства самыя неблаговидныя, напоминающія пра-ило, которое давно уже усвоила себѣ римская курія, а именно—*цѣль оправдываетъ средства.* Но, не смотря на все это, ровозглашеніе новаго догмата не могло совершиться 21 іюня, ь годовщину коронаціи Пія IX, какъ предполагали сначала, э могло послѣдовать наконецъ и въ праздникъ св. Петра, 29 оня. Причиною того послужили новыя затрудненія, возникшія ъ средѣ самаго собора. Извѣстно, что догматъ непогрѣши-ости папы, съ самаго начала соборныхъ засѣданій, встрѣтилъ царкихъ противниковъ между членами собора. Когда же въ оборныхъ засѣданіяхъ начались пренія о конституціи de ec-clesia Christi, противники непогрѣшимости мужественно заго-ворили противъ дерзости папы быть непогрѣшимымъ и сильный и могучій голосъ ихъ раздался далеко за стѣнами Ватикана и откликнулся въ средѣ истинныхъ католиковъ. Это побудило приверженцевъ догмата непогрѣшимости отсрочить на нѣкоторое время провозглашеніе новаго догмата, чтобы прежде —съ одной стороны успокоить совѣсть нѣкоторыхъ изъ членовъ собора, колеблющихся между уваженіемъ къ папскому собору и убѣжденіями, запрещающими имъ выполнять требованія онаго, а съ другой—подготовить католическій міръ къ принятію догмата, котораго восемнадцать вѣковъ не знала церковь ни восточная, ни западная.

Число папской дружины, ратовавшей за догматъ непогрѣшимости римскаго первосвященника, превышало 600 епископовъ. Во главѣ стоялъ Маннингъ, архіепископъ вестминстерскій, находящійся въ тѣсныхъ связяхъ съ іезуитами. Онъ первый провозгласилъ, что непогрѣшимость есть качество, принадлежащее папѣ само собою, естественно и независимо отъ при-

знанія онаго сонмомъ епископовъ, что съ провозглашеніемъ папской непогрѣшимости, которой нельзя отрицать, не впадая въ грѣхъ и ересь, „начнется вѣкъ Святаго Духа и церковь будетъ истинно довершена“ и что день провозглашенія этого ученія „будетъ великимъ днемъ, подобнымъ дню созданія міра“. Дешанъ, архіепископъ мехельнскій, не только поддерживалъ крайнее ученіе Маннинга, но и называлъ противниковъ новоизмышленнаго догмата худыми христіанами, забывшими страхъ Божій. Пій же, епископъ Пуатье, торжественно объявилъ на соборѣ, что *„папа необходимо долженъ быть непогрѣшимымъ, потому что апостолъ Петръ былъ распятъ головою внизъ, и такимъ образомъ на головѣ своей выносилъ всю тяжесть своего тѣла. Точно также папа, какъ глава церкви, несетъ на себѣ всю церковь. Но не погрѣшимъ тотъ, кто несетъ, а не тотъ, кого несутъ.*“ И многочисленный соборъ пастырей внималъ симъ доказательствамъ, а „епископы итальянскіе и испанскіе рукоплескали ораторамъ“......

Члены оппозиціи, рѣшившіеся не подавать голоса въ пользу постановленія о личной непогрѣшимости папы, состояли изъ епископовъ различныхъ націй—людей болѣе или менѣе извѣстныхъ въ католическомъ мірѣ, образованныхъ и пользующихся уваженіемъ. Такихъ епископовъ было числомъ около 126. Всѣ они записались, чтобы держать рѣчь о схемѣ de primatu pontificis romani, и многіе изъ нихъ говорили съ блестящимъ успѣхомъ. Самая видная роль въ этомъ отношеніи принадлежитъ Штроссмайеру, епископу хорватскому. 2 Іюня онъ произнесъ рѣчь весьма замѣчательную возвышенностію идей и глубиной богословскихъ знаній. Всѣ отцы вышли изъ залы, пораженные его краснорѣчіемъ и силой его аргументаціи, отъ начала и до конца основанной на безконечномъ множествѣ текстовъ св. Писанія и сочиненій отцовъ церкви, изъ коихъ онъ приводилъ всѣ цитаты на память. Онъ опирался между прочимъ на св. Кипріана и доказалъ самымъ неопровержимымъ образомъ, что въ первые десять вѣковъ христіанства о непогрѣшимости папы никогда не было и рѣчи. Рѣчь Штроссмайера ободрила оппозицію и вызвала ее на открытую борьбу съ іезуитами. Скоро поднялъ свой голосъ противъ новаго ученія и

кардиналъ Филиппъ-Марія Гвиди, архіепископъ Болоньи, принадлежащій къ ордену доминиканцевъ. Рѣчь его была самою смѣлою изъ всѣхъ, какія были произнесены доселѣ, ибо онъ нападалъ не только на несвоевременность провозглашенія догмата но и на самую сущность вопроса, и его слова имѣли тѣмъ большее значеніе, что его, какъ римскаго кардинала, полагали приверженцемъ догмата. По этому впечатлѣніе рѣчи было сильное: сначала она привела въ изумленіе всѣхъ присутствовавшихъ, а потомъ повергла въ смятеніе ряды большинства; потомъ стали раздаваться восклицанія, прерывавшія оратора, но онъ, возвысивъ голосъ, преодолѣлъ смятеніе и воскликнулъ: „гдѣ мы здѣсь; на соборѣ или на флорентійскомъ парламентѣ?“ Наконецъ онъ заключилъ свою рѣчь предложеніемъ принять вмѣсто схемы слѣдующіе два канона:

1) Когда папа произноситъ сужденіе въ дѣлѣ вѣры или нравовъ, то онъ *непогрѣшимъ* in actu et non in habitu.

2) Дабы папа былъ *непогрѣшимъ* in actu, необходимо, чтобы онъ былъ поддержанъ согласіемъ епископовъ.

Дѣйствіе рѣчи кардинала Гвиди не ограничилось стѣнами соборнаго засѣданія; она распространилась по городу и вызвала общее одобреніе. Фактъ этотъ встревожилъ папу, и на другой день кардиналъ Гвиди призванъ былъ въ Ватиканъ. Въ продолженіи двухъ часовъ они прогуливались вдвоемъ въ садахъ Бельведери, и папа осыпалъ кардинала Гвиди горькими упреками. Когда же послѣдній ссылался на неблагопріятныя для догмата непогрѣшимости преданія церкви, то получилъ отъ папы энергическій отвѣтъ: *„я самъ преданіе.“* Съ неменьшею силою говорили и прочіе члены оппозиціи: Раушеръ, епископъ майнтскій, Дарбуа, архіепископъ парижскій, кардиналъ Шварценбергъ и другіе. Всѣ они въ своихъ рѣчахъ явно протестовали противъ неправильнаго и насильственнаго способа внесенія на соборъ вопроса о непогрѣшимости, возставали противъ самой конституціи о церкви и преимущественно противъ главы о непогрѣшимости, предсказывали великія бѣдствія для церкви и настойчиво утверждали, что догматическій декретъ, непринятый всѣми епископами безъ исключенія, не можетъ имѣть силы закона.

Смѣлый и открытый протестъ противъ новаго ученія епископовъ, говорившихъ безъ рабскаго самоуниженія, встревожилъ

римскій дворъ. Папская курія видѣла, что рѣчи уже говорившихъ раторовъ перешли за стѣны собранія и возбудили въ публикѣ симпатіи, которыхъ не могъ отрицать папскій престолъ хотя и осуждалъ оныя. Она видѣла съ другой стороны, что хотя папская непогрѣшимость обезпечена ей голосами преданнаго большинства, однакожъ—краснорѣчивая аргументація оппозиціонныхъ ораторовъ много вредила обаянію успѣха и значительно ослабляла убѣжденіе въ дѣйствительности догмата, для чего необходимо было бы все могущество единогласнаго рѣшенія. Вслѣдствіе того римскій дворъ, встревоженный впечатлѣніемъ, которое произвели рѣчи оппозиціонныхъ ораторовъ, вздумалъ однимъ ударомъ покончить съ оппозиціею. И 4 іюня іезуиты сыграли роль, достойную послѣдователей Лойолы. Въ этотъ день шесть ораторовъ по назначенію должны были держать рѣчи въ засѣданіи. Но когда собрались всѣ члены и засѣданіе было открыто, эти ораторы, наущенные и обласканные іезуитами, неожиданно объявили, что отказываются отъ слова и стали приглашать и другихъ записавшихся ораторовъ послѣдовать ихъ примѣру. Громъ рукоплесканій сторонниковъ непогрѣшимости, которые знали въ чемъ дѣло, былъ отвѣтомъ на это предложеніе. Тотчасъ же рѣшено было вотировать это предложеніе. Члены оппозиціи, застигнутые въ расплохъ, были совершенно ошеломлены и, со всѣмъ обезоруженные, должны были безмолвно выслушать постановленіе о закрытіи преній, рѣшенное акламаціей. Такимъ образомъ оппозиція неожиданно лишилась и послѣдняго оружія противъ сторонниковъ непогрѣшимости, именно слова, могуществомъ котораго она надѣялась вознаградить себя за численное меньшинство. Обстоятельство это крайне ее раздражило. На другой день, послѣ неожиданнаго и насильственнаго закрытія общихъ преній о непогрѣшимости, французскіе епископы, принадлежащіе къ меньшинству, собрались у монсиньора де-Бонншоза и, послѣ довольно-оживленныхъ совѣщаній, во время коихъ нѣкоторыми было предложено удалиться изъ собора, они рѣшили составить адресъ съ почтительными увѣщаніями, который и былъ поданъ папѣ, и на который Пій IX отвѣтилъ уклончиво, какъ будто бы ничего не зная. Но мало того: епископы всѣхъ національностей, принадлежащіе къ оппозиціи, условились между собою и составили

энергическій протестъ противъ стѣсненія свободы преній, покрытый болѣе чѣмъ ста подписями, который и переданъ папѣ кардиналами-легатами. Въ этомъ протестѣ они писали: „Высокопочтенные и достоуважаемые господа! По самому свойству соборовъ надлежитъ, чтобы возможность присоединять къ подачѣ голосовъ основательные мотивы, на которыхъ она опирается, не составляла исключительной привиллегіи нѣкоторыхъ отцовъ, но была правомъ общимъ для всѣхъ, и чѣмъ важнѣе дѣло представленное на разсмотрѣніе, тѣмъ строже должно быть соблюдаемо означенное право; но изъ всѣхъ опредѣленій найважнѣйшее есть конечно то, которое предлагаетъ христіанскому народу какое-либо ученіе, какъ откровенное Богомъ. Право это, принадлежащее намъ на основаніи постановленія объ очередныхъ занятіяхъ, соблюдается въ генеральныхъ консисторіяхъ, а потому преобладающее большинство голосовъ и не можетъ прекращать преній безъ нарушенія права отцовъ, имѣющихъ въ виду выразить свое мнѣніе. Подобный фактъ, однако, совершился вчера, и мы симъ указываемъ на него, высокопочтенные и достоуважаемые президенты, дабы протестъ нашъ, требующій для отцовъ права дополнять ихъ подачу голосовъ изложеніемъ мотивовъ, былъ всенародно предъявленъ и сохранился“ 1). Но несмотря на все это, несмотря на священныя права епископовъ, невзирая на множество неудовольствій, скопившихся противъ посягательствъ на свободу собора, несмотря на опасности, могущія произойти отъ такого оборота дѣла, общія пренія о непогрѣшимости были навсегда прекращены. Ни спасеніе душъ, ни спокойствіе церкви и міра; ни достоинство собора, ни что не могло преодолѣть страстей и духа партій.

После прекращенія общихъ преній о непогрѣшимости, соборъ немедленно принялъ безъ всякаго измѣненія предисловіе и двѣ первыя главы схемы о первенствѣ и непогрѣшимости римскаго первосвященника. За тѣмъ 25 Іюля въ засѣданіи собора подвергнута была голосованію четвертая глава схемы de ecclesia Christi. Въ собраніи присутствовало 680 епископовъ. Многіе изъ нихъ, находившіеся въ отпуску, были поспѣшно призваны въ Римъ, чтобы увеличить число утверди-

1) Москов. вѣдом. 1870 г. № 128.

тельныхъ голосовъ и уничтожить такимъ образомъ значеніе оппозиціи. Общій видъ собранія представлялъ весьма оживленную картину; почти на всѣхъ скамьяхъ епископы разговаривали между собою въ полголоса. Каждый епископъ, при произнесеніи его имени, вставалъ съ мѣста и громко подавалъ свой голосъ. 88 епископовъ подали голосъ противъ новаго догмата; въ томъ числѣ кардиналы Матье, Шварценбергъ, Раушеръ, архіепископы парижскій и гренобльскій. Отрицательный отвѣтъ ихъ произвелъ глубокое впечатлѣніе въ собраніи; 63 епископа подали голоса свои условно, и наконецъ 80 епископовъ воздержались отъ голосованія; такимъ образомъ изъ 608 епископовъ на сторонѣ оппозиціи оказалось 231 епископъ.

Наконецъ 18 Іюля въ полдень торжественно былъ провозглашенъ догматъ римской церкви. Въ соборѣ находилось нѣсколько тысячъ человѣкъ, большею частью священниковъ, монахохъ и учениковъ духовныхъ училищъ. Папа, въ красной шитой золотомъ мантіи и въ золотой остроконечной тіарѣ, сидѣлъ по серединѣ залы на тронѣ неподвижно, какъ раскрашенная статуя; кругомъ на сидѣньяхъ амфитеатра сидѣли епископы, кардиналы, дипломаты, высшіе чины и римское дворянство. Послѣ торжественнаго открытія засѣданія, началась публичная подача голосовъ, при чемъ монотонно нѣсколько сотъ разъ прозвучало „placet". Затѣмъ начался счетъ голосовъ, при чемъ оказалось, что изъ 535 епископовъ, присутствовавшихъ на соборѣ, 533 произнесли placet, а 2-non placet; составленъ протоколъ, и наконецъ секретари собора поднесли папѣ для прочтенія текстъ новаго догмата; папа, едва вставъ съ своего трона и опираясь на служителей, дрожащимъ и едва слышнымъ голосомъ прочелъ слѣдующее: „Сохраняя вѣрность преданіямъ, полученнымъ, отъ начала христіанской религіи, во славу Бога и Спасителя, въ прославленіе католической религіи и во спасеніе христіанскихъ народовъ, съ согласія святаго собора мы исповѣдуемъ и опредѣляемъ слѣдующій догматъ, открытый въ божественномъ откровеніи: Римскій папа, когда онъ говоритъ e cathedra, т. е. когда онъ, исполняя обязанность пастыря и учителя всѣхъ христіанъ и, облеченный своею верховною апостолическою властью, опредѣляетъ ученіе о вѣрѣ или нравственности, обязательное для всей церкви, обладаетъ

ественною помощію обѣщанною ему чрезъ святаго Петра, ладаетъ тою непогрѣшимостію, которою божественный Искуитель хотѣлъ одарить свою церковь при опредѣленіи ученія вѣрѣ или о нравственности, и потому опредѣленія Римскаго пы неизмѣняемы. Если, кто, отъ чего да сохранитъ Богъ, ѣлится противорѣчить этому нашему опредѣленію, тотъ да детъ проклятъ" 1). Когда окончилось чтеніе акта, въ одну нуту раздались пушечные выстрѣлы и оглушительные крики ховенства и народа: „evvia il Papa infallibile (да здравуетъ папа непогрѣшимый)." Въ отвѣтъ на это папа проесъ слѣдующую рѣчь: „Власть верховнаго первосвященника лика, но она не разрушаетъ, а созидаетъ. Она не угнетаь, а поддерживаетъ, и весьма часто защищаетъ права нашихъ атій, то есть права епископовъ. Если же нѣкоторые и не давали своихъ голосовъ съ нами, то да будетъ вѣдомо имъ, о они возбуждали смуту, и что Господь отвращается отъ смуы. Да припомнятъ они также, что не много лѣтъ тому надъ они высказывались въ нашемъ духѣ и въ духѣ сего выкаго собранія. Чтожъ это значитъ? Или у нихъ двѣ совѣи и двѣ воли относительно одного и того же пункта? Да бавитъ ихъ Богъ! Мы молимъ Господа, который одинъ творитъ великія чудеса, да просвѣтитъ Онъ ихъ умы и сердца, бы они возвратились въ лоно своего отца, то есть верховго первосвященника, недостойнаго Христова намѣстника, да онъ могъ принять ихъ въ свои объятія, и дабы они вмѣѣ съ нами поработали противъ враговъ церкви Божіей. О, да агословитъ Господь, чтобы они могли воскликнуть съ Авгуиномъ: „Боже! Ты ниспослалъ намъ свой чудный свѣтъ, и тъ я прозрѣлъ!" О, пусть же и они всѣ увидятъ свѣтъ Бо! Да будетъ надъ всѣми вами благословеніе Господа!" 2).

Послѣ рѣчи послѣдовало „Te Deum" и торжество кончилось. Такъ провозглашенъ на соборѣ новый догматъ Римской ркви, и такъ кончился соборъ, надѣлавшій столько шуму и, слѣ провозглашенія новаго догмата, совершенно закрытый. ъ другое время это мировое событіе приковало бы къ себѣ

1) Подольск. епарх. Вѣд. 1870 г. № 19.
2) Моск. Вѣдом. 1871 г. № 550.

вниманіе всей Европы; но теперь оно прошло почти незамѣт
такъ какъ все вниманіе Европы поглощено франко-прусс
войною.

Такимъ образомъ цѣль собора достигнута. Іезуиты за
мали внести въ кодексъ римско-католической догматики но
ученіе, и успѣли. Теперь они имѣютъ своего идола, котор
создали собственными руками, и во имя котораго надѣются с
вершать великія дѣла. Но бѣда только въ томъ, что эт
идолъ остается въ настоящее время безъ обожателей и поч
тателей. Лучшіе и здравомыслящіе умы въ римско-католичес
оттолкнулись отъ него, а италіянцы, въ послѣднее время,
шили его даже аттрибутовъ внѣшней власти и, такъ сказа
заперли въ стѣнахъ Ватикана. Дастъ Богъ, что этотъ идо
оставленный и презрѣнный всѣми, падетъ, а вмѣстѣ съ ни
рухнетъ подъ тяжестію новаго купола и все римско-католи
ство, обветшалое уже и одряхлѣвшее.

Въ заключеніе не лишне будетъ познакомиться съ личн
стью Пія IX. Онъ родился 13 мая 1792 года въ Синигал
небольшомъ городѣ въ Мархіяхъ и принадлежитъ къ фами
графовъ Мастаи-Ферретти, которая, необладая большими бог
ствами, имѣла довольно состоянія, чтобы жить въ своей стра
сообразно съ своимъ званіемъ. Имя его было Іоаннъ-Марі
Одиннадцати лѣтъ онъ былъ отправленъ для обученія въ ко
легію Вольтерры, въ Тосканѣ. Ученіе его прервано на 17 г
ду его жизни страшнымъ недугомъ—падучею болѣзнію, котор
имѣла огромное вліяніе на всю его дальнѣйшую будущност
Она помѣшала ему вступить въ военную службу въ рядахъ д
рянской гвардіи, гдѣ онъ и остался бы въ неизвѣстности. По
ступивъ въ духовное званіе, онъ началъ свое поприще въ ка
чествѣ надзирателя за богадѣльнею, носившею названіе Ta
Giovanni. Получивъ санъ священства въ 1819 геду, онъ со
стоялъ сначала коадъюторомъ апостольскаго викарія при ми
сіи въ Чили, гдѣ вылѣчился отъ падучей болѣзни, потомъ к
нонпкомъ св. Маріи въ Via Lata и президентомъ апостол
скаго госпиталя св. Михаила въ Римѣ. 21 мая 1827 год
онъ возведенъ былъ папой Львомъ XII въ санъ архіепископ
Сполетскаго, 17 декабря 1632 года папа Григорій XVI пере
велъ его на епископскую каѳедру Имолы, а 14 декабря 1840

года возвелъ его въ кардинала. За тѣмъ прошло не бо шести лѣтъ, и 16 іюня 1846 года, послѣ двухдневныхъ вѣщаній конклава, онъ избранъ былъ на папскій престолъ. настоящее время Пію IX исполнилось 78 лѣтъ. Вотъ нѣсколькихъ словахъ біографія Пія IX, который первый папъ признанъ догматически непогрѣшимымъ.

С. Л—скій.

(Подольск. Епарх. Вѣдом.).

ре-
фи-
бѣ,
ни-
ен-
къ
ю-
це-
и
из-
ъ,
ѣ-
д-
с-

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОДПИСКА НА 1871 ГОДЪ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

„ПАРОВОЗЪ.“

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ.

1. *Внутреннее обозрѣніе.* Передовыя статьи по современнымъ вопросамъ. Правительственныя распоряженія: изъ официіальныхъ органовъ, указы, циркуляры, перемѣны по службѣ, опредѣленія и проч.

2. *Иностранная политика:* Обзоръ иностранной политики по свѣдѣніямъ, печатаемымъ въ официіальныхъ отечественныхъ органахъ.—*Телеграммы.*

3. *Научный отдѣлъ.* Статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ и литературы, преимущественно касающіеся мѣстнаго края; сюда входитъ критическій и библіографическій отдѣлъ произведеній, появляющихся въ мѣстномъ краѣ. Театральная хроника и проч.

Смѣсь. Небольшія статьи о современной общественной жизни въ Россіи и заграницей. Свѣдѣнія о желѣзныхъ дорогахъ, пароходствѣ. Торговый бюллетень. Анекдоты. Открытія.

5. *Разнаго рода объявленія.*

Газета „ПАРОВОЗЪ“ будетъ выходить тра раза въ недѣлю: попонедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, кромѣ дней праздничныхъ и слѣдующихъ за праздниками. Особо важныя извѣс-

тія и телеграммы, будутъ печатаемы въ день полученія и разсылаться подписчикамъ отдѣльными прибавленіями.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ:

За годъ 5 р., съ пересылкою 6 р. Съ 1871 г. газета „ПАРОВОЗЪ“ будетъ разсылаться иногороднымъ подписчикамъ, немедленно по выходѣ каждаго нумера.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Кіевѣ, на Подолѣ, въ главной конторѣ редакціи газеты „ПАРОВОЗЪ“. въ С-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова и другихъ.

Редакторъ-издатель *Н. Сементовскій.*

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ „ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“ въ 1871 году.

«Труды Кіевской Духовной Академіи» будутъ издаваться въ 1871 году, по прежней программѣ, съ приложеніемъ протоколовъ Академическаго Совѣта.

Въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи будутъ помѣщаться:

I. Переводы съ еврейскаго ветхозавѣтныхъ книгъ.

II. Переводъ твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина.

III. Лекціи наставниковъ Академіи и произносимыя ими церковныя собесѣдованія.

IV. Трактаты, очерки и изслѣдованія по разнымъ предметамъ богословской науки.

V. Переводы замѣчательныхъ сочиненій иностранныхъ богослововъ преимущественно по христіанской апологетикѣ и по церковной исторіи.

VI. Статьи, имѣющія предметомъ критическое обозрѣніе

роизведеній современной, по преимуществу богословской, литературы, какъ отечественной, такъ и иностранной.

VII. Обозрѣніе замѣчательныхъ явленій церковной жизни а востокѣ и западѣ.

VIII. Памятники, относащіеся къ исторіи русской церкви русской духовной литературы, могущіе имѣть интересъ не ля однихъ только спеціалистовъ, но и для большинства читаелей духовныхъ журналовъ.

VI. Въ приложеніи къ журналу будутъ печататься протоолы засѣданій Академическаго Совѣта.

Труды будутъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 12 до 5 печатныхъ листовъ. Цѣна годовому изданію 5 рублей, съ ересылкою въ другіе города 6 рублей.

Подписка принимается въ редакціи изданія при Кіевской Духовной Академіи, а также въ Москвѣ—у книгопродавца А. Н. Ѳарапонтова, въ Петербургѣ—у кногопродавца С. И. Литова.

;ОДЕРЖАНІЕ 12-ой КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ ЗА 1870 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

ДЕРЖАНІЕ 12-ой КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ ЗА 1870 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.